ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

И.П. СЕМЧЕНКОВ

СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Авторское исследование

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗДАНИЕ

Полиграфычъ, 2026

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

И.П. СЕМЧЕНКОВ

СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Авторское исследование

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗДАНИЕ

(с изменениями и дополнениями)

Калининград, 2026

УДК 340.12
ББК 67.00
С 30

Рецензенты:

Яцеленко Б.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, «ФГБОУ ВО Всероссийский государственный университет юстиции (Российская Правовая Академия Министерства юстиции России)»;

Холопова Е.Н. – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, Высшая школа права Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта.

УДК 340.12
ББК 67.00

С 30 Семченков, Игорь Павлович.

Философия права. Сущность субъективного права: авторское исследование /Игорь Павлович Семченков – 4-е изд., с доп. и изм. – Калининград: ООО «РА Полиграфычъ», 2026. – 352 с.: портр. – Библиография в подстрочных примечаниях. – 50 экз. – **ISBN 978-5-6055283-8-8**: Б.ц. – Текст непосредственный.

В работе впервые предлагается надлежащее решение многовековой проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права и связанной с ней проблемы отсутствия единого понимания сущности нравственного и нравственности.

Исследование представляет интерес для всех, кому важны правильное понимание сущности прав субъекта, нравственный и духовный прогресс народов России и всего человечества.

Автор выражает искреннюю благодарность первому читателю работы к.ю.н., полковнику внутренней службы в отставке А.А. Коровину, представителю издателя И.В. Мишуткиной, а также рецензентам, подтвердившим значимость результатов исследования.

ISBN 978-5-6055283-8-8

© И.П. СЕМЧЕНКОВ, 2026
© ООО «РА Полиграфычъ», 2026

ОТЗЫВ О КНИГЕ

В отличие от многих иных трудов по философии права и теории права настоящая работа очень предметна. Мощная аналитика, здравая логика, точность мысли полностью сосредоточены на установлении сущности прав субъекта, нравственного и реализации полученного их понимания.

В исследовании прослеживается неприятие неопределённости, многозначности, компромиссов и полутонов, которые часто встречаются в других работах. В этом смысле авторский стиль напоминает технику художников-экспрессионистов, которые пишут картины без переходов цвета, чётко очерчивая элементы своих композиций.

Анализ и отображение действительности характеризуются реалистичностью, честностью выводов и оценок.

Автор не скрывает хода своих мыслей, детально поясняет логику размышлений. Благодаря этому у читателя невольно возникает чувство сопричастности к исследованию, сопереживание за успешность его результатов, появляется интерес к тому, чем оно завершится.

Тщательно продуманный ракурс исследования, оригинальная манера преподнесения материала, широкая эрудиция автора делают работу содержательной и интересной. Читается она с удовольствием, причём, несмотря на то, что в ней представлена по-настоящему фундаментальная наука.

Но главное достоинство этой работы состоит в новизне и значимости её многочисленных результатов.

Наиболее ценными из них являются установление сущности нравственного и, впервые в истории теории и философии права, комплексное и аргументированное решение проблемы установления сущности субъективного права!

Добро пожаловать в школу правильного мышления!

С уважением, А.А. Коровин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……9

ГЛАВА I. НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ИМЕЮЩИХСЯ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Преамбула к первой главе и всему исследованию в целом…… 11
§ 1.1. Понятия прав субъекта с открытой подменой тезиса
1.1.1. Подмена тезиса при конструировании понятий……12
1.1.2. Права субъекта как права……14
§ 1.2. Понятия прав субъекта со скрытой подменой тезиса
1.2.1. Права субъекта как достояние……17
1.2.2. Права субъекта как мера поведения…….. 18
1.2.3. Права субъекта как ценностный ориентир……22
§ 1.3. Понятия прав субъекта с неопределённостью смысла
1.3.1. Права субъекта как социальный феномен……24
1.3.2. Права субъекта как явление……25
1.3.3. Права субъекта как ценность…….. 26
1.3.4. Права субъекта как отражение действительности……27
§ 1.4. Неправильные по смыслу понятия прав субъекта
1.4.1. Права субъекта как вид поведения…….. 29
1.4.2. Права субъекта как удовлетворение потребностей…..30
1.4.3. Права субъекта как возможность……31
1.4.4. Права субъекта как правоспособность……..42
1.4.5. Права субъекта как способность проявлять своё «правовое я»…….. 44
1.4.6. Права субъекта как притязания…….. 45
§ 1.5. Итоги первой главы и пояснения…….. 51

ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

§ 2.1. Проблема в понимании сущности субъективного права и методологические аспекты её решения……55
§ 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия……58

ГЛАВА III. ПРАВА СУБЪЕКТА КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОЛЖНОМ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШИХСЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

§ 3.1. Субъективное право как представление о должном и традиционно выделяемые функции прав субъекта…….. 67

§ 3.2. Объяснение независимости естественного субъективного права от закона и государства…….. 70
§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности…… 71
§ 3.4. Оценка соответствия полученного понятия прав субъекта иным философско-правовым воззрениям…… 80
§ 3.5. Естественное субъективное право и объективное (юридическое) право субъекта…….. 81
§ 3.6. Проблема описания прав человека в нормативно-правовых актах……87
§ 3.7. Неприемлемость совместного упоминания прав и свобод как однородных категорий…….. 89
§ 3.8. Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта…… 99
§ 3.9. Состав субъективного права……104

ГЛАВА IV. НЕДОСТАТОК ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА КАК НРАВСТВЕННОГО ПРАВИЛА

§ 4.1. Два аргумента в пользу постановки вопроса о содержании нравственного……..109
§ 4.2. Научное представление о нравственном……112
§ 4.3. Представление о нравственном в энциклопедиях и словарях……114

ГЛАВА V. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 5.1. Методологические аспекты следующего этапа исследования……... 120
§ 5.2. Опорный контекст следующего этапа исследования…….123
5.2.1. Движущие силы человека……...123
5.2.2. Высказывания известных людей о стремлении……133
5.2.3. Общие принципы функционирования механизма мотивации…….. 134
5.2.4. Недостатки существующих в психологии понятий потребности……141

ГЛАВА VI. СУЩНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ВТОРОЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

§ 6.1. Материалистический подход к пониманию сущности морального субъективного права и вопрос о содержании нравственного…… 155

§ 6.2. Недостаточность материалистического подхода
к пониманию природы этического субъективного права……161

ГЛАВА VII. СУЩНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ
§ 7.1. Теистический подход к пониманию
сущности этического субъективного права……..164
§ 7.2. Теизм и содержание законов……..168

ГЛАВА VIII. УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОМ И МОРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО
§ 8.1. О духовном и материалистическом в жизни и науке…….170
§ 8.2. Высказывания известных учёных о науке и религии…….181
§ 8.3. Нравственное и нравственность. Нравственное
и его соотношение с моральным субъективным правом…….183
§ 8.4. Решение проблемы в понимании нравственного
и светский вариант его интерпретации…… 192
§ 8.5. Массовое сознание и его выбор правил,
основанных на христианской морали……198
§ 8.6. **Первое уточнение** полученных понятий
субъективного права……... 201
§ 8.7. Особенности преподавания нравственного,
нравственности и субъективного права……202

ГЛАВА IX. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ОБЯЗАННОСТИ
Преамбула……...206
§ 9.1. Неприемлемость понятия субъективной обязанности
как необходимости должного поведения……..…207
§ 9.2. Неприемлемость понятия субъективной обязанности
как вида и меры поведения…… 209
§ 9.3. Установление сущности субъективной обязанности.
Лингвистический подход……... 216
§ 9.4. Метод правового регулирования, используемый
для конструирования понятия обязанности……..218

ГЛАВА X. СУЩНОСТЬ ДОЛЖНОГО
Преамбула……219
§ 10.1. Сущность должного как такового……..220
§ 10.2. Должное в контексте нравственного……..222
§ 10.3. Должное в понятии субъективного права……..223
§ 10.4. Должное в понятии субъективной обязанности……224

§ 10.5. О конструировании понятий субъективных прав и обязанностей как представлений о должном……226
§ 10.6. Стилистика понятий субъективных прав и обязанностей как представлений о должном……227
§ 10.7. Обоснование рассмотрения модели должного как правила на основе понимания происхождения представления о должном……229

ГЛАВА XI. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ПРАВИЛ

§ 11.1. Права и обязанности как текстуальные вариации регулятивной части одного общего правила регламентации совместной жизни людей ……...231
§ 11.2. Значение установления сущностного тождества полноформатных понятий прав и обязанностей как правил……251

ГЛАВА XII. ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНАХ НЕВЕРНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА

§ 12.1. Вменение обязанностей под названием «права»……..255
§ 12.2. Права и обязанности одного и того же субъекта в отношении одного и того же действия……256
§ 12.3. Проблема конкуренции правовых статусов субъекта права и субъекта обязанности……258
§ 12.4. Установление статуса субъекта права вместо статуса субъекта обязанности……266
§ 12.5. Причины упоминания в законах субъективных прав вместо обязанностей……..270
§ 12.6. Предложения по устранению проблемы неверного упоминания в законодательстве субъективных прав вместо обязанностей……...280
§ 12.7. Проблемы, возникающие при замене прав и обязанностей взаимодействующих сторон только на субъективные обязанности……283
§ 12.8. Неверное применение правового статуса при описании правонарушений……290

ГЛАВА XIII. СУЩНОСТЬ ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Эссе «О Божьих Тварях и законах»…….. 296
§ 13.1. Понятие, цели, средства и предмет правового регулирования……... 297

§ 13.2. Невостребованность термина «правоотношения» для контекста правового регулирования……...300
§ 13.3. Ненадлежащие истоки происхождения понятий общественных отношений и правоотношений…….301
§ 13.4. Неприемлемость подавляющего большинства понятий правоотношений…….. 311
§ 13.5. Общая характеристика неприемлемости представлений о структуре правоотношения……...313
§ 13.6. Неприемлемость отнесения субъектов правоотношения к элементам правоотношения……...314
§ 13.7. Неприемлемость признания прав и обязанностей элементами правоотношения…….318
§ 13.8. Неприемлемость отнесения объекта правоотношения к элементам правоотношения……...319
§ 13.9. Итоги рассмотрения представлений о сущности и структуре правоотношения…….321

ГЛАВА XIV. ЛИНГВИСТИКО-КОГНИТИВНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ НЕПРИЕМЛЕМЫХ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА…….324

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….. 329

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
Люди и Боги. Фантастический рассказ……...331
Три эпизода из жизни. Автобиографическая проза
• Секреты успеха……337
• Лавровый гербарий……...338
• Эпизод занимательный, добрый……..338

II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
• Метод восхождения познания……. 339
• Эссе «Сказ об общественной опасности убийства, что многим лицам и закону мнится»…… 342
• Эссе «Преступное бездействие общественно опасным также быть не может»…….. 346

III. ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ……348

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ……..351

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху развитых информационных технологий практически невозможно найти кого-либо, кто не был бы наслышан о ценности, значимости прав человека, под лозунгом защиты которых свершаются революции, развязываются и ведутся войны, вооружённые конфликты, устанавливаются экономические и иные санкции, применяются меры уголовной репрессии.

Но что представляют собой права человека?

Научные изыскания, имеющие своей целью получение ответа на этот, казалось бы, несложный вопрос, показывают, что приемлемого понятия прав человека и иных прав субъекта к настоящему времени не сформулировано.

Все предлагаемые философией права и теорией права понятия субъективного права являются либо построенными на подмене тезиса, либо действительности не соответствующими, либо настолько неконкретными, что уяснить из них сущность субъективного права невозможно.

В этих обстоятельствах задача установления сущности субъективного права вне всяких сомнений представляется не только актуальной, но и требующей насколько это возможно безотлагательного её решения.

Объектом данного *исследования* избрана совокупность философско-правовых воззрений о сущности прав человека и иных субъективных прав.

Предмет исследования – проблема в понимании сущности прав человека и иных прав субъекта.

Основная гносеологическая цель философско-правового характера – получение ответа на вопрос о том, что представляют собой права человека и иные права субъекта.

Научная новизна работы прежде всего определяется тем, что в ней впервые предлагается надлежащее решение проблемы неоднозначного понимания сущности прав человека, иных прав субъекта, которые рассматриваются на трёх

уровнях глубины их философского осмысления: традиционном для теории и философии права (1); материалистическо-атеистическом (2), комплексном (системном) теистическом и естественно-научном материалистическом (3).

Успешное достижение цели исследования стало возможным благодаря новому подходу к пониманию сути проблемы, присутствующей в понимании субъективного права, лингвистическому методу её решения, а также использованию достижений философии мотивации, объясняющих изначальные факторы (истоки) активности человека.

Логика исследования, направленного на установление сущности прав субъекта, предопределила необходимость решения вопроса о содержании нравственного и нравственности, переосмысления основного предназначения этики. Результаты решения этих задач также обладают существенной научной новизной.

Теоретическая и *практическая значимость* результатов исследования носят многогранный характер.

В теоретическом плане значимость результатов работы определяется тем, что они открывают собою новый этап эволюции философско-правового учения о субъективном праве, позволяют уточнить содержание основной парадигмы философии и теории права, закладывают теоретические основы для совершенствования как отечественного, так и международного законодательства.

Практическое значение результатов исследования заключается в том, что они, несмотря на их общетеоретический философско-правовой характер, позволили автору сразу, уже в этой работе, внести ряд существенных, обладающих научной новизной предложений по совершенствованию содержания международных конвенций, национальных конституций и иных нормативно-правовых установлений.

Представленное решение проблемы в понимании нравственного и нравственности способствует духовному возрождению народов России и всего человечества.

ГЛАВА I. НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ИМЕЮЩИХСЯ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Не истины трудны, а расчистка человеческого сознания от всего осевшего ила, от принимания неестественного за естественное, непонятного за понятное.

А.И. Герцен

Преамбула к первой главе и всему исследованию в целом

Основная цель предлагаемого вниманию читателя исследования заключается в решении проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права.

В настоящей главе представлен первый этап этого исследования. В ней проводятся анализ и оценка степени разработанности имеющихся философско-правовых воззрений о сущности прав человека и иных прав субъекта.

В рамках данного анализа исследован максимально широкий по охвату перечень источников (в плане исторической ретроспективы: древние, дореволюционные, советского периода и современные; в части сравнительно-правового анализа: зарубежные и отечественные; по видам: научные статьи и диссертации, фундаментальные труды, а также образовательные материалы).

Все понятия прав человека и иных прав субъекта рассматриваются с точки зрения их соответствия реалиям действительности, а также способности дать конкретный ответ на вопрос о сущности субъективного права.

Именно эти критерии используются для оценки приемлемости того либо иного понятия прав субъекта, и такого подхода оказалось вполне достаточно.

Работа содержит довольно много новой информации, которая представлена таким образом, что предыдущее содержание является основой понимания следующего.

При этом текущий материал не только во многом основывается на предыдущем, но и содержит неоднократные ссылки на ранее полученные результаты, без которых уяснить логику исследования достаточно сложно.

Ещё одной особенностью работы является постепенное изменение терминологии, которое определяется переходами исследования на очередной, значительно более глубокий уровень осмысления рассматриваемых проблем. Понять суть данных изменений можно также только с учётом ранее изложенного материала.

Поэтому **в первый раз книгу необходимо читать только последовательно (!)**, ибо, если начать знакомиться с её содержанием выборочно, то некоторые аспекты исследования могут оказаться непонятными.

§ 1.1. Понятия прав субъекта с открытой подменой тезиса

1.1.1. Подмена тезиса при конструировании понятий

Особенность понятий, которые построены на подмене тезиса, состоит в том, что вместо ответа на вопрос о сущности определяемой вещи[1] в них даются ответы на иные вопросы. В этом, собственно, и состоит подмена основного их тезиса, которая приводит к тому, что название и содержание такого понятия друг другу не соответствуют. Заявленное название понятия предполагает, что в нём будет дана характеристика сущности определяемой вещи, а фактически после тире идёт речь о чём-то другом.

[1] **Слово «вещь»** в его философском понимании используется для обозначения всего, что обладает качественной определённостью, индивидуальностью и может рассматриваться самостоятельно (см.: *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 7).

Подмена тезиса вольно или невольно, чаще невольно, неосознанно, используется в ситуации, когда имеется необходимость сформулировать какое-либо понятие, а искомая сущность ускользает от взора исследователя. Стечение данных обстоятельств приводит к тому, что вместо характеристики сущности рассматриваемой вещи приходится давать ответы на другие вопросы и указывать в понятии не то, что требуется, а то, что известно, то, что может «компенсировать» отсутствие ответа на заглавный вопрос понятия.

Все подобного рода понятия, построенные на подмене основного их тезиса, для уяснения сущности определяемой ими вещи являются непригодными, бесполезными.

Подмена тезиса встречается в научных работах и образовательных материалах практически всего цикла гуманитарных дисциплин.

Показательным примером понятия, сформулированного с использованием подмены тезиса, является одно из понятий общественных отношений, приводимых в рамках предмета «Обществознание»: «Общественные **отношения** – это **отношения**, возникающие **между** группами людей и внутри них в процессе жизнедеятельности общества»[2].

В нём содержатся ответы одновременно на три вопроса. Между кем возникают общественные отношения? Между группами людей. Где они возникают? Внутри групп людей. В процессе чего они возникают? В процессе жизнедеятельности общества.

Однако, что касается главного вопроса, для ответа на который должно быть сформулировано это понятие, то есть вопроса о том, что представляют собой общественные отношения по своему существу, то на него ответ в данном понятии не приводится.

---

[2] «Социальные отношения»: конспект по обществознанию. – URL: https://infourok.ru/socialnie-otnosheniya-konspekt-po-obschestvoznaniyu-910768.html (дата обращения: 13.09.2023).

Если убрать из этого понятия ответы на второстепенные вопросы, то в результате получится, что оно трактует **общественные отношения** как **отношения в обществе**[3], или, если ещё более кратко, то **отношения** как **отношения**.

Совершенно очевидно, что фактический познавательный потенциал такого понятия общественных отношений его подлинному предназначению не соответствует, а само оно для ответа на вопрос о том, что представляют собой общественные отношения, является **абсолютно бесполезным** и, соответственно, **непригодным**, **неприемлемым**. Такого рода понятие создаёт лишь **видимость** наличия настоящего понятия и соответствующих искомых знаний.

К сожалению, достаточно большое число понятий прав человека и иных субъективных прав также сформулировано с использованием подмены основного их тезиса. Выражается это в том, что «Начало в них излагается таким образом, как будто дальше будет дан ответ на вопрос о том, что такое права …, а на самом деле после тире следует ответ на другой вопрос, например, о том, какие это права…»[4].

1.1.2. Права субъекта как права

Здесь приводятся понятия прав субъекта, которые построены на **открытой** подмене их основного тезиса. Внешним их отличительным признаком является **явная**, причём даже не синонимичная, а буквальная **тавтология**, то есть использование одного и того же слова и в названии понятия, и после тире. Наличие этой открытой тавтологии и даёт нам основание именовать такую подмену тезиса открытой.

---

[3] В этой работе все слова и части слов выделены нами (прим. авт.).

[4] *Векленко С. В., Семченков И. П.* Критический анализ прав и свобод человека в качестве объекта преступления //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 10.

Понятия субъективного права с открытой подменой тезиса трактуют **права** субъекта **как права**. Что же касается их содержания, то оно, как это и должно иметь место при подмене тезиса, ответ на вопрос о сущности прав субъекта не даёт, а вместо этого отвечает на вопрос о том, **какими** являются эти права.

Открытая подмена основного тезиса прослеживается, например, в следующих понятиях прав человека: «**Права** человека – **права**, присущие природе человека, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо»[5]; «**Права** человека – **это** исходные, присущие всем людям от рождения **права** независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет»[6]; «**Права** человека – **это** абсолютные, неотчуждаемые, естественные, неограничиваемые **права**, принадлежащие каждому человеку… в силу его рождения как личности»[7]; «**Право** на жизнь – важнейшее личное **право** человека, представляющее все остальные права»[8]; и т. д.

«Во всех подобного рода понятиях ответ на вопрос о том, что такое права человека, всегда один и тот же: **права** человека – **это права**»[9]. «The right is a right…»[10], – указывал в данной связи известный профессор Кембриджского университета Г. Лаутерпахт.

Таким же образом, как **права,** рассматриваются в различных источниках **не только права человека**, **но и другие виды субъективных прав**, например: «обязательственные

---

[5] *Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г.* Международное право. Словарь-справочник /Под общ. ред. В. Н. Трофимова. М., 1997. С. 234.

[6] *Баглай М. В., Лейбо Ю. И., Энтина Л. М.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2016. С. 120.

[7] *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2014. С. 54.

[8] *Афонин М. В.* Права человека: Учебное пособие. Ярославль: Изд. ЯрГУ, 2005. С. 34.

[9] *Векленко С. В., Семченков И. П.* Указ. раб. С. 10.

[10] *Lauterpacht H.* International Law and Human Rights. L., 1950. P. 7.

права – это права на «чужие действия», **права** требования от обязанного лица совершения определённого действия или воздержания от такового»[11]; «**Субъективное** публичное **право – это право** на иск, петицию, **право** на свободу и политические **права**»[12]; «Вещное **право – это** определённое законом абсолютное **субъективное** гражданское **право** лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью»[13] «Избирательное **право** в субъективном смысле – **это право** граждан избирать и быть избранными…»[14]; и т. д.

Для уяснения сущности прав человека и иных субъективных прав такого рода понятия ничего не дают и, соответственно, являются неприемлемыми.

Из этого, конечно, не следует, что приведённые в данных понятиях ответы на вопросы о том, какие это права, также являются неприемлемыми.

Ответы на эти второстепенные вопросы **в большинстве случаев** являются абсолютно верными, однако в настоящем исследовании нас интересуют не эти аспекты характеристики субъективного права.

Главная цель нашего исследования состоит в получении ответа на вопрос о том, **что** представляют собой субъективные права, а не о том, **какими** они являются.

---

[11] *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав /КонсультантПлюс: Классика Российского Права. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_30.html (дата обращения: 26.01.2024).

[12] What is subjective law? – URL: https://englopedia.com/what-is-subjective-law/ (дата обращения: 09.10.2024).

[13] *Шаблова Е. Г.* Гражданское право: учебное пособие /Е. Г. Шаблова, О.В. Живняк, Л. И. Филюшенко; под общ. ред. Е. Г. Шабловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2023. С. 152.

[14] Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие /Под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 6.

§ 1.2. Понятия прав субъекта со скрытой подменой тезиса

В данном параграфе рассматриваются понятия прав субъекта, которые сформулированы с использованием завуалированной разновидности подмены тезиса. В них после тире употребляется не слово «право», а какие-либо иные ключевые слова, которые по своему назначению должны характеризовать сущность субъективного права.

Однако сути дела это никак не меняет, поскольку эти иные слова по своему значению для ответа на вопрос о сущности прав субъекта всё равно являются непригодными, ввиду чего понятия субъективного права, сконструированные с помощью подобного рода слов, так же, как и при открытой подмене тезиса, отвечают на вопрос не о сущности прав субъекта, а на какие-либо иные вопросы.

1.2.1. Права субъекта как достояние

Одним из примеров завуалированной подмены тезиса, применение которой призвано скрыть незнание сущности такой разновидности субъективного права, как права человека, является употребление слова «достояние», под которым подразумевается «то, что безраздельно принадлежит кому-н.»[15]. Именно это слово использовано для пояснения сущности прав человека на официальном сайте Организации Объединённых Наций, где комментируется содержание Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году: «Что такое права человека? **Права** человека **являются** неотъемлемым **достоянием** всех людей…»[16].

---

[15] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов /Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2007. С. 124.

[16] Права человека // Оф. сайт ООН. – URL: https: //www. un.org/ru/ sections/issues-depth/human-rights (дата обращения: 12.09.2023).

«На первый взгляд, такое определение кажется построенным правильно: права есть достояние. Однако, в чём состоит смысл данного утверждения? Смысл его заключается в том, чтобы пояснить, что права человека принадлежат человеку. Но чем именно являются права человека по своей сути как его достояние, то есть как то, что принадлежит каждому из нас? Ответ на этот вопрос не способна дать даже такая организация, как ООН, которая может задействовать интеллектуальные ресурсы практически всей планеты»[17].

В данном примере имеет место очередная, пусть и завуалированная, но всё же подмена тезиса, то есть уклонение от ответа на вопрос о сущности прав человека, и, вместо этого, – ответ на иной вопрос.

1.2.2. Права субъекта как мера поведения

Особую разновидность завуалированной подмены тезиса представляет собой достаточно распространённое понятие прав человека, в котором вместо ответа на вопрос относительно их сущности даются ответы на два других взаимосвязанных вопроса, а именно на вопросы о том, для чего эти права предназначены и в качестве чего используются: «С точки зрения содержания **права человека – это мера** возможного **поведения** личности»[18].

«В данном определении также применяется подмена тезиса. В начале заявлено, что права человека будут рассматриваться с точки зрения их содержания, но далее, вопреки этому, права человека рассматриваются уже с точки зрения их функционального предназначения и, соответственно, использования в качестве меры возможного поведения»[19].

---

[17] *Векленко С.В., Семченков И.П.* Указ. раб. С. 10.

[18] *Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В.* Философия права: Учебник. М., 2002. С. 177.

[19] *Векленко С.В., Семченков И.П.* Там же. С. 10.

Это означает, что на вопрос о сущности прав человека данное понятие ответа не даёт.

В качестве меры дозволяемого поведения субъективное право рассматривается не только теорией и философией права, но и отраслевыми юридическими науками.

Так, отдельные представители, в частности, доктрины гражданского права также полагают, что «субъективное **право** следует рассматривать в качестве **меры** дозволенного поведения участника гражданских правоотношений»[20].

Такие понятия на вопрос о сущности субъективного права также ответить, увы, не способны.

Подтверждением того, что во всех подобного рода понятиях субъективного права как **меры** дозволяемого поведения идёт речь только о функциональном назначении прав субъекта, а не об их сущности, является правильное понимание меры возможного (дозволяемого) поведения.

Из всех значений слова «мера», приведённых в словаре русского языка, для словосочетания «мера возможного поведения» подходит только одно[21] – то, в котором меру принято рассматривать как «Предел в к-ром осуществляется, проявляется что-н.»[22]. Следовательно, в данном понятии субъективного права под мерой необходимо понимать **пределы** возможного (дозволяемого) лицу поведения.

Но где проходят эти границы?

По общеизвестному образному выражению И. Канта, свобода размахивать руками заканчивается у кончика носа

---

[20] *Постникова К.И.* Право юридического лица на деловую репутацию как основа права юридического лица на защиту деловой репутации //В сборнике: Трибуна молодых учёных. Сборник статей Межд. научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 149; также см.: *Суханов Е.А.* Российское гражданское право. М., Статут, 2011. Т. 1. С. 121.

[21] Данный вывод основан на применении лингвистического метода валентного анализа, который позволяет установить смысловую сочетаемость одних слов с другими (прим. авт.).

[22] *Ожегов С.И.* Указ. Словарь русского языка. С. 242.

другого человека, то есть там, где начинается сфера действия прав других лиц. Это означает, что пределы поведения каждого обладателя права определяются сферой действия прав других лиц.

Из этого, в свою очередь, следует, что, в рассматриваемом понятии **прав человека как меры дозволяемого поведения** они (права) рассматриваются **в качестве средства установления пределов дозволяемого поведения**.

Всё это указывает лишь на функциональное назначение **прав человека как средства** и не более.

Но что представляет собой это средство по своему существу, в чём состоит его сущность? На эти вопросы авторы рассматриваемой точки зрения ответов не дают.

Имеются у понятия субъективного права как меры дозволяемого поведения и другие существенные недостатки.

Первый такой **недостаток** заключается в том, что понятие прав субъекта как меры именно **дозволяемого** лицу поведения упоминает только функцию дозволения, а иные функции субъективного права игнорирует. То есть, это понятие сконструировано таким образом, как будто дозволение является единственной функцией субъективного права, и других его функций не существует. Но другие функции прав субъекта существуют, и их целое множество.

Второй недостаток данного понятия состоит в том, что **функция дозволения**, упоминание которой положено в основу его конструкции, **присуща не всем правам**.

Так, права на чужие действия (например, право на медпомощь), охранительные права (например, право на неприкосновенность жилища) и некоторые другие права функции дозволения поведения субъекта права не имеют. Поэтому упоминать при характеристике данных прав «меру **дозволяемого** поведения» попросту неуместно. Понятие субъективного права как меры дозволяемого поведения к этим правам вообще никак неприменимо и отрицает, игнорирует даже сам факт их наличия. Но ведь они существуют, не так ли?

Третий существенный **недостаток** понятия субъективного права как меры дозволяемого поведения состоит в том, что данное понятие охватывает собой субъективные права **только на поведение** и оказывается совершенно непригодным для характеристики субъективных прав иных разновидностей. Например, таких, как права на жизнь и здоровье, которые представляют собой права на пребывание в живом и соответственно здоровом состоянии, которое поведением ни с какой точки зрения признать невозможно (живым и здоровым можно быть и не совершая никаких действий, не осуществляя вообще никакого поведения). Охранительные права и права на чужие действия (например, на тайну переписки, на медицинскую помощь) также никакого поведения самого субъекта права не подразумевают. Это означает, что для понятия прав субъекта как меры дозволяемого поведения охранительные права и права на чужие действия попросту «не существуют».

Четвёртый недостаток. Вызывает нарекание и способ изложения в данном понятии мысли о том, что субъективные права используются в качестве средства установления пределов дозволяемого субъектам права поведения. В нём эта понятная мысль изложена в настолько сокращённом виде, что её следует признать неправильной: *права субъекта – это мера (пределы) дозволяемого поведения*. Совершенно очевидно, что права субъекта не являются пределами дозволяемого ими поведения. Они есть то, что устанавливает, определяет эти пределы.

Говорить о том, что сущность субъективного права заключается в его функции, неверно. Ни одна вещь действительности не может быть своей собственной функцией, она есть то, чему присущи и эта, и другие её функции.

Таким образом понятие субъективного права как меры дозволяемого поведения ответ на вопрос о сущности прав субъекта не даёт, ввиду чего для целей нашего исследования его надлежит признать неприемлемым.

1.2.3. Права субъекта как ценностный ориентир

Достоинство данной точки зрения заключается в том, что она относит понятие субъективного пра́ва к категориям нравственного сознания: «**Права** человека – **это ценностный ориентир**, позволяющий применять "человеческое измерение" не только к государству, праву, закону, законности, правовому порядку, но и к гражданскому обществу»[23].

Да, субъективное право действительно является нравственным ориентиром. Но что именно представляет собой данный ориентир, в чём заключается его сущность? Где же ответы на эти самые главные и важные вопросы? Их нет.

Поэтому, а также с учётом того, что для нравственного ориентира указана его функция нравственного критерия, позволяющего «применить человеческое измерение», и это понятие также следует отнести к разновидности тех понятий, которые построены на подмене тезиса и характеризуют лишь функциональное значение субъективного права, но не его сущность.

Таким же образом, то есть также в качестве нравственного ориентира и критерия, рассматривает субъективное право и известный философ древности Гуго Гроций: «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие … признаётся либо морально позорным, либо морально необходимым»[24].

Сущность «предписания здравого ума» он никак не поясняет и ограничивается лишь указанием на его функциональное предназначение для использования в качестве нравственного ориентира и критерия, которые применяются для нравственной оценки действий человека.

---

[23] Права человека. Учебник для вузов. Отв. ред. член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 3.

[24] *Гроций Г.* О праве войны и мира. Книга первая. С. 7. – URL: http: // www. civisbook. ru / files / File / Groziy. Kn1. pdf (дата обращения: 28.01.2024).

В научной и учебной литературе, диссертациях приводится довольно много понятий субъективного права, которые сконструированы на основе завуалированной подмены тезиса и по этой причине являются неприемлемыми.

Однако приводить здесь все эти понятия мы никакого смысла не видим. Ничего нового к пониманию исследуемой проблемы понимания сущности субъективного права это всё равно добавить не сможет, а мы к экстенсивному увеличению объёма настоящей книги не стремимся.

К тому же, после прочтения данного параграфа читатель без труда сможет самостоятельно распознать и оценить **любые понятия**, построенные на подмене тезиса.

Для того, чтобы убедиться в этом, попробуйте оценить приемлемость понятия, которое было предложено профессором В.В. Лазаревым: «…**сущность права**, как и **сущность государства**, **состоит в его** социальном **назначении** – в регулировании общественных отношений, в организации управления обществом»[25].

Уверены, что с анализом и оценкой данного высказывания вы справились успешно. Ни сущность права, ни сущность государства как средств управления жизнью общества в данном понятии не раскрываются.

Оно построено на смысловой подмене тезиса и **вместо** ответа на вопрос о сущности права и государства отвечает на вопрос об их предназначении, а это неверно. Сущность вещи не может состоять в её назначении. Характеристика сущности отвечает на вопрос о том, **что** представляет собой та либо иная вещь действительности как таковая, по своему существу, а ответ на вопрос о предназначении какой-либо вещи поясняет, **в качестве чего** и **для** достижения **какой цели** она может использоваться (используется).

---

[25] Цит. по: *Протасов В.Н.* Лекции по курсу «Современные проблемы теории права». М., 2010. С. 10. – URL: https://studopedia.ru /19_18797_ smislovie-znacheniya-termina-pravo.html (дата обращения: 05.02.2024).

§ 1.3. Понятия прав субъекта с неопределённостью смысла

Некоторые из исследуемых нами понятий субъективного права обладают одновременно несколькими различного рода недостатками. Но мы, распределяя рассмотрение этих понятий по соответствующим параграфам, использовали в качестве приоритетного критерия только один из них – главную причину, по которой то либо иное понятие оказалось неспособным ответить на вопрос о сущности субъективного права. Эта причина определяется по ключевому слову понятия, по его значению (смыслу).

В данном параграфе рассматриваются понятия, которые не могут ответить на вопрос о сущности субъективного права по причине неопределённости их содержания.

Другие недостатки, при их наличии, рассматриваются во вторую очередь.

1.3.1. Права субъекта как социальный феномен

В рамках этой точки зрения «**Права** человека – **это** социальный **феномен**, отражающий важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества»[26].

Для справки отметим, что в словарях и повседневном обиходе слово «феномен» употребляется в качестве названия явления, которое:

1) в противопоставление непознаваемому признаётся познаваемым;

2) относится к разряду вещей, которые являются выдающимися, исключительными[27].

---

[26] *Явич Л.С.* Сущность права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 64.

[27] *Ожегов С.И.* Указ. Словарь русского языка. С. 396.

Тот факт, что права человека и другие права субъекта действительно можно рассматривать в качестве феномена, никаких возражений не вызывает. Почему бы и нет? Причём даже в обоих значениях данного слова.

Однако сущность прав человека это нисколько не проясняет и прояснить не может: «Что представляет собой этот феномен как явление, отражающее важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества? Вопрос этот, разумеется, является риторическим, и поставлен он здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть неприемлемость данного понятия для целей нашего исследования как неконкретного, даваемого не по существу»[28].

По причине своей неопределённости такое понятие для уяснения сущности субъективного права неприемлемо.

Помимо этого в данном понятии прав человека как феномена, он, то есть феномен, представлен как нечто такое, что относится к характеристике личности, а субъективное право признаком, чертой, качеством человека не является.

1.3.2. Права субъекта как явление

«**Права** человека – **это** сложное и многомерное **явление**, отражающее в той или иной мере всю совокупность отношений индивида в природном и социальном мире.

Это идеалы и ценности, **принципы и нормы**, **правила и способы деятельности**, **социально-экономические, политические и духовные условия** существования человека в обществе»[29].

---

[28] *Векленко С.В., Семченков И.П.* Указ. раб. С. 10.

[29] *Вегера И.В.* Учебно-методический комплекс по дисциплине «Право прав человека (Права человека)». Новополоцк: Полоцкий Гос. ун-т, 2007. С. 17. – URL: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/21111/1/УМК_Права %20 человека_Вегера%20И.В.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

Во-первых, сущность прав субъекта **как явления** здесь не определена, не поясняется, что указывает на неконкретность данного понятия.

Во-вторых, упоминаемое в данном понятии явление включает в себя то, что при строгом научном подходе объединить в одно целое невозможно: идеалы и ценности, принципы и нормы, правила и способы деятельности, социально-экономические, политические и духовные условия.

В-третьих, в этом понятии прав субъекта как явления говорится о том, что оно **отражает** социальную действительность, то есть выполняет функцию её отражения, а в тех случаях, когда **вместо ответа на вопрос о сущности** даётся ответ на вопрос **о функциональном назначении**, это может означать только подмену тезиса.

Для уяснения сущности субъективного права данное понятие является неприемлемым.

1.3.3. Права субъекта как ценность

«**Права** человека – высшая[30] **ценность**, а их уважение, соблюдение и защита – обязанность государства»[31].

Тот факт, что права человека имеют для нас ценность, сомнений не вызывает. Этот момент очевиден.

Но что они представляют собой как ценность? В чём именно заключается их сущность? Ответы на эти ключевые вопросы данное понятие не даёт.

Для уяснения сущности субъективного права и это его понятие следует признать неприемлемым.

---

[30] Необоснованность и нецелесообразность причисления прав человека к разряду высших ценностей обстоятельно рассматривается в **§ 3.8. Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта.** Поэтому здесь мы данный вопрос не затрагиваем (прим. авт.).

[31] Права человека. Учебник для вузов /Отв. ред. член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: НОРМА–ИНФРА, 1999. С. 5.

1.3.4. Права субъекта как отражение действительности

Точка зрения, согласно которой субъективное право рассматривается как отражение действительности, представлена в одном из последних диссертационных исследований.

«В диссертации предлагается следующее наиболее полное по сравнению с имеющимися понятие "субъективное право": **субъективное право есть отражение** социальной **действительности** в правосознании субъекта права, **позволяющее выявить** основанную на норме объективного права **меру возможного поведения** в целях удовлетворения законного интереса, **выражающуюся в возможности** совершения определённых **действий**»[32].

Анализ этого понятия позволяет выделить следующие основные его недостатки, наличие которых указывает на неприемлемость представленного в нём понимания природы субъективного права.

Во-первых, в данном понятии отмечается, что субъективное право являет собой отражение в сознании социальной действительности, однако, что именно представляет собой это отражение, какой именно аспект действительности оно отражает, не поясняется. Это обстоятельство указывает на бесполезность и неприемлемость такого понятия для уяснения сущности прав субъекта как неопределённого.

Во-вторых, в данном понятии присутствует подмена тезиса. Выражается это в том, что в нём идет речь об отражении, «позволяющем выявить», то есть используемом в качестве критерия, инструмента выявления. То есть, в данном утверждении говорится не о сущности права как отражения, а, вместо этого, – о функциональном предназначении, использовании этого права-отражения.

---

[32] *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория. Автореф. канд. дисс. Екатеринбург. 2011. С. 10-11.

В-третьих, неправильным с содержательной точки зрения следует признать понимание того, какие результаты позволяет выявить упомянутое отражение.

В данном понятии отражение признаётся позволяющим выявить **меру возможного поведения, которая выражается в возможности поведения**. То есть, по мнению автора, **мера** возможного поведения **и возможность** поведения являются либо тождественными (1), либо соотносятся между собой как сущность и явление (2).

Мера поведения – это **границы** поведения. Они могут существовать и при отсутствии **возможности поведения** как **состояния действительности**, которое позволяет осуществлять поведение. Их **нетождественность** очевидна.

Учитывая тот факт, что мера поведения – это пределы поведения, а возможность поведения – состояние действительности, которое позволяет осуществлять это поведение, рассматривать **меру поведения и возможность поведения как сущность и явление** также никаких оснований не имеется. Между ними нет той особой связи, которая должна быть между фактом существования (бытия) какой-либо вещи и тем, что принято называть явлением (проявлением, объективированием вовне) этой вещью своей сущности.

В-четвертых, в данном понятии упоминается **только поведение** субъекта права, что указывает на невозможность использования этого понятия для характеристики субъективных прав на жизнь и здоровье, ибо жизнь и здоровье человека представляют собой процессы пребывания в живом и соответственно здоровом состоянии, которое поведением ни с одной точки зрения признать невозможно.

По этой же причине исследуемое понятие неприменимо для характеристики охранительных и других прав субъекта, которые определяют не поведение субъекта права, а иные важные аспекты его бытия.

Для уяснения сущности прав субъекта рассмотренная точка зрения является неприемлемой.

§ 1.4. Неправильные по смыслу понятия прав субъекта

1.4.1. Права субъекта как вид поведения

«Субъективное **право** в юридической науке определяют как гарантируемый законом **вид** возможного или дозволенного **поведения** лица»[33]. Однако данная точка зрения заслуживает весьма серьёзных возражений.

Во-первых, субъективное право представляет собой не сам вид дозволяемого им поведения, а нечто такое, что делает этот вид поведения дозволяемым.

Подтверждением того, что право на поведение и само это поведение определённого вида нетождественны, имеют различную природу, является тот факт, что они могут существовать независимо друг от друга.

Например, утратив в результате хищения возможность пользоваться и распоряжаться изъятым у него имуществом, собственник похищенного имущества эти виды поведения не осуществляет, однако право собственности при этом никуда не исчезает и по-прежнему продолжает сохранять своё действие (продолжает оставаться у собственника).

Соответственно и наоборот, лицо может осуществлять какой-либо вид поведение и при отсутствии прав на него. Например, похититель может пользоваться похищенной вещью, не имея права собственности на эту вещь.

Во-вторых, рассматриваемое понятие совершенно непригодно для характеристики охранительных прав субъекта и его прав на чужие действия (1.2.2.).

Приведённые аргументы указывают на то, что понимание прав субъекта как вида поведения действительности не соответствует и является неприемлемым.

---

[33] Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

1.4.2. Права субъекта как удовлетворение потребностей

«Сущностью субъективного права является **удовлетворение** зачастую эгоистичных **потребностей** конкретного индивида»[34]. Не согласиться с этой точкой зрения позволяют следующие аргументы.

Удовлетворение потребностей возможно и при отсутствии права на него. Например, преступник удовлетворяет свои потребности посредством использования похищенного имущества, хотя никакого права на это не имеет. Если бы субъективное право и удовлетворение потребностей были тождественны, то оно, этакое «право-удовлетворение», было бы неразделимо, и говорить о ситуации, в которой удовлетворение потребностей присутствует, а право на него отсутствует, было бы невозможно.

Соответственно и наоборот, – наличие права возможно и без удовлетворения потребностей. Так, например, если владелец имущества не использует его для удовлетворения своих потребностей, то от этого право собственности на это имущество никуда не исчезает. И даже если имущество будет похищено, что полностью исключает возможность удовлетворения потребностей посредством этого имущества, то право на похищенное имущество всё равно продолжает сохранять своё действие в отношении собственника.

Это означает, что удовлетворение потребностей, с одной стороны, и субъективное право – с другой, представляют собой совершенно различные вещи действительности и отождествлять их неверно.

Приведённые обстоятельства демонстрируют тот факт, что субъективное право нельзя рассматривать в качестве такого вида поведения как **удовлетворение** потребностей.

---

[34] *Филипсон К.Ю.* Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 3 (36). 2019. С.155.

1.4.3. Права субъекта как возможность

Точка зрения, в соответствии с которой под субъективным правом индивида подразумевается **возможность** осуществления чего-либо, что определяется разновидностью этого права, достаточно широко представлена в теории права и философии права, отраслевых юридических науках.

Например: «В современном понимании **права** человека – **это** социальные и юридические **возможности** пользоваться материальными, социальными и иными благами»[35]; **права** человека – **это** «гарантированная государством, узаконенная **возможность** что-либо делать, осуществлять»[36]; «**Права** и свободы индивида – **это** его социальные **возможности**»[37]; «**Права** человека – **это возможности** личности удовлетворять и развивать свои потребности и интересы, гарантируемые и стимулируемые со стороны общества и государства»[38]; и так далее.

Другие авторы трактуют как **возможность не только права человека, но и субъективное право в целом**, подразумевая под ним **возможность** совершить то или иное действие либо воздержаться от его совершения[39].

Именно эта точка зрения о субъективном праве как возможности взята на вооружение гражданским правом и положена в основу принятого в практической деятельности понятия права собственности, под которым подразумевается **возможность** владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

---

[35] *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права: Учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2016. С. 401.

[36] *Нерсесянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 43.

[37] Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

[38] *Глухарева Л.И.* Права человека: учеб. пособие. М., 2002. С. 5.

[39] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 397.

Таким же образом рассматривается значение слова «право» и в словарях русского языка, где отмечается, что право – это «охраняемая государством, узаконенная **возможность** что-н. делать, осуществлять; **возможность** действовать, поступать каким-н. образом»[40].

Данное понятие субъективного права как возможности построено без подмены тезиса и, казалось бы, очень точно отражает его сущность. Однако торопиться с оценкой его приемлемости не следует.

Изучение источников позволило выделить два варианта значения слова «возможность», которые с учётом лингвистического метода валентного анализа можно попробовать применить для анализа понятия субъективного права как возможности осуществлять что-либо:

1) возможность как **состояние действительности**, которое позволяет осуществление чего-либо (содержит необходимые условия для осуществления чего-либо);

2) возможность как **допустимость, дозволенность, разрешённость** осуществления чего-либо.

Ниже рассматриваются оба этих варианта понятия прав субъекта как возможности – и тот, где под возможностью понимается состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо, и тот, в котором возможность означает дозволенность осуществления чего-либо.

Субъективное право как возможность, под которой понимается состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо.

Возможность как состояние действительности, которое позволяет лицу осуществлять что-либо, имеет две составляющих. Во-первых, это личная способность человека осуществлять что-либо, и, во-вторых, – это состояние внешней по отношению к человеку действительности, которое содержит необходимые условия осуществления этого чего-либо.

---

[40] *Ожегов С.И.* Указ. Словарь русского языка. С. 405.

Для наличия возможности осуществлять что-либо обязательно требуется наличие обеих указанных выше составляющих. Если хотя бы одна из данных составляющих будет отсутствовать, это неизбежно повлечёт и отсутствие всей возможности в целом.

Из этого следует, что право субъекта как возможность, под которой понимается состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо, необходимо рассматривать с учётом и первой, и второй её составляющих.

Способность осуществлять что-либо. В контексте понятия субъективного права способность осуществлять что-либо следует рассматривать в качестве личного внутреннего потенциала человека, который обеспечивает ему возможность реализации своего права.

Этот потенциал всегда представляет собой совокупность имеющихся у лица психического здоровья, определённого уровня его интеллекта и социальной зрелости, соответствующих знаний, умений, навыков, опыта, физических возможностей и *текущего физиологического состояния*. Для наличия «способности осуществлять» необходимо наличие абсолютно всех этих аспектов бытия человека.

По нашему мнению, способность человека осуществлять своё право субъективным правом признаваться не может. Эта способность характеризует только самого человека, являющегося её обладателем, и больше никого и ничего, включая субъективное право. Объясняется это тем, что любая способность человека, в том числе и способность осуществлять своё право, является его личным качественным признаком (свойством), а право субъекта к числу свойств, качеств, признаков человека не относится.

Помимо этого, для подтверждения вывода о том, что «способность осуществлять» нельзя рассматривать в качестве субъективного права, достаточно представить ситуацию, в которой обладатель права находится в состоянии сна, под глубоким наркозом в ходе операции, а потом задаться

вопросом о том, сохраняет он при этом способность осуществлять, например, своё право собственности или нет. Ответ очевиден, – разумеется, нет, не сохраняет.

В такой ситуации лицо вообще никаких действий по реализации данного права совершать не способно, но само право от этого никуда не исчезает. Вот почему хищение вещей у собственника, находящегося в таком физиологическом состоянии, рассматривается как преступное деяние, нарушающее право собственности[41].

Всё это означает, что *субъективное право может иметь место и при отсутствии у лица способности* совершать действия по его реализации, а это, в свою очередь, указывает на то, что право субъекта и способность субъекта осуществлять это право весьма нетождественны.

Способность лица, как это было показано выше, является необходимой составляющей в целом всей возможности осуществлять что-либо (если способность осуществлять что-либо будет отсутствовать, то будет отсутствовать и вся данная возможность в целом).

С учётом этого доказанный тезис о том, что *субъективное право может иметь место и при отсутствии способности его реализации,* можно рассматривать более широко, а именно: *субъективное право может иметь место и при отсутствии возможности его реализации*.

Из этого следует, что субъективное право и возможность осуществлять что-либо, определяемое этим правом, являются различными вещами действительности.

Но, если они являются различными вещами действительности, то они нетождественны, что указывает на неприемлемость трактовки субъективного права как возможности осуществления чего-либо.

---

[41] В работе часто применяется анализ, проводимый на примере права собственности. Предпочтение этому виду субъективного права отдано по причине того, что оно хорошо известно и понятно любому человеку, в том числе и студентам, курсантам, слушателям (прим. авт.).

Для общего решения вопроса о недопустимости понимания субъективного права как возможности данного вывода уже вполне достаточно, и, с точки зрения принципа разумной достаточности доказательств, проводить дальнейшее исследование вовсе необязательно. Однако в данном случае мы полагаем принцип полноты и всесторонности исследования более важным, поэтому продолжаем анализ понятия субъективного права как возможности осуществлять что-либо и приступаем к рассмотрению второй обязательной составляющей этой возможности.

Возможность как внешнее состояние действительности, которое позволяет осуществлять что-либо. Данная формулировка является очень длинной. Предложения, построенные с её использованием, оказываются громоздкими и для восприятия неудобными. Поэтому в рамках данного вопроса мы не будем постоянно делать акцент на том, что ниже идёт речь о возможности именно как о внешнем состоянии действительности. Вместо этого мы будем говорить просто о возможности осуществлять что-либо, но подразумевая под нею возможность только как внешнее состояние действительности, которое позволяет осуществлять это что-либо. Просим читателя учесть этот нюанс.

Для того, чтобы убедиться в ошибочности понимания субъективного права как возможности осуществлять что-либо, представляется достаточным привести пример ситуации совершения такого преступления, как хищение.

«Суть объективного механизма этого преступления заключается в том, что виновное лицо лишает собственника возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом, а само эту возможность приобретает. Иными словами, при совершении хищения возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом от законного владельца к похитителю переходит, однако право собственности от собственника к похитителю в процессе хищения не переходит.

В мире не существует ни одной страны, ни одной правовой системы, где совершение преступления рассматривалось бы в качестве юридического основания для перехода права собственности. После хищения право собственности на похищенное имущество продолжает оставаться у собственника, на основании чего он и подаёт гражданский иск о возвращении ему этого имущества или о компенсации его стоимости. Соответственно этому у похитителя, как бы он этого ни желал, никакого права собственности на похищенное им чужое имущество не возникает.

Данный пример весьма наглядно демонстрирует тот факт, что при совершении хищения возможность от собственника к виновному переходит, а право собственности – нет, оно продолжает оставаться у собственника.

Всё это является справедливым и для всех иных преступлений, которые, как это принято полагать, выражаются "в посягательстве на права", "нарушают права", "нарушают законные интересы". При совершении этих преступлений права, "в нарушении которых выражается преступление", также продолжают оставаться у их обладателей и после совершения преступления»[42].

Проведённый выше анализ со всей очевидностью показывает, что субъективное право может существовать и при отсутствии возможности его реализации, а это означает, что субъективное право и возможность субъекта по реализации его права – не одно и то же. Они являются различными вещами социальной действительности.

Понимание этого обстоятельства требует признать неправильным понятие прав субъекта как возможности, где

---

[42] *Векленко С.В., Семченков И.П.* Указ. раб. С. 11-12. Единственным преступлением, влекущим прекращение прав субъекта (за исключением посмертного права на честь и достоинство), является причинение смерти. При иных преступных деяниях права потерпевших никуда не исчезают. Именно это подразумевается в данном фрагменте работы (прим. авт.).

под возможностью понимается состояние действительности, которое позволяет субъекту права осуществлять что-либо, определяемое этим правом: «…попытку трактовать права человека (субъективные права) как возможность определённого поведения индивида следует признать неудачной, не выдержавшей проверку фактическими реалиями правовой действительности»[43].

На очереди анализ приемлемости понятия субъективного права как возможности, где под возможностью понимается допустимость в значении дозволенности, то есть разрешённости осуществления чего-либо, определяемого соответствующей разновидностью прав субъекта.

Субъективное право как возможность в значении дозволенности, разрешённости определённого состояния или поведения субъекта права.

Появлению понимания возможности как дозволенности мы обязаны двум обстоятельствам.

Во-первых, о чём было сказано выше, это понимание вытекает из значения слова «возможность», которое присутствует в словарях: «Возможный… – дозволительный, допустимый»[44]; «Допустить… – разрешить»[45]; «Допуск… – право входа»[46].

Во-вторых, понимание возможности как дозволенности, разрешённости заложено в статье 18 ГК РФ, которая называется «Содержание правоспособности граждан».

В ней отмечается следующее: «Граждане **могут** иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской, любой иной не запрещённой законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно либо совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не

---

[43] *Векленко С.В., Семченков И.П.* Та же раб. С. 12.
[44] *Ожегов С.И.* Указ. Словарь русского языка. С. 65.
[45] *Ожегов С.И.* Тот же словарь. С. 123.
[46] *Ожегов С.И.* Там же.

противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место своего жительства; иметь авторские права на произведения науки, литературы и искусства, изобретения и иные охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные или личные неимущественные права»[47].

По сути, использованное в этой норме **слово «могут» означает** не что иное, как закреплённое законом **разрешение**, **дозволение** иметь права и осуществлять определённое поведение. Для тех, кто умеет понимать то, что написано, данное обстоятельство является несомненным.

Употребляя данное слово для обозначения разрешения, дозволения, законодатель поступил с филологической точки зрения абсолютно верно.

Во-первых, это значение слова «могут» соответствует приведённым выше вариантам словоупотребления, которые отражены в словарях русского языка.

Во-вторых, именно в этом его значении оно фактически каждодневно употребляется огромным числом людей, которые имеют намерение войти в чужие кабинет, иное помещение, дом либо квартиру. Каким образом человек просит разрешения войти, например, в кабинет руководителя? Вообще говоря, кто как. Кто-то задаёт вопрос: «Позвольте?». Кто-то: «Разрешите?». А кто-то: «Могу я войти?». Но все эти вопросы по своему смысловому значению являются абсолютно тождественными.

Такой же вариант употребления слова «могут», в различных его филологических производных, часто используется и во многих других случаях, когда лицо стремится получить разрешение на что-либо, например: «Можно мне взять отпуск, машину, ознакомиться с документами?»

---

[47] ГК РФ. Ст. 18. /СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consulant.Ru/document/cons_doc_LAW_5142/7c4e5a4465e952b12a78a0fc224269ababf1518 (дата обращения: 18.02.2023).

В определённом контексте слова́, являющиеся производными от глагола «мочь» и от слова «воз**мож**ность», употребляются для *констатации* наличия дозволенности (разрешённости) совершения определённых действий.

Например, ребёнок задаёт отцу, который работает полицейским, вопрос: «Папа, а тебе можно стрелять из пистолета по бешеным собакам?» «Можно», – отвечает отец. В устах ребенка под словом «можно» подразумевается вопрос о том, разрешено ли такое применение оружия или нет. В ответе отца идёт речь о *наличии* у него такого *разрешения*.

Вот почему мы с полным для этого основанием полагаем, что в ст. 18 ГК говорится о разрешении, дозволении иметь права и совершать определённые действия, в том числе принимать на себя обязательства.

Понятие субъективного права как дозволенности, разрешённости может показаться привлекательным, но лишь для тех, кто только начинает постигать азы теории и философии права. На самом же деле **дозволение – это**, хотя и важная, но **всего лишь функция** субъективного права, причём далеко не единственная и, к тому же, характерная не для всех разновидностей субъективного права.

В подтверждение того, что функция дозволения присуща не всем субъективным правам, достаточно привести примеры хотя бы таких, закреплённых в основном законе нашей страны прав человека, как право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21 Конституции РФ), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции), право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29 Конституции) и др.

Совершенно очевидно, что основная функция этих прав субъекта по отношению к их обладателям является защитной, охранительной, а не функцией дозволения (разрешения) чего-либо самим субъектам данных прав.

Отсутствует функция дозволения и у других разновидностей субъективного права, например, у субъективного права на чужие действия, о чём ранее уже было сказано выше. Эти права никакого дозволения на поведение субъекта права не содержат. Реализация данных прав призвана обеспечить качество существования субъекта права в других аспектах его бытия, к числу которых дозволение определённого поведения самому субъекту права не относится.

Изложенное выше о дозволении как всего лишь об одной из функций субъективного права, причём присущей только некоторым правам субъекта, означает, что дозволение, дозволенность не могут рассматриваться в качестве права субъекта на что-либо, а понятие субъективного права, сконструированное с использованием после тире слов «дозволенность», «разрешённость», всегда будет отвечать всего лишь на вопрос о его предназначении, о его функции, но не на вопрос о том, в чём заключается его сущность.

Но зачем нам понятия, построенные на основе подмены тезиса, которая демонстрирует неспособность дать характеристику сущности субъективного права?

Не лучше ли открыто признать наличие проблемы и не пытаться подменить вопрос о сущности прав субъекта вопросом об их назначении?

Вопросы эти, разумеется, являются риторическими.

Итоговая оценка понятия субъективного права как возможности. С какой бы стороны мы ни рассматривали возможность осуществлять что-либо, понятие субъективного права как возможности осуществления этого чего-либо в любом случае является неверным.

Несмотря на свою первоначальную кажущуюся привлекательность и довольно широкую распространённость, понимание прав субъекта как возможности также оказалось неспособным дать приемлемый ответ на главный вопрос нашего исследования, то есть на вопрос о сущности субъективного права.

Факультативный результат анализа возможности как дозволенности.

Статья 18 Гражданского кодекса РФ называется «Содержание правоспособности граждан».

С учётом данного названия в ней должен быть приведён ответ на вопрос о том, что именно представляет собой правоспособность. То есть в ней так и должно быть указано, что правоспособность представляет собой то-то и то-то. Однако такого ответа она не даёт (см. выше в этом же параграфе).

Вместо этого в ней говорится о дозволении (разрешении) иметь права и совершать определённые действия, в том числе принимать на себя обязательства. Но это не правоспособность, под которой в ст. 17 ГК РФ понимается способность лица иметь права и обязанности.

Указанное в ст. 18 ГК РФ **разрешение** иметь права – это законодательно закреплённое властное управленческое решение в виде дозволения иметь права и совершать определённые действия.

В отличие от этого **правоспособность как способность** иметь права и обязанности представляет собой совокупность личных сущностных свойств субъекта права.

Всё это весьма убедительно демонстрирует тот факт, что указанное в основном тексте ст. 18 ГК «разрешение иметь права» – властное управленческое решение (1) и указанная в заголовке ст. 18 ГК правоспособность, понимаемая как совокупность личных свойств субъекта права (2), являются весьма нетождественными.

Данное несоответствие между названием ст. 18 ГК и её содержанием является очевидным.

Для устранения этого недостатка ст. 18 ГК РФ следует назвать как-то иначе, например, **«Дозволение иметь права, принимать обязательства и совершать иные юридически значимые действия»**.

Только так можно привести эту норму в порядок и избавить её от имеющегося у неё весомого недостатка.

1.4.4. Права субъекта как правоспособность

Поводом для анализа трактовки субъективных прав как правоспособности послужило наличие дискуссии[48] о допустимости такого понимания их сущности.

Поставить окончательную точку в этой дискуссии удалось при помощи любимого нами вопроса: «Что это, в чём состоит его сущность?»

В теории и философии права, а также в ст. 17 Гражданского кодекса нашей страны **под правоспособностью** лица **понимается** его **способность** иметь права и обязанности.

В чём конкретно состоит сущность этой способности, философия права и теория права пока не знают. Приемлемого результата в понимании данного вопроса ещё не получено, а в научных кулуарах поговаривают даже о том, что правоспособности как таковой не существует, и никакого практического значения этот термин на самом деле не имеет.

Однако для нашего исследования данная проблема препятствием не является.

Если правоспособность и существует, то она всё равно прежде всего является способностью, а любая способность всегда представляет собой внутренний личный потенциал субъекта права осуществлять что-либо, который в качестве субъективного права рассматриваться не может (см. 1.4.3. Права субъекта как возможность).

Этот потенциал характеризует только само лицо, которое обладает этой способностью, и больше никого и ничего, включая в это число и субъективное право. Поэтому ни правоспособность, ни какая бы то ни было иная способность субъекта субъективным правом признаваться не может.

---

[48] См., напр.: Концепция правоспособности как субъективного права – Частное право. Материалы для изучения в 3 Т. Том 1. Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах. – URL: https: //studme.org/338 499/pravo/kontseptsiya.pravosposobnosti_subektivnogo_prava (дата обращения: 13.10.2024).

Особенно отчётливо данный факт проявляется в отношении правоспособности физического лица. Такая способность относится к личностным качествам человека, а право субъекта личным качеством человека не является.

О необходимости взаимного различения правоспособности и субъективного права говорит и подавляющее большинство других специалистов, которые подчёркивают их нетождественность и рассматривают правоспособность как предпосылку возникновения прав субъекта: «Юридическую природу правоспособности необходимо рассматривать как самостоятельную правовую категорию, имеющую существенные отличительные признаки от права субъекта»[49]; «правоспособность …является основанием (предпосылкой) конкретного субъективного права»[50]; «Субъективное право опирается на правоспособность как на свою необходимую общую предпосылку»[51] и так далее.

Таким образом, для уяснения сущности субъективного права его понятие как правоспособности является неприемлемым. И это при том, что мы ещё не касались проблемы открытой подмены тезиса в понятии самой **правоспособности** как **способности иметь права** и обязанности. Данное понятие отвечает на вопросы о том, **какая это способность**, и **что она позволяет иметь,** а не на вопрос о сущности правоспособности. Но если так, то понимание прав субъекта как правоспособности тем более является неприемлемым.

---

[49] *Грибанова А.В.* Некоторые вопросы соотношения правоспособности и субъективных прав в гражданском законодательстве. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sootnosheniya-ravosposobnosti-i-subektivnyh-prav-v-grazhdanskom-zakonodatelstve/viewer (дата обращения: 13.10.2024).

[50] *Грибанова А.В.* Там же.

[51] *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права" /СПС КонсультантПлюс: Классика Российского Права. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/3/page_32.html (дата обращения: 13.10.2024).

1.4.5. Права субъекта как способность проявлять своё «правовое я»

Данная точка зрения, имевшая довольно большую распространённость, была высказана авторитетным для своего времени представителем дореволюционной школы отечественной теории права, профессором А.И. Елистратовым: «Субъективное право – это Handelnkönnen, **способность** лица активно **проявлять** свое **правовое я**»[52].

Это понимание субъективного права обратило на себя внимание необычностью упоминаемого в нём загадочного «правового я», которое претендует на обладание некоей философско-правовой глубиной своего смысла.

Ничего сложного либо интересного в этой точке зрения на самом деле нет, но это понятно только опытному исследователю. Для молодых же умов такой взгляд на сущность прав субъекта может показаться перспективным в части того, что можно подразумевать под «правовым я».

Поэтому для того, чтобы сразу пресечь гипотетическую попытку трактовать эту точку зрения «кому как заблагорассудится», мы посчитали для себя необременительным потратить несколько слов и на её надлежащее рассмотрение. Это несложно. Помните о чём мы уже говорили ранее?

В контексте субъективного права «**способность** проявлять свое правовое я» – это всегда и прежде всего **способность** человека, то есть его личный внутренний потенциал, позволяющий осуществлять что-либо, определяемое разновидностью субъективного права. Этот потенциал характеризует только самого человека, который обладает данной способностью, и больше никого и ничего, включая субъективное право (1.4.3.).

---

[52] *Елистратов А.И.* I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. Отдельный оттиск из Ученых записок Императорского лицея в память Цесаревича Николая. Москва, 1913. С. 15.

Поэтому, прекрасные, замечательные, превосходные младые умы, не тратьте время на выяснение того, что представляет собой это загадочное «правовое я».

Что бы вы ни стали подразумевать под ним, **способность** проявлять своё «правовое я» от этого **способностью** быть **не перестанет** и в субъективное право не превратится. Привыкайте мыслить предметно и рационально.

В данной связи представляется уместным отметить, что подобного рода **якобы** по-философски глубокомысленные сентенции, как правило, на самом деле никакого конкретного смысла в себе не содержат, а порождены незнанием истинной сущности определяемой вещи и необходимостью сформулировать её понятие.

Если бы авторы подобных высказываний знали искомую суть, то с превеликим удовольствием подробно пояснили бы её простыми и понятными словами.

Для уяснения сущности прав субъекта неприемлемо.

1.4.6. Права субъекта как притязания

Одним из примеров особого понимания сущности субъективного права является получившая распространение точка зрения профессора О. Хеффе, по мнению которого, права субъекта представляют собой не что иное, как *притязания* людей[53].

Под притязанием следует понимать: «1. Стремление получить что-н., предъявление своих прав на что-н. ***П.*** на первое место. ***П.*** на наследство. 2. Стремление добиться признания чего-н. при отсутствии оснований на такое признание (неодобр.). ***П***. на учёность»[54].

---

[53] См.: *Хеффе О.* Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства: Пер. с нем. Москва, 1994. С. 248.

[54] *Ожегов С.И.* Указ. Словарь русского языка. С. 423.

Для уяснения того, что субъективное право притязанием быть не может, достаточно анализа приведённых выше примеров из словаря.

«Стремление получить что-нибудь». Стремление получить на соревновании призовое место вполне может возникнуть и возникает, если, конечно, вообще возникает, задолго до начала спортивных состязаний, когда у лица никакого права на приз ещё не имеется.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что такое стремление может существовать вне зависимости от наличия права, а это возможно только в том случае, когда такое стремление и субъективное право являются различными, весьма нетождественными вещами действительности.

Следовательно, притязание-стремление данного вида нельзя рассматривать в качестве субъективного права.

Ещё одним весомым доказательством этого является ситуация, в которой лицо, имеющее стремление получить первое место, всё-таки получает на него право. Например, бегун первым пересекает финишную черту. В этот момент он не только получает искомое право. Одновременно с этим его стремление получить первое место мгновенно исчезает, ибо стремиться к уже достигнутому невозможно. В данном случае стремление получить награду и право на неё между собой даже во времени не пересекаются.

Стремление получить наследство также может существовать независимо от права на наследство: 1) оно может иметь место ещё до возникновения этого права; 2) если лицо наследником по закону не является и в завещании не указано, то оно, несмотря на стремление получить наследство, право на наследство получить не сможет. Это означает, что стремление получить наследство и право на наследство являются нетождественными.

В жизни бывают и такие ситуации, в которых у лица имеется право наследования при отсутствии стремления иметь это право.

Например, мужчина женится на женщине с ребёнком. Квартиру они покупают уже в браке. Брачного контракта нет. Женщина по болезни умирает раньше мужа. Завещание не оформлено. В данном случае у ребёнка по закону появляется право наследования четверти квартиры, но он реализовывать его не желает, во-первых, по причине благодарности к отчиму за любовь и заботу, и, во-вторых, потому, что сам к этому времени уже достаточно обеспечен и ни в чём не нуждается. Данный пример являет нам новый вид ситуации, в которой право субъекта в качестве притязания получить что-нибудь рассматриваться не может. В этом примере право присутствует, а стремление получить и реализовать это право даже не возникало.

«Предъявление своих прав на что-нибудь». Прежде чем приступить к анализу возможности понимания под субъективным правом этой разновидности притязания, следует отметить тот факт, что словарь фиксирует значения слов в том виде, как они употребляются, а употребляются они, к сожалению, далеко не всегда верно.

В некоторых случаях данная неправильность может выражаться в использовании не тех слов, которые следовало бы употребить.

Так, например, выдающийся математик древности Клавдий Птолемей в своем труде «Великое математическое построение по астрономии в 13 книгах» говорил о том, что каждая планета равномерно движется по малому **кругу**[55].

С тех пор и бытуют фразы о том, что планеты и спутники вращаются по **круговой** орбите.

Однако слово «круг» означает фигуру площади, в связи с чем его использование для описания космических орбит не подходит. Судя по всему, Птолемей имел в виду, что орбитальный путь представляет собой не круг как фигуру

---

[55] Привод. по: *Воронцов-Вельяминов Б.А.* Астрономия. 11 кл.: Учебник. 4-е изд., М.: Дрофа, 2003. С. 49.

площади, а окружность, то есть линию, равноудалённую[56] от точки, вокруг которой планета осуществляет своё движение. Но, что получилось, то получилось.

В других случаях причина неверного употребления слов иная. Человек так устроен, что стремится достичь искомого результата посредством насколько это возможно минимальных затрат, усилий.

В обычной речи это зачастую находит своё выражение в том, что человек оперирует высказываниями, которые содержат меньшее количество слов, нежели это предполагается развёрнутой литературной формой.

Так, например, многие называют водительское удостоверение, подтверждающее наличие пра́ва на управление транспортным средством, одним словом «права́».

На практике это никого не беспокоит, поскольку с учётом контекста употребления слова «права́» и без полной литературной формы понятно, что имеется в виду документ. Однако, если в устной речи такое упрощение особых нареканий не вызывает, то в словаре допускать подобного рода ошибку непростительно.

Как раз именно такого рода ошибка упрощения (пропуска слов) допущена в словаре при описании исследуемого варианта значения слова «притязание», где под ним подразумевается «*предъявление своих прав на что-нибудь*».

На самом деле предъявить право, то есть показать его или продемонстрировать как-то иначе, невозможно. Оно нематериально и физической природы не имеет. Предъявить можно только документы, свидетельствующие о наличии права, либо какие-то иные доказательства. Но люди, в том числе и составители словарей, привыкли говорить упрощённо, что и повлекло приписывание субъективному праву таких свойств, которыми оно не обладает.

---

[56] В те времена ещё не было известно, что орбиты представляют собой несколько вытянутые окружности – эллипсы (прим. авт.).

В данном примере из словаря при его буквальном понимании, что вообще-то должно быть нормой, право субъекта фактически рассматривается как материальная (физическая) вещь, которую можно кому-либо предъявить, что, конечно, неверно.

Принимая во внимание последнее обстоятельство, проверяя допустимость понимания под субъективным правом такой разновидности притязания как *«предъявление своих прав* на что-нибудь» мы будем иметь в виду его правильный филологический вариант, а именно, «*предъявление доказательств* наличия права на что-нибудь».

Вопрос о необходимости предъявить доказательства наличия права возникает, например, в ситуации оформления пенсий, различных льгот, выплат и т. п. Ещё одним случаем предъявления доказательств наличия права является ситуация проверки билетов, подтверждающих право, например, присутствовать на концерте, спектакле, спортивных состязаниях, лететь самолётом, ехать поездом, на трамвае и т. д. Право на получение платных услуг также должно быть подтверждено различного вида квитанциями об оплате, абонементами (фитнес-клубы, платные кружки, секции, платное образование и др.). Для получения груза, разрешения имущественного спора о недвижимости и т. д. также необходимо предъявить документы.

Во всех подобного рода случаях субъективное право является **основанием** получения пенсии, льготы, услуги, товара, груза и т. п., а предъявление необходимых для этого документов или иных доказательств представляет собой **условие**, необходимое для их получения.

Тот факт, что субъективное право является **основанием** совершения указанных в нём действий, а предъявление доказательств наличия права представляет собой **условие** их совершения, весьма наглядно демонстрирует нетождественность правовой природы субъективного права и предъявления доказательств его наличия.

Данный вывод может быть обоснован ещё более просто. Предъявление доказательств наличия права – это действие по обеспечению его реализации, а оно правом не является.

Если же под предъявлением доказательств права иметь в виду **претензию**, то она, как требование к должнику, также представляет собой всего лишь **действие по реализации имеющегося права, но не само это право.**

Приведённые аргументы указывают на невозможность понимания под субъективным правом такого вида притязания как предъявление доказательств наличия права.

Остаётся рассмотреть последний из тех видов притязания, которые приведены в словаре.

«Стремление добиться признания учёности без оснований для этого». Такое притязание имеет место при отсутствии для него оснований, то есть в ситуации, когда лицо никакими правами на учёность не обладает.

Совершенно очевидно, что в данном контексте субъективное право вообще не фигурирует, ввиду чего сама постановка вопроса о приемлемости признания такого вида притязания субъективным правом является неуместной.

Объясняется это тем, что наличие субъективного права всегда означает обоснованность того, что указано в названии этого права, а в рассматриваемой ситуации никаких оснований, а, следовательно, и субъективных прав не имеется.

Напомним, что в этой главе мы анализируем только итоговые результаты различных точек зрения. Желающие ознакомиться с ретроспективой дискуссии о праве субъекта как притязания могут сделать это самостоятельно. Будет интересно, но лишь пока точные конкретные вопросы и проверка «предлагаемого» на соответствие действительности не покажут, что суть прав субъекта авторам такого «понимания» так и не открылась. Также станет понятным и то, почему наиболее распространёнными до написания данной работы были понятия субъективного права как вида и меры поведения, как возможности, но не как притязания.

§ 1.5. Итоги первой главы и пояснения

В завершение данной главы представляется необходимым отметить следующие обстоятельства, которые могут быть значимыми для читателя.

При подготовке к написанию настоящей работы были проанализированы все доступные нам варианты понятий субъективного права.

При их анализе мы ставили только один вопрос, который определяется целью нашего исследования: «Что представляет собой субъективное право по своему существу?»

Вместе с тем, несмотря на все наши старания, ни одного надлежащего ответа на данный вопрос мы, к сожалению, отыскать не смогли.

Все эти понятия оказались либо построенными на подмене тезиса, либо действительности не соответствующими, либо настолько неопределёнными, что уяснить из них сущность субъективного права невозможно.

В данной главе приведены не все исследованные нами понятия субъективного права, а только те из них, которые отражают наиболее существенные либо распространённые концептуальные тенденции, подходы к пониманию его сущности и определению.

В решении этого вопроса мы руководствовались принципом разумной достаточности. «Обсуждать все мнения (δοχαι), вероятно, бесполезно, – отмечал в данной связи ещё Аристотель, – достаточно обсудить наиболее распространённые или же такие, которые, как кажется, имеют известные основания (λογον)»[57]. К тому же цель составления энциклопедии неприемлемых понятий прав субъекта или хрестоматии неправильных высказываний о его сущности мы перед собой не ставили.

---

[57] *Аристотель*. Никомахова этика. С. 4. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

Вместе с тем указанные обстоятельства являются не единственными, принимая во внимание которые, мы позволили себе привести в данной главе не все проанализированные нами понятия субъективного права.

Помимо этого, из уважения к читателю, дабы не тратить попусту его драгоценные время и интеллектуальные ресурсы, в работе намеренно не приведены результаты исследования тех понятий субъективного права, неприемлемость которых сразу представляется очевидной, но таких, ознакомление с результатами анализа которых является неоправданно затратным.

К числу такого рода понятий, которые, кстати, упоминаются в большей степени для показной демонстрации эрудированности (начитанности, владения старыми источниками, точками зрения), относятся те, которые трактуют субъективное право как «юридически защищённый интерес», «область власти, господства частной воли», как «признанную, защищённую правовым порядком волевую мощь человека, направленную на какое-либо благо или интерес» и др. Некоторые из них являются неопределёнными, другие сформулированы на основе подмены тезиса, а третьи так и вовсе имеют неправильное содержание.

К последнего вида понятиям относится точка зрения О. Хеффе, которая специально была приведена в конце данной главы для того, чтобы послужить хорошо сохранившимся в памяти читателя примером нецелесообразности их рассмотрения. Ошибочность данной позиции очевидна, ничего сложного либо интересного в ней нет, а времени на неё было потрачено неоправданно много.

Ещё одной причиной рассмотрения в нашем исследовании именно этой точки зрения является тот факт, что в отличие от множества других ей подобных, то есть очевидно неправильных, но неоправданно затратных в пояснении, она единственная прижилась и утвердилась в современной правовой доктрине и приводится в ряде источников, в том числе

словарях. Если бы не это последнее обстоятельство, вряд ли бы и она «удостоилась чести» быть представленной вниманию читателя в данной работе.

В такой же мере нецелесообразным мы посчитали приведение в настоящей работе результатов анализа понятий субъективного права, объединяющих в себе несколько различных точек зрения, каждая из которых уже была нами рассмотрена отдельно в качестве самостоятельной.

Примером такого рода обобщённой точки зрения является понятие, в соответствии с которым «субъективное **право – это мера** возможного **поведения**, активная **деятельность** в сфере общественной жизни, а также **удовлетворение** личных **потребностей** и интересов»[58].

Понятие субъективного права как **меры** возможного поведения было рассмотрено в **1.2.2. Права субъекта как мера поведения**. Оно является неприемлемым, поскольку построено на завуалированной подмене тезиса и на вопрос о сущности прав субъекта ответ не даёт.

Трактовка субъективного права как **деятельности** полностью аналогична пониманию права субъекта как **вида поведения**, а этот вопрос был проанализирован в **1.4.1. Права субъекта как вид поведения**. По результатам данного анализа понятие субъективного права как вида поведения также было признано неверным.

Понятие субъективного права как удовлетворения потребностей было признано неприемлемым по результатам его рассмотрения в **1.4.2. Права субъекта как удовлетворение потребностей.**

Отдельного упоминания требует ещё одна **особая точка зрения о сущности субъективного права**. Её авторы рассматривают субъективные права **как правила поведения** людей в обществе. Она приводится в юридической энциклопедии и некоторых иных источниках.

---

[58] *Афонин М.В.* Указ. соч. С. 17.

Эта позиция доктриной теории и философии права всерьёз не воспринимается и в получивших признание научных трудах и образовательных материалах даже не упоминается. Однако в данной главе результаты её анализа не представлены по другой причине.

Для аргументированной оценки такого понимания сущности прав человека и иных субъективных прав требуется теоретическая основа в виде определённых знаний, которые к настоящему моменту исследования мы ещё не успели преподнести читателю.

Вот почему подробный анализ трактовки субъективных прав как правил будет приведён в **§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности**, и не ранее.

В завершение следует отметить, что особенно проблемным отсутствие приемлемого понятия субъективного права является для образовательного процесса.

Данное обстоятельство особенно отчётливо прослеживается всякий раз, когда обучающиеся готовятся к сдаче экзаменационной сессии, так и не получив в ходе занятий конкретного и правильного ответа на вопрос о том, в чём же именно заключается сущность прав человека и иных субъективных прав на что-либо.

Из разговора студента с профессором:

– Почему столько пишут о правах человека?
– Хотят разобраться с этим вопросом...
– И как результаты? А то скоро зачёт…
– Пока что не вышло. Идите! Учите!
– А как же ООН и Европа? Они декларацию, конвенцию при́няли. Тоже не знают?
– Не знают… без этого ру́лят…
С такими вопросами Вы хотите зачёт?!!!

ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

Как доказать, что солнце – это солнце?
Как доказать, что все цветы красивы?
Как высвободить разум из оков,
чтоб снова очевидное ему открылось?
Помочь нам может только Бог и метод.
И.П. Семченков

§ 2.1. Проблема в понимании сущности субъективного права и методологические аспекты её решения

Внимательное изучение трудов по философии и теории права показало, что основной проблемой этой сферы научного познания единодушно признаётся проблема неоднозначного понимания природы прав человека и иных прав субъекта. Она общеизвестна, ввиду чего все авторы, так или иначе касающиеся рассмотрения вопроса о сущности субъективного права, всегда начинают изложение своего собственного мнения именно с её упоминания.

Решение этой проблемы некоторые видят либо в усилении аргументации какой-то одной из высказываемых точек зрения, либо в опровержении позиции своих оппонентов, либо в объединении нескольких точек зрения в одну. Однако все эти направления решения проблемы неоднозначного понимания субъективного права бесперспективны и обеспечить её решение не могут. Объясняется это тем, что они предполагают оперирование такими точками зрения, каждая из которых сама является изначально неприемлемой[59].

[59] Демонстрации их неприемлемости была посвящена вся предыдущая глава настоящей работы (прим. авт.).

Другие авторы, не соглашаясь с теми точками зрения, которые были высказаны до них, подходят к решению проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права более радикально, то есть предлагают свои особые, отличные от предшествующих, варианты его понятия.

Но и среди этих вариантов пока не оказалось ни одного, который мог бы верно определить сущность субъективного права, что аргументированно было продемонстрировано выше, в предыдущей главе.

В итоге появление этих новых, но также, к сожалению, неприемлемых точек зрения только обостряет проблему неоднозначного определения сущности права в его субъективном понимании. И продолжается всё это далеко уже не первое столетие.

Но что же делать? С какой стороны подойти к решению этой проблемы? В некоторых случаях помогает упрощение в понимании сути проблемы.

Следуя этим путем, проблему неоднозначного понимания сущности субъективного права можно представить следующим образом.

В наличии имеются такие словосочетания как «права человека», «права физических лиц», «права юридических лиц», «субъективные права», которые активно используются во многих сферах повседневной жизни, но значения этих словосочетаний никто доподлинно не знает. Так, может быть, всё дело в словах? Вполне может быть.

С этой точки зрения для ответа на вопрос о сущности субъективного права необходимо и достаточно установить значение слова, лежащего в основе этих словосочетаний, то есть слова «право» в его понимании как пра́ва субъекта.

Но как это сделать, если все словари и иные источники вновь возвращают нас к сфере философии права и теории права, иных сфер юриспруденции, где фигурируют те же самые варианты значения данного слова, которые уже были нами исследованы и признаны неприемлемыми?

Необходимо независимое установление значения слова «право» в его субъективном понимании, то есть как права субъекта на что-либо.

Для этого достаточно представить, что мы впервые сталкиваемся с этим словом, после чего установить его значение точно таким же способом, каким определяют значение любого иного неизвестного слова.

Общий смысл, основная идея этого лингвистического подхода заключаются в том, чтобы рассмотреть различные ситуации употребления слова «право» в его понимании как субъективного права, а потом попробовать изложить тот же смысл, что присутствует в этом контексте, но уже другими словами. В результате этих несложных операций и должно получиться синонимичное объяснение слова «право», то есть понимание его сущностного значения.

Именно этот метод является основным методологическим инструментом составителей словарей, и если бы у них было больше времени на его применение для анализа каждого слова, то никакой бы проблемы в понимании слова «право» не возникло.

Активно используется данный подход и в исследовании иностранных, а также всех древних, в том числе утраченных, языков. Так почему бы не проверить эффективность этого метода для установления значения всего одного слова и, к тому же, из хорошо известного родного языка? Мы никаких препятствий этому не видим.

Для проведения такого независимого исследования достаточно подобрать подходящий жизненный контекст употребления слова «право», который должен соответствовать определённым требованиям.

Он по возможности должен исключать использование шаблонов, стереотипов и штампов юридического мышления, которые сформировались в рамках теории и философии права, в отраслевых юридических науках, а также практической юриспруденции.

§ 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия

Независимое установление значения слова «право» в его субъективном понимании проводилось путём поиска ответов на вопросы о том, *что хочет подчеркнуть* обладатель права в ситуации, когда ему приходится отстаивать своё субъективное право, и *что хочет сказать* человек, который оспаривает право другого лица.

Важным условием, которое должно обеспечить продуктивность данного метода, является подбор таких действующих лиц, которые никаким юридическим образованием не обременены, в силу чего в споре о наличии либо отсутствии права на что-либо они, как предполагается, должны оперировать не общеизвестными юридическими формулировками, а обычными словами.

Помимо этого, подбирая практические примеры, мы намеренно избегали контекста отстаивания либо оспаривания прав в суде, где эти вопросы рассматриваются с юридической точки зрения. В качестве рабочего материала были использованы ситуации столкновения интересов вне рамок судебного процесса. Их можно разделить на два вида.

В ситуациях первого вида имеют место конфликты так называемых законных интересов, то есть таких, которые признаются законом и за защитой которых можно впоследствии обратиться в суд.

Анализ данных ситуаций показал, что стороны конфликта в начале прибегают к юридическим доводам, а если этого оказывается недостаточно, то переходят к жизненным аргументам. В числе такого рода жизненных аргументов часто приводятся наличие либо отсутствие морального права, нравственной обоснованности, призывы к совести, чувству справедливости, подчёркиваются жизненная, нравственная правильность, правота своей позиции и неправильность нравственной позиции оппонента.

В ситуациях второй разновидности фигурируют менее значимые интересы, которые в законодательстве отдельно не упоминаются.

Эти интересы также можно отстаивать в суде, однако обычно этого никто не делает, поскольку юридические аргументы в такой ситуации может привести далеко не каждый человек, да и степень значимости данных интересов является не настолько высокой, чтобы ради них имело смысл ввязываться в длительные судебные споры. Поэтому обычные люди в случае конфликта такого рода интересов, как правило, сразу начинают делать акцент на моральной стороне вопроса, обращаясь к таким же жизненным аргументам, как и в конфликтной ситуации первого вида.

Помимо этого в таких ситуациях зачастую используются и иные доводы, но, когда они заканчиваются, либо их оказывается недостаточно, конфликт всё равно приобретает характер нравственного спора, ключевыми аргументами в котором являются нравственная правильность (правильность по жизни, по совести, по справедливости) и нравственная неправильность (это нечестно, не по совести, несправедливо)[60].

Осмысление указанных выше результатов наблюдения позволило выделить в значении слова «право» такой его важный аспект, как правильность с нравственной точки зрения. Именно к этому аспекту как основному аргументу апеллируют участники споров о наличии права.

К данному пониманию этого аспекта очень близко подошёл В.Н. Протасов. По его мнению, «в слово "**право**" исторически закладывался идеальный **смысл начал добра**,

---

[60] «Где же примеры?» – может подумать в этом месте работы читатель. Примеры есть, и их достаточно много. При наличии наблюдательности и способности к аналитике их нетрудно обнаружить в любом общественном месте, где может возникнуть ситуация конфликта интересов, например, в дебатах на бесплатной парковке у многоквартирного дома, особенно зимой, и т. д. (прим. авт.).

правды, с**прав**едливости. Не случайно слова "**прав**да", "с**прав**едливое", "**прав**ильное" имеют один корень»[61].

Приведённый фрагмент его творчества указывает на то, что для установления значения слова «право» в его субъективном понимании как права на что-либо данный учёный фактически использовал тот же лингвистический подход, который был использован выше и в нашем исследовании. Однако двигаться дальше и применять этот метод для более глубокого анализа полученных результатов он, к сожалению, не стал.

Далее. Внимательный анализ споров о наличии либо отсутствии субъективного права на что-либо позволил выделить очень важную особенность тактики проведения этих нравственных баталий.

Образованные люди могут вести их очень умело, и в некоторых случаях они вначале апеллируют к абстрактному представлению о должном, правильном с нравственной точки зрения (1) и только после этого пытаются обосновать применимость либо неприменимость данного представления о должном к спорной ситуации, к конкретному лицу (2).

Эти два момента имеют отдельное самостоятельное значение, ибо именно они в конечном итоге и решают исход нравственного спора.

Проведённое с Божьей помощью[62] обобщение полученной смысловой фактуры, присутствующей в контексте споров о наличии субъективного права на что-либо, позволило сформулировать следующее понятие субъективного права, которое **полностью соответствует всем вариантам его употребления** в теории и философии права, практической юриспруденции, а также в нравственных дискурсах о его наличии, имеющих место в обычной жизни.

---

[61] *Протасов В.Н.* Указ. раб. С. 2.

[62] «Всякая премудрость – от Господа». Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова. Ветхий Завет. Синодальный перевод Библии. – URL: https: //azbyka.ru/biblia/? Sir.1&r (дата обращения: 04.02.2024).

Субъективное право – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права: 1) должен обладать возможностью пребывания в определённом состоянии; 2) должен обладать возможностью осуществлять поведение, определяемое видом права; 3) должен иметь свободу, определяемую конкретным видом права; 4) должен получать от других лиц определяемые видом права содействие своему существованию и обеспечение его качества; 5) не должен подвергаться указанному в субъективном праве виду принуждения или иному негативному воздействию; 6) должен получать определяемые видом права блага; 7) должен иметь к себе, своей стране уважительное отношение… и так далее.

В данном понятии под субъектом права следует подразумевать физическое либо юридическое лицо, в отношении которого применимо (действует) это представление о должном, являющееся правильным с нравственной точки зрения.

Основанием для применения к лицу данного представления, то есть основанием для распространения действия этого представления на конкретное лицо, являются определённые жизненные обстоятельства, которые принято именовать юридическими фактами.

Перечень различных значимых для субъекта права аспектов его бытия, которые упоминаются в предлагаемом общем понятии субъективного права, пока должен оставаться открытым.

В действительности существует значительно большее число их обобщённых разновидностей, нежели это приведено в общем понятии прав субъекта.

И это при том, что, работая в данном направлении, мы, не очень утруждая себя, установили далеко не все эти разновидности, а только те, которые смогли выявить при достаточно поверхностном подходе к этому вопросу («зряше поверх», – сказали бы в данной связи русские философы

права конца XIX века). Составление полного списка обобщённых разновидностей прав субъекта, упоминаемых в понятии субъективного права, требует отдельной длительной работы и является делом будущего.

Полученное понимание сущности субъективного права способно наполнить реальным и правильным содержанием любую конкретную разновидность прав субъекта.

Право человека на жизнь – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным для него причинам или по воле случая, то есть без вмешательства других людей.

Право собственности – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым возможностью владеть, пользоваться, а также распоряжаться имуществом должен обладать его собственник.

Право на тайну переписки, телефонных переговоров – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым человек должен иметь неприкосновенными для других людей сведения, которые передаются посредством переписки и телефонных переговоров.

Право лица на оборону – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым каждый человек должен иметь возможность без последующего привлечения к уголовной ответственности защищать себя, свои ценности, других людей, их ценности путём причинения вреда посягающему.

Право на справедливое судебное разбирательство – это такое представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности,

в соответствии с которым судебное разбирательство по делу каждого лица должно быть честным, непредвзятым, осуществляться независимым составом суда и в максимально возможные короткие сроки.

Право на зарплату, наследство, компенсацию ущерба, отпуск, пенсию и т. д. – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права должен получить положенные ему блага.

Избирательное право – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой гражданин должен иметь возможность свободных выборов.

Право на медицинскую помощь – это такое представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии действительности, в соответствии с которым любой человек, имеющий травму или расстройство состояния здоровья должен получить медицинскую помощь.

Право на уважение – это представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права должен иметь уважительное отношение к себе, своим чести, достоинству, своей стране и т. д.

Право на имя[63], право на личную неприкосновенность, право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, авторское право, право отстаивать свои права, право…, право…, право…

Пример какого бы субъективного права мы ни рассматривали, полученное его понимание демонстрирует способность наполнить правильным и конкретным содержанием понятие субъективного права любой его разновидности.

---

[63] См.: Статья 7 Конвенции о правах ребенка. – URL: https://www.un. org /ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 19.10.2024).

Но здесь мы никакие поясняющие примеры более приводить не будем. Надеемся, что читатель не ожидает от нас того, что в данной работе мы детализируем содержание абсолютно всех субъективных прав. Научный труд философско-правового характера такого подвига не предполагает. Для этой работы требуются усилия большого числа узкопрофильных отраслевых специалистов. Поэтому здесь мы ограничились приведением лишь тех примеров, которых минимально необходимо и достаточно для пояснения сформулированного понятия прав субъекта.

Вместо экстенсивной работы по детализации содержания отдельных видов этих прав мы предлагаем рассмотреть перспективы изложения полученного общего понятия субъективного права в более лаконичной форме, что представляется весьма актуальным и востребованным с точки зрения удобства его использования в научных дискуссиях, образовательном процессе и повседневном обиходе.

Шаг первый. Следуя в данном направлении, прежде всего следует понять, чем является «представление о должном, правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности».

Такое представление есть не что иное, как существующая в сознании теоретическая модель должного состояния социальной действительности, которая является правильной с нравственной точки зрения.

Или, если ещё более кратко, то это просто нравственно правильная модель действительности.

Данный шаг уже позволяет предложить **более краткое понятие: права субъекта – это нравственно правильная модель действительности**, в соответствии с которой субъект права: 1) должен иметь возможность пребывать в определённом состоянии; 2) должен обладать возможностью осуществления поведения, дозволяемого конкретным правом; 3) должен иметь определяемую видом права разновидность его свободы; 4) должен получать от соответствующих

лиц упомянутые в субъективном праве содействие своему существованию и обеспечение его качества; и т. д.

Но мы продолжаем работу и следуем дальше.

Шаг второй. С содержательной стороны **эта модель как преставление о должном выражает нравственное требование**, определяющее, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие других людей он должен получить и т. д. Модель **должного** всегда предполагает необходимость и обязательность её соблюдения, ведь в этом и состоит её предназначение – служить не просто ориентиром, но и руководством поведения, деятельности.

Шаг третий. Теоретическая модель должного, которая устанавливает какие-либо требования, представляет собой не что иное, как правило.

Шаг четвертый, заключительный. Принимая во внимание вышеизложенное, понятие прав субъекта представляется возможным сформулировать достаточно лаконично: **субъективное право – это нравственное правило, определяющее, какие возможности должен иметь субъект права, какое содействие он должен получить от других лиц и так далее.**

В наиболее обобщённом виде такое краткое понятие можно представить следующим образом: **субъективное право – это нравственное правило, которое определяет, какие условия, необходимые для своего существования и развития, должен иметь субъект права.**

Использование этого краткого понятия субъективного права является очень удобным.

Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым считается нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить…

Право собственности – это нравственное правило, согласно которому возможностью владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом должен обладать собственник имущества. И так далее.

Данная краткая интерпретация понятия субъективного права позволяет сформулировать и **понятие «пра́ва иметь права́»**. Полная развёрнутая форма понятия прав субъекта также позволяет дать понятие «пра́ва на права́», но оно будет чрезмерно громоздким. Поэтому для этой цели лучше использовать приведённую выше краткую версию понятия субъективного права.

Право иметь права́ – это общее нравственное правило, определяющее, что лицо должно иметь возможность получать в отношении себя действие других нравственных правил, которые определяют, какими именно конкретными возможностями оно должно обладать, какое конкретное содействие должно получить от других лиц и т. д.

В завершение вопроса об установлении сущности субъективного права представляется возможным привести ещё один простой и удобный вариант его понятия: **субъективное право – это нравственное правило, согласно которому субъект права должен иметь определяемые этим правом возможности, содействие, отношение и т. д.**

Во избежание длинных формулировок, но обязательно только после приведения развёрнутого или хотя бы краткого варианта понятия субъективного права, можно использовать и совсем краткий его вариант: «субъективное право – это представление о должном с нравственной точки зрения»; либо, ещё более краткий, – «представление о должном».

Однако при этом всегда очень важно помнить о том, что субъективное право прежде всего является именно нравственным правилом. Только так можно воспрепятствовать попыткам навязать нашему народу такие правила, которые с подлинными нравственными устоями нашей жизни ничего общего не имеют.

Вместе с тем, это всего лишь первый из трёх уровней понимания сущности прав субъекта. Но заглядывать вперёд не следует. Всему своё время. Для правильного понимания каждого уровня необходима теоретическая подготовка.

ГЛАВА III. ПРАВА СУБЪЕКТА КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОЛЖНОМ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШИХСЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Новое знание должно не только встраиваться в существующую систему знаний, но и выводить её на новый уровень осмысления действительности, предлагая новое понимание ранее казавшихся незыблемыми её постулатов.

И.П. Семченков

§ 3.1. Субъективное право как представление о должном и традиционно выделяемые функции прав субъекта

Функциональное значение полученного нами понимания субъективного права как теоретической модели должного с нравственной точки зрения полностью соответствует тому функциональному значению, которое традиционно признаётся присущим праву субъекта на что-либо.

Во-первых, субъективное право выполняет функцию нравственного основания, дозволяющего, например, совершать определённые действия, и придаёт этим действиям нравственную обоснованность.

Во-вторых, оно выполняет функцию меры дозволяемого с нравственной точки зрения поведения, которая определяет нравственные границы (пределы) этого поведения.

Третья его функция состоит в том, что понимание субъективного права как представления о правильном с нравственной точки зрения используется в обществе в качестве нравственного ориентира.

В-четвертых, оно является внутренним нравственным регулятором поведения людей.

В литературе упоминаются и другие функции субъективного права. Их также несложно выявить из сущности

субъективного права как представления о должном, правильном с нравственной точки зрения. Ранее все эти виды функционального предназначения прав субъекта были приведены в различных его понятиях, в каждом из которых, как правило, отдавалось предпочтение какой-либо одной из выполняемых правом функций. В этом нетрудно убедиться, если вспомнить те варианты понятий, которые были проанализированы в первой главе настоящей работы.

В отличие от этого полученному **общему** представлению о природе субъективного права присущи одновременно все известные виды функционального значения прав субъекта. Все их в принципе можно было бы включить в предложенное понятие субъективного права, но мы не делаем этого потому, что такое понятие будет чрезмерно громоздким и неудобным. Функциональное предназначение субъективного права лучше рассматривать отдельным вопросом.

Помимо тех функций субъективного права, которые традиционно выделяются большинством специалистов, полученное понимание сущности прав субъекта позволяет выделить ещё одно довольно редко упоминаемое в литературе его функциональное предназначение. Это нравственное оправдывание[64], которое исключает возможность ответного упрёка, осуждения.

Данная функция присуща субъективному праву, например, на причинение вреда при правомерной обороне, крайней необходимости. Но не только. Функция нравственного оправдывания, исключающая упрёк, осуждение присуща большому числу и тех, встречающихся в жизни, субъективных прав, которые в нормативных актах не упоминаются. Например, это право не пропускать вне очереди тех, кто не имеет уважительных причин на внеочередное обслуживание. Право на упрёк в неприличном поведении также исключает право на ответный упрёк и т. д.

---

[64] См.: *Алексеев С.С.* Философия права. М.: НОРМА, 1998. С. 17.

Однако при этом следует иметь в виду, что **не все** упоминаемые в научной и учебной литературе функции субъективного права могут быть одновременно присущи каждой его конкретной разновидности.

Содержание отдельных видов прав субъекта делает это невозможным. Так, например, некоторые виды субъективных прав, имеющих охранительное предназначение, функцию дозволения поведения иметь не могут.

Об этом ранее было сказано в 1.4.3. настоящей работы: «В подтверждение того, что функция дозволения присуща не всем субъективным правам, достаточно привести примеры хотя бы таких, закреплённых в основном законе нашей страны прав человека, как право не подвергаться пыткам, насилию либо другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21 Конституции РФ), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 данного документа), право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29 Конституции) и др.

Совершенно очевидно, что основная функция этих прав по отношению к их обладателям является защитной, охранительной, а не функцией дозволения (разрешения) осуществления чего-либо».

Отсутствует функция дозволения у субъективных прав на чужие действия (прав на судебную защиту, на получение медицинской помощи, прав несовершеннолетних детей, престарелых родителей на заботу о них), у прав на получение положенных субъекту права благ (отпуска, пенсии, различных льгот), у субъективных прав на исполнение другой стороной договора своих обязательств и иных прав, которые являются разновидностью прав на чужие действия.

Тот факт, что не все функции субъективного права могут быть одновременно присущи каждой его разновидности, даёт нам ещё один аргумент в пользу того, что функции прав субъекта лучше рассматривать отдельным вопросом.

§ 3.2. Объяснение независимости естественного субъективного права от закона и государства

В теории права и философии права принято полагать общепризнанным, что естественное субъективное право не зависит ни от закона, ни от государства. Британский философ, профессор моральной философии Оксфордского университета Томас Грин в данной связи говорил о том, что естественные права – это права, «которые остаются правами несмотря на то, что какое-либо конкретное государство или все государства отказываются их признавать»[65]. «Права, относящиеся к естественным, … существуют как таковые, независимо от того, закреплены они где-либо или нет»[66], – отмечал по данному поводу наш соотечественник, профессор В.Н. Протасов.

Данная независимость каким-то образом, – каким именно, детально и по существу никто не поясняет, – увязывается с тем, что естественное субъективное право имеет своими истоками природу (естество) человека и мироздания (мироустройства), ввиду чего это право и стали называть естественным правом.

На самом же деле в объяснении независимости естественных прав субъекта от законодательных установлений ничего сверхсложного нет. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения полученного понимания сущности субъективного права, то ответ на него сразу становится очевидным. Ни закон, ни государство, ни правители не имеют власти над естественным субъективным правом потому, что оно является представлением о должном с нравственной точки зрения, а оно, будучи одним из проявлений нравственного, формируется массовым сознанием и существует независимо от государства и закона, а в некоторых случаях не

---

[65] *Green T.* Lectures on the Principles of Political Obligation. 1901. С. 351.
[66] *Протасов В.Н.* Указ. раб. С. 10.

только независимо, но и вопреки мнению и воле отдельных правителей и иных государственных деятелей.

Благодаря своей высокой объяснительной способности предложенное понятие субъективного права как нравственного правила способно решить задачу объяснения независимости естественных прав субъекта от мнения законодателя даже без упоминания природы человека и мироустройства.

Однако при этом необходимо отметить, что приведённое пояснение этого ранее непростого, а теперь достаточно простого вопроса не следует рассматривать как отрицание того, что независимость естественного субъективного права имеет своими истоками естество человека и нашего мира. На самом деле истоками этой независимости действительно являются именно они, но для того, чтобы убедиться в этом, необходимо прочитать эту книгу до IX Главы.

Поэтому приведение здесь данного объяснения следует рассматривать всего лишь в качестве примера, демонстрирующего высокую объяснительную способность, высокий потенциал сформулированного понятия прав субъекта, но не как попытку опровергнуть либо подменить традиционный подход к решению данного вопроса.

§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности

Понятие субъективного права как теоретической модели должного с нравственной точки зрения демонстрирует ещё одно своё достоинство. Оно удивительно легко встраивается на место ранее отсутствовавшего ключевого элемента во многие другие понятия прав субъекта.

К такого рода понятиям, из числа приведённых в настоящей работе, относятся понятия, которые сформулированы на открытой подмене тезиса. Авторами данных понятий являются Л.М. Энтина, Л.А. Морозова, В.Н. Трофимов, М.С.

Савченко, Ю.И. Лейбо, Г. Лаутерпахт, О.Г. Румянцев, В.П. Панов, М.В. Баглай, В.П. Грибанов, Т.Ю. Дьякова, М.В. Афонин, В.Е. Чиркин, В.Н. Додонов, Е.Г. Шаблова, О.В. Живняк, Л.И. Филюшенко и другие.

Полученное понятие субъективного права как представления о должном устраняет смысловые пробелы, имеющиеся в данных понятиях, и выводит их на новый уровень теоретической и практической значимости, актуальности.

Понимание субъективного права как теоретической модели должного с нравственной точки зрения конкретизирует понятие субъективного права как нравственного ценностного ориентира, ценности (Г. Гроций, Е.А. Лукашева и её соавторы – Т.А. Васильева, В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, Н.В. Колотова, И.А. Ледях, В.С. Нерсесянц, В.М. Савицкий, Н.Г. Салищева).

Очень близко к пониманию субъективного права как представления о должном подошла Т.В. Мельникова, которая полагает, что: «Право как общественный идеал – это совершенный **образец поведения** членов общества»[67].

Для оценки данной точки зрения следует учесть, принять во внимание следующее.

Общим для всех образцов поведения является тот факт, что все они являются примерами для подражания. Но имеются между ними и существенные отличия. Одни из них, предполагающие добровольность, например, подвиги и благотворительность очень желательны, но требовать их исполнения нельзя. Другие образцы представляют собой правила, исполнение которых является уже обязательным. О какой именно разновидности образцов поведения говорится в исследуемом высказывании, не конкретизировано. А это очень важно, поскольку субъективное право представляет собой

---

[67] *Мельникова Т. В.* Право как общественный идеал //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 76.

не просто образец, **а модель должного**, **которая предъявляет требование** к тому, какими условиями своего существования должен обладать субъект права.

К тому же данный автор сводит субъективное право как идеал к образцу одного только поведения, а общее понятие субъективного права охватывает намного большее число аспектов бытия субъекта права. Однако, если рассматривать эту точку зрения, не погружаясь при этом в детали, то в целом она несомненно является правильной, поскольку субъективное право действительно представляет собой образец.

Ещё одно совпадение с правильным пониманием прав субъекта проявляется у этого автора в том, что и в цитируемой, и в других своих работах она говорит о субъективном праве как общественном идеале, который выполняет в обществе функции нравственного ориентира, регулятора.

На таком же глубинном уровне совпадает наше понимание субъективного права как идеальной теоретической модели должного и с мнением Г.А. Торгашева, который также полагает, что субъективное право является идеалом: «Под естественным правом понимаются идеальные факторы права, которые … существуют в сознании субъекта (правосознании) как его установки, как идеал»[68].

А ещё в одном месте своего курса лекций данный автор вообще практически вплотную подходит к истинному пониманию сущности прав субъекта как представления о должном, о чём свидетельствует следующее его высказывание: «Не требует особых доказательств утверждение о том, что право предполагает следование должному»[69].

Фактически в нём идёт речь о функциональном значении права, под которым подразумевается нечто такое, что предполагает следование должному.

---

[68] *Торгашев Г.А.* Философия права: курс лекций /Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. С. 12.
[69] *Торгашев Г.А.* Указ. раб. С. 6.

Это, конечно, подмена тезиса, но такая, что от истины её отделяет всего один вопрос: «Что именно представляет собой право как нечто такое, что предполагает следование должному?» И очень жаль, что автор перед собой данный вопрос не поставил, поскольку, если бы он задался этим вопросом, то обязательно бы понял, что **следование должному определяется только представлением о должном**, которое и составляет суть любого субъективного права. Только представлением о должном и более ничем.

Изучение и осмысление имеющихся в нашем распоряжении источников показало, что очень многие авторы практически вплотную подошли к решению непростой задачи установления сущности субъективного права, и до успешного её решения им не хватило самой малости, всего одного шага, всего одного правильно поставленного вопроса и, разумеется, ответа на него.

Так, в частности, очень близкой к пониманию субъективного права как представления о должном оказалась точка зрения и О.Г. Данильяна, Л.Д. Байрачной, С.И. Максимова: «Правовая идея есть данность нашего сознания, имеющая определённый смысл, выражающий в самом общем плане момент долженствования»[70]. Если бы эти авторы конкретизировали содержание правовой идеи о должном, то вполне могли бы получить практически такое же понятие прав субъекта, как и в нашей работе.

Однако пока их понимание субъективного права как идеи о должном носит чрезмерно обобщённый, в недостаточной степени конкретизированный характер и совпадает только с кратким вариантом понятия прав субъекта как представления о должном, который мы используем во избежание громоздких формулировок. Но зато как совпадает, – практически буквально.

---

[70] Философия права: Учебник /Под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005. С. 227.

Отдельного упоминания заслуживают точки зрения тех авторов, которые, также как и мы, рассматривают субъективные права в качестве определённых правил.

Одна из них представлена в юридической энциклопедии: **«Права человека – совокупность правил… они представляют собой комплекс прав** и свобод»[71]**.**

В рамках данной точки зрения права человека сначала рассматриваются как совокупность правил, а потом эти же правила вновь рассматриваются в качестве прав.

Такая трактовка указывает на то, что её авторы реального и конкретного понимания сущности прав человека как правил не имеют, ввиду чего и рассуждают по логически замкнутой на себя тавтологической схеме: права человека – правила – права[72]. С чего начали, к тому же и вернулись: права человека – это права, то есть **права – это права**.

Для уяснения сущности прав человека как правил подобный подход является неприемлемым.

Данное обстоятельство позволяет не учитывать эту позицию в качестве тождественной нашему пониманию субъективного права как **действующего в отношении субъекта права нравственного правила, согласно которому он должен иметь определяемые этим правом возможности, содействие, отношение и т. д.**

Рассмотренный выше недостаток точки зрения, приведённой в юридической энциклопедии, отсутствует в понятии прав человека как правил, которое уже не первый год преподают в российских **детских садах** (**!**) **и школах** (**!**).

---

[71] ПРАВА ЧЕЛОВЕКА | это...Что такое права человека? – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8338/права человека (дата обращения: 04.02.2024).

[72] Употребление в данном контексте слова «свободы» является излишним и неприемлемым, поэтому здесь мы на него внимания не обращаем. Детальное объяснение этого важного нюанса приведено в **§ 3.7. Совместное упоминание прав и свобод как однородных категорий является неверным.** Но листать вперёд не надо, потерпите (прим. авт.).

Например, «права человека – это правила, по которым живёт он сам и окружающее его общество людей»[73].

Данное понятие, будучи преподносимым детям, конечно же, идеализировано, ибо в действительности, к сожалению, не все люди соблюдают эти правила. Однако, если бы педагог, из методических материалов которого процитировано данное понятие, – Шевелева Ирина Николаевна, – знала, что представляет собой деонтологический аспект прав человека, то вполне смогла бы сформулировать уже абсолютно правильное их краткое понятие, а именно: права человека – это действующие в отношении каждого человека правила, по которым **должны** жить люди в обществе.

Что сказать? **Браво**, **Ирина Николаевна! Браво**, **педагоги нашей страны**, **воспитывающие наших детей**!

К такому понятию остаётся добавить всего лишь два его аспекта: указание на нравственный характер данных правил и упоминание того, что к настоящему времени они нормативно закреплены в международных конвенциях, декларациях и отечественном законодательстве.

После опубликования настоящей работы у воспитателей появится возможность рассматривать права человека не только посредством приведения их многочисленных примеров, как это делается в настоящее время, но и путём разъяснения их сущности именно как нравственных правил.

Вместе с тем, встречаются в источниках и такие понятия прав субъекта как правил, оценка которых представляется неоднозначной: «**Субъективное право** представляет собой комплексную категорию, в качестве структурных элементов которой выступают **правила возможного**, **должного**, **недопустимого** поведения субъектов»[74].

---

[73] Конспект открытого занятия "Я и мои права". URL: https://multiurok.ru/files/konspekt-otkrytogo-zaniatiia-ia-i-moi-prava.html (дата обращения: 04.02.2024).

[74] *Ромашов Р.А.* Теория государства и права. Краткий курс. 2-е изд. /Р.А. Ромашов. Санкт-Петербург: «Питер», 2009. С. 115.

Понимание субъективного права как правила возможного поведения возражений не вызывает. Однако понимание прав субъекта как **«правил должного и недопустимого поведения»** принятому в науке разделению прав и обязанностей на отдельные категории не соответствует и должно быть признано обязанностью, а не правом (более глубоко этот вопрос исследуется в §§ 11.1., 11.2.).

Объясняется это тем, что правило, предписывающее **должное поведение**, представляет собой не что иное как обязанность, которая в качестве субъективного права, что очевидно, рассматриваться не может. В данном контексте даже само слово «должное» означает «обязательное». Аналогичным образом и «правило недопустимого поведения» также относится не к субъективному праву, а к субъективной обязанности, запрещающей такое поведение (запрет всегда предполагает обязательность его исполнения).

Ещё одним подтверждением того, что «правила должного и недопустимого поведения» относятся не к правам субъекта, а к обязанностям **в их принятом понимании**, является тот факт, что они не допускают вообще никакой свободы воли их субъекта. Они являются безальтернативно обязательными к исполнению, соблюдению, что отличает их **от** субъективных **прав на поведение**, которые предполагают свободу воли их обладателя. Субъективное право разрешает определяемое им поведение субъекта права, а не запрещает его либо делает обязательным к исполнению.

В этом месте внимательный читатель может отметить, что любое **право** субъекта **на поведение** подразумевает элемент запрета как отсутствие дозволения на выход за рамки того поведения, которое определяется соответствующим правом субъекта. Однако здесь следует иметь в виду, что этот момент является **условием** реализации права субъекта, а не составляет его основное содержание как правила, которое разрешает действовать по собственному усмотрению. Такой **подразумеваемый** запрет распространяется только

на поведение в виде «выхода за рамки», но не на то поведение, которое дозволяется субъективным правом. К тому же **в общепринятой правовой парадигме** этот подразумеваемый субъективным правом запрет на выход за рамки определяемого им поведения принято называть обязанностью не нарушать права других лиц.

Это означает, что обязанность субъекта права «не нарушать права других лиц при реализации своего права» самим этим правом в его принятом понимании не охватывается.

Во избежание ошибок, выявленных в рассматриваемом понятии субъективного права как правила, необходимо очень чётко понимать как общие моменты, присутствующие у субъективных **прав на поведение** и субъективных **обязанностей**, так и присущие им отличия.

Право субъекта **на поведение** и субъективная обязанность являются совершенно одинаковыми в том смысле, что представляют собой правила, а неотъемлемым аспектом любого правила является момент долженствования: и те, и другие есть представление о должном, которое предъявляет соответствующее требование.

А далее идут их отличия. **Право** субъекта **на** определяемое им **поведение** предъявляет требование к обеспечению возможности субъекту права самому на своё усмотрение решать вопрос о совершении либо несовершении определяемого этим правом поведения.

В отличие от этого, **обязанность** субъекта как представление о должном предписывает указанную в ней модель поведения только к неукоснительному её исполнению.

К сожалению, встречающиеся в различных источниках варианты трактовки субъективных прав как правил прочной теоретической основы в виде фундаментальных исследований не имеют, по причине чего носят преимущественно интуитивный характер своего происхождения и обладают всё теми же недостатками, которые ранее уже были упомянуты в первой главе данной книги.

К таким недостаткам, в частности и к сожалению, относятся: неопределённость их смысла (содержания), наличие противоречий и неправильностей, неполнота, подмена тезиса и отсутствие универсальности в характеристике прав.

При этом ни одна из данных точек зрения развёрнутого понятия субъективного права, как это сделано в нашей работе, не предлагает и его сущность именно как **нравственного правила** не поясняет.

Одним из примеров подобного рода точек зрения является позиция Д.М. Чечота: «По сути дела **субъективное право** представляет собой, также **как и норма** объективного права, определённое **правило** поведения»[75]. Да, он называет субъективное право правилом, однако сущность его именно как нравственного правила не поясняет и развёрнутого его определения не даёт. Помимо этого, его понимание субъективного права охватывает собой одно только поведение субъекта, что является неправильным, и мы уже неоднократно упоминали этот, к сожалению, довольно распространённый недостаток.

Наличие отмеченных недостатков и привело к тому, что субъективное право как нравственное правило в актуальных научных трудах и образовательных материалах не упоминается и соответственно не рассматривается.

Приведённый выше критический анализ иных точек зрения, трактующих права субъекта как правила, следует воспринимать исключительно в качестве конструктивного, на пользу дела, и не рассматривать его как способ умаления заслуг наших предшественников, которые первыми стали говорить о субъективном праве как о правиле.

Значение настоящей работы состоит не в том, что в ней впервые предложено понимание субъективного права как теоретической модели должного, как правила.

---

[75] *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. Ленинград. Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 7.

В ней впервые предложено развёрнутое и аргументированное научное обоснование этой позиции, показана неприемлемость других точек зрения о сущности прав субъекта, то есть впервые предложено **системное** и **комплексное решение в целом всей проблемы** понимания субъективного права, а это решение не может быть сведено к одному лишь предложению считать права субъекта правилами.

Поэтому, несмотря на критику творчества наших предшественников, мы очень им благодарны и за их научную прозорливость, и за их научную смелость. Именно такие люди обеспечивают начало прорывного прогресса!

§ 3.4. Оценка соответствия полученного понятия прав субъекта иным философско-правовым воззрениям

В предыдущих параграфах настоящей главы было показано, что предлагаемое нами понятие субъективного права: имеет функциональное значение, которое соответствует ранее сложившимся представлениям о его функциях; восполняет пробелы многих других понятий субъективного права, конкретизирует их содержание; соответствует смыслу всех принятых относительно прав человека международных нормативных документов; позволяет наполнить эти документы реальным содержанием и т. д.

Это означает, что мы, другие авторы, разработчики нормативных актов и лица, их утверждавшие, абсолютно одинаково воспринимаем реалии действительности, значение субъективного права и даём ему одинаковую оценку как нравственного регулятора, нравственного ориентира и важной нравственной ценности.

Каждый из нас действовал независимо от других, в разные времена, эпохи, в различных странах, в рамках различных философских и правовых школ, из чего следует, что,

если наше понимание общих моментов, характеризующих субъективное право, совпадает, то случайностью это назвать невозможно. Такое совпадение следует оценивать не иначе, как весомый показатель правильности полученных **всеми нами** результатов.

Вместе с тем новое знание должно не только встраиваться в существующую систему знаний, но и выводить её на новый уровень осмысления действительности, предлагая новое понимание ранее казавшихся незыблемыми её постулатов. И таких постулатов оказалось достаточно много.

§ 3.5. Естественное субъективное право и объективное (юридическое) право субъекта

Естественное субъективное **право** представляет собой нравственное **правило** (§ 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия). **Объективное право** субъекта представляет собой правило, которое закреплено в законе, то есть **также правило**.

Из этого следует, что естественное субъективное право и объективное право субъекта являются совершенно одинаковыми в том смысле, что представляют собой теоретические модели должного (правила), которые призваны решать задачи управления социальной жизнью людей в обществе.

Естественное субъективное **право**, то есть то, которое от закона и государства не зависит (§ 3.2), **формируется** массовым **сознанием людей**. **Объективное право** субъекта как теоретическая модель должного, которая закреплена законом, **формируется** законодателем, то есть также **людьми**.

Это означает, что и с этой точки зрения они между собой также ничем не отличаются.

Естественное субъективное **право** называют естественным потому, что оно **формируется людьми**, и **в нём проявляется** естественная **природа человека**.

Но **объективное право** субъекта **также формируется людьми**, и **в нём также проявляется** естественная **природа человека**. При этом все эти люди (и те, и другие) находятся в одинаковых условиях мироустройства (мироздания).

Какой же из этого следует вывод? Объективное право субъекта также и в такой же мере является естественным, как и естественное субъективное право, которое нормативно нигде не закреплено.

Неожиданно? Пожалуй, но неоспоримо.

Всё это свидетельствует о том, что разграничение естественного субъективного права и объективного права субъекта по признаку их естественности либо неестественности – это миф, заблуждение.

Объективное право субъекта также является естественным проявлением человеческой природы, но не большинства, а того меньшинства, которое управляет большинством и принимает законы. И тот факт, что мнение этого меньшинства указано в законе, не превращает объективное право субъекта в право неестественное. После закрепления в законе оно также продолжает оставаться естественным выражением естественной сущности того меньшинства, которое принимает законы, а точнее, проявлением вовне естественного для них уровня нравственного, духовного развития.

Так что же в объективном праве субъекта является неестественным? Ничто. Объективное право субъекта и естественное субъективное право в совершенно одинаковой мере представляют собой проявление естественной природы (естества) человека, существующего в одних и тех же, совершенно одинаковых условиях мироустройства.

Данное обстоятельство указывает на то, что слово «естественное» оказывается неспособным отразить того истинного отличия, которое существует между представлением о должном, отражающем мнение большинства, и тем представлением о должном, которое, будучи закреплённым в законе, отражает мнение людей, имеющих власть.

С учётом сказанного естественное субъективное право правильнее было бы называть не естественным, а **нравственным** (более привычно – **моральным**) правом, и естественное объективное право субъекта – **юридическим** субъективным правом (правом по закону).

В итоге их тандем даже звучать будет достаточно хорошо: моральное право и законное право; моральное право и право по закону; моральное право субъекта и юридическое право субъекта.

Данные названия позволяют очень просто и понятно описать воздействие морального и юридического субъективного права на их адресатов – население, которое в данном контексте выступает в качестве объекта управления:

• моральное право субъекта как нравственное правило оказывает воздействие на сознание человека, взывая к лучшим качествам его души, и привлечением к юридической ответственности не угрожает;

• юридическое право субъекта как юридическое правило оказывает воздействие на сознание индивида путём угрозы применения предусмотренных законом мер ответственности за его несоблюдение (нарушение).

Самым эффективным для решения задач управления является такое нравственное (моральное) правило, которое закреплено в законе, либо, что то же самое, юридическое правило, которое является нравственно обоснованным.

Объясняется это тем, что такое **идеальное субъективное право, как сочетающее в себе все необходимые достоинства,** оказывает на человека (объект управления) двойное воздействие: как моральное, так и юридическое в виде угрозы применения мер юридической ответственности.

Для характеристики **идеального субъективного права** может подойти, например, следующая его формулировка: **идеальное субъективное право** – это нормативно закреплённая нравственно правильная теоретическая модель должного, которая предъявляет требование к содержанию

указанного в ней значимого для субъекта права аспекта его социального бытия.

Возможны и другие, более краткие варианты понятия идеального субъективного права, например, – это **юридически закреплённое нравственное правило**, согласно которому… (…которое определяет…) и так далее.

Но в чём же в таком случае состоит отличие нравственного (морального) субъективного права и юридического (закреплённого законом) права субъекта?

Первое их отличие состоит в том, что **моральное право** субъекта – это представление о должном с **нравственной точки зрения**, которое сформировано подавляющим большинством и **существует в массовом сознании**, а **юридическое** субъективное **право** – это представление о должном, которое **существует в индивидуальном сознании правителя** либо относительно небольшой группы людей, имеющих реальную власть принимать законы.

Второе их взаимное отличие заключается в том, что моральные субъективные права и юридические права субъекта могут иметь различное содержание.

Это отличие (при его наличии) является следствием того, что уровень личного нравственного, духовного развития законодателя **не соответствует** представлению о нравственном, которое существует в массовом сознании.

В данных случаях законодатель или не закрепляет в законах права, которые должны быть закреплены за представителями населения, или закрепляет за собой такие «права», которых по мнению населения у него быть не должно, либо использует оба этих способа реализации своей власти.

Эти, последние из упомянутых, юридические права не могут именоваться идеальными. Они являются всего лишь техническим средством управления, которое основывается исключительно на силе власти, на угрозе наказания и важнейшим признаком правильности с нравственной точки зрения не обладает, то есть является неправильным.

Особенно отчётливо это отличие проявляется при рабовладельческом и крепостном государственном устройстве, при различного рода диктаторских или идеологически авторитарных режимах.

Ретроспектива исторического процесса со всей очевидностью демонстрирует непреложный факт в виде того, что с течением времени всё большее число юридических, то есть законодательно закреплённых прав субъекта начинает соответствовать тем представлениям о должном, которые присущи массовому нравственному сознанию. Во всяком случае в нашей стране данная тенденция представляется несомненной и очевидной.

Проявляется это в том, что в нормативно-правовых установлениях нашего государства нет ни одного юридически закреплённого личного права субъекта, которое не было бы морально обосновано, то есть не имело бы нравственно-правового статуса идеального субъективного права.

Третье их отличие состоит в том, что перечень и содержание юридических прав являются конкретными и фиксированными, что обеспечивает единообразное их понимание и применение, а перечень и содержание нравственных прав таких достоинств не имеют, ибо их перечня пока не существует, и содержание конкретикой не обладает.

Это отличие указывает на некоторую неопределённость содержания и перечня моральных прав. Однако в практическом плане она никаких серьёзных проблем пока не создаёт, – в нашей стране все наиболее значимые моральные права юридически уже закреплены, а, значит, имеют достаточную для практики конкретику их понимания.

Далее. Начиная с XIX столетия, в научной правовой литературе всё чаще стали высказываться мнения о невозможности сформулировать понятие субъективного права.

Обобщённую характеристику данной ситуации в 1914 году дал профессор И.В. Михайловский: «В чём заключается сущность субъективного права? Вопрос этот считается

одним из наиболее трудных и спорных в нашей науке. Есть даже учёные, которые предлагают совершенно выбросить из науки понятие субъективного права, утверждая, что никаких субъективных прав в социальной жизни нет, а есть только обязанности, налагаемые на членов общества юридическими нормами»[76].

Одним из современных представителей философско-правовой доктрины, полагающим, что общее понятие субъективного права сформулировать невозможно, является уважаемая И.В. Вегера, которая в данной связи указывает: «Определяя понятие прав человека, следует иметь в виду, что невозможно выработать какое-либо одно, единственно правильное его определение, поскольку данная категория содержит в себе различные аспекты (философский, моральный, **политический**, юридический и т. д.)»[77].

Содержание настоящего исследования позволяет не согласиться с этим утверждением.

Предложенное нами понимание юридического субъективного права охватывает собой и философский, и моральный, и юридический аспекты прав субъекта.

Политический аспект субъективного права в данной работе не затрагивается, но только потому, что он относится к сфере политологии, а не философии права и теории права. Однако той информации, которая была представлена выше, должно быть достаточно для рассмотрения и политического аспекта субъективных прав на что-либо.

Для этого необходимо и достаточно проанализировать объективные и субъективные причины, по которым при том либо ином политико-экономическом устройстве общества содержание моральных прав субъекта и юридических прав по отдельным вопросам между собой не совпадают.

---

[76] *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Том I. Томск. Изд. книжного магазина В.М. Посохина. 1914. С. 439.
[77] *Вегера И.В.* Указ. раб. С. 15.

В завершение представляется необходимым отметить, что всё сказанное в настоящем параграфе о соотношении естественного субъективного права и объективного (юридического) права субъекта в полной мере применимо и к вопросу о соотношении **совокупности** норм морального права и норм позитивного (объективного, юридического) права. Ничего сложного в этом вопросе на самом деле нет.

§ 3.6. Проблема описания прав человека в нормативно-правовых актах

Сформулированное в настоящей работе понятие субъективного права полностью соответствует духу всех биллей, пактов, хартий, деклараций, конвенций, национальных конституций, а также целого множества других, основывающихся на них нормативно-правовых документов, которые посвящены провозглашению и юридическому закреплению прав человека и других прав субъекта. Но не только.

Помимо соответствия их «духу» данное понятие прав субъекта позволяет наполнить положения этих важных нормативных актов конкретным содержанием, а также избавиться от недостатков описания различных прав субъекта, провозглашаемых и закрепляемых этими документами.

В этом нетрудно убедиться на примере того, каким образом провозглашается и закрепляется право на жизнь в Европейской конвенции по правам человека.

Статья 2 данного документа называется не «О праве человека на жизнь», не «О признании права на жизнь и необходимости его соблюдения», а «Право на жизнь».

Такая формулировка названия указывает на то, что содержание этой статьи прежде всего должно отвечать на вопрос о том, **что** именно представляет собой право человека на жизнь. Однако ответ на данный вопрос в рассматриваемой норме не приводится:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишён жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание»[78].

Данная статья сформулирована на основе завуалированной подмены тезиса и демонстрирует несоответствие между её названием и содержанием, которое выражается в том, что ответ на вопрос, заявленный в заголовке статьи, в её содержании отсутствует.

Но эта ситуация поправима. Для этого необходимо и достаточно отразить в данной статье ранее сформулированное нами понятие субъективного права на жизнь, немного подкорректировать содержание второго положения этой нормы и дополнить эту норму ещё одним тезисом.

Выглядеть результат такого усовершенствования может, например, следующим образом:

«1. Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым признаётся нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, то есть без вмешательства других людей.

Это правило начинает применяться к любому лицу с момента его рождения и сохраняет своё действие на протяжении всей его жизни.

2. Несоблюдение этого правила в виде умышленного или неосторожного причинения, а также виновного непредотвращения смерти должно быть наказуемо по уголовному законодательству каждого государства».

---

[78] Ст. 2 ЕКПЧ: Европейская конвенция по правам человека – "Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Рим 04.11.1950) /КонсультантПлюс: оф. сайт. – URL: https: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.02.2024).

Во избежание повторения, все общие моменты, характеризующие права человека и ответственность за их нарушение имеет смысл вынести в несколько общих норм. Пандектный принцип построения законов, любых иных нормативных актов является универсальным, и применять его в конвенциях, декларациях никто не запрещает.

Если ООН, Совету Европы и иным международным организациям потребуется помощь в правильном описании прав человека, её без труда сможет оказать любой одарённый юрист, ознакомившийся с настоящей работой и принявший на вооружение манеру мышления её автора.

§ 3.7. Неприемлемость совместного упоминание прав и свобод как однородных категорий

Следует признать неверным употребление в одном словосочетании **в качестве однородных категорий** таких широко распространённых в настоящее время терминов, как «права человека» и «свободы человека».

Словосочетание «права и свободы» является эклектичным, пытающимся объединить в одно целое **разноплановые**, в подавляющем большинстве случаев несочетаемые между собой категории, которые объединить в одно целое невозможно. **Право** человека – это **теоретическая модель** должного, а **свобода – реальное состояние действительности**, которое позволяет ему поступать по своему усмотрению в пределах, определяемых соответствующим «правом на свободу». Трактовать свободу каким-либо иным образом недопустимо. **Свобода** как таковая всегда представляет собой только **возможность поступать по своему усмотрению**. Именно в этом состоит её сущность, и только в этом.

Традиция, манера употребления эклектичного словосочетания «права и свободы» сформировались благодаря многословию ораторов, которые вольно или невольно стремятся

к использованию в своих речах максимально возможного количества слов, что, по их мнению, должно делать их выступления яркими, содержательными и убедительными.

Данное стремление к многословию привело к уникальному в своём роде лингвистическому явлению. В словосочетании «права и свободы», **где под правами и свободами подразумевается нечто однородное**, слово «свобода» стало употребляться в «значении», которого **не существует**.

Именно по этой причине сущность свободы, упоминаемой в связке «прав и свобод» в качестве чего-то однородного с правами субъекта, никто выявить, раскрыть так и не смог, и именно поэтому понятие такой свободы никому до сих пор сформулировать так и не удалось.

Отсутствие значения слова «свобода» при его употреблении в качестве однородного по смыслу с «правами человека» закономерно привело к тому, что все попытки дать его характеристику неизбежно оканчивались тем, что вместо свободы авторы начинали говорить уже не о свободе как таковой, а о праве на свободу, которое, в отличие от «однородной с правом свободы», имеет реальное содержание и без труда может быть облечено в форму конкретного понятия.

Принимая во внимание изложенное, **следует признать ненаучной и неприемлемой сентенцию «права и свободы», в которой права и свободы упоминаются в качестве однородных вещей действительности**.

Свобода – это не право, и не что-либо однородное с ним. Свобода – это всегда только возможность поступать по своему усмотрению (состояние действительности), и никакого иного реального значения у данного слова не имеется.

Свобода должна рассматриваться только в качестве одного из важнейших объективных аспектов качества жизни людей, а не как нечто однородное с правами человека. Вот почему указанное выше популистское несуществующее значение слова «свобода», должно перейти в разряд назидательных артефактов истории философско-правовой мысли.

Вместе с тем в данной связи необходимо отметить, что понимание указанных выше обстоятельств не дает нам права упрекать наших предшественников в том, что они довольно часто неправильно использовали слово «свобода», употребляя его в несуществующем значении. До момента опубликования этой книги никаких препятствий для совместного упоминания прав и свобод как однородных вещей не было. Конкретизированного правильного понятия прав человека и иных прав субъекта как теоретической модели должного ещё не существовало, по причине чего эклектичность сентенции «права и свободы» не была очевидной.

Однако с этого момента упоминание «прав» и «свобод» **в качестве родственных категорий** следует признать непозволительным, недопустимым.

На этот очевидный момент мы обращаем внимание **не только потому**, что семантически неверная языковая конструкция «права и свободы» получила широкое распространение в речах политиков, общественных деятелей, трудах социально-политического и идеологического характера.

Довольно часто она встречается и в юридической научной литературе, и в соответствующих образовательных материалах, а это неизбежно влечёт ошибки в определении сущности либо субъективных прав, либо свобод, либо и тех, и других одновременно.

Например: «**Права** и свободы индивида – **это** его социальные **возможности**»[79], – здесь права названы возможностями, что является неверным (1.4.3.); «**Права** человека – совокупность правил … они представляют собой **комплекс** прав и **свобод**»[80], – здесь права именуются свободами и соответственно, наоборот, свободы – правами, а это неверно

[79] Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

[80] ПРАВА ЧЕЛОВЕКА | это... Что такое ПРАВА ЧЕЛОВЕКА? – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8338/права_человека (дата обращения: 04.02.2024).

(см. начало § 3.7.); «Когда мы говорим о **субъективном праве**, мы имеем в виду **совокупность… свобод** и юридических прав»[81], – здесь права также неверно называются свободами, то есть возможностями и, соответственно, свободы неверно называются правами (моделями должного).

Помимо этого вызывает обеспокоенность упоминание прав и свобод как родственных категорий (в одном филологическом правовом тандеме «прав и свобод») и в нормативных документах, причём даже такого высокого уровня как Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конституция России и многих других.

Содержание этих нормативных актов теперь придётся пересматривать и корректировать таким образом, чтобы права и свободы не фигурировали в них как однородные.

К счастью, это неправильное эклектичное словосочетание приводится только лишь в общих положениях данных нормативных актов, и когда заходит речь о содержании специальных норм, то в них говорится уже не о свободе человека, а о его праве на свободу.

Например, в ст. 22 Конституции нашей страны закреплено положение, согласно которому «каждый имеет **право на свободу** и личную неприкосновенность»[82], и в ст. 9 упомянутой Конвенции «**Свобода** мысли, совести и религии» также указано, что «каждый имеет **право на свободу** мысли, совести и религии…»[83].

Кстати, заголовок этой статьи 9 её содержанию не соответствует. В нём указана свобода, а в содержании идёт речь

---

[81] What is subjective law? – URL: https://whatmaster.com/what-is-subjective-law/ (дата обращения: 09.10.2024).

[82] Конституция России – URL: http: // www.kremlin.ru/ acts/ constitution/ item#chapter2 (дата обращения: 05.02. 2024).

[83] Ст. 9 ЕКПЧ: Европейская конвенция по правам человека – "Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Рим 04.11.1950) / КонсультантПлюс. – URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 29 160/ (дата обращения: 05.02.2024).

о праве на свободу. И это при том, что они являются весьма нетождественными, разнородными вещами действительности: свобода как возможность поведения относится к объективной действительности, а право на свободу как модель должного существует в субъективном мире сознания.

Приведение в порядок общих тезисов этой Конвенции, её неправильных заголовков, а также законодательных положений нашей страны никаких серьёзных затруднений вызывать не должно.

Раздельное употребление слов «права» и «свободы» является особенно актуальным в контексте решения задач защиты, с одной стороны, субъективных прав и, с другой, – имеющихся свобод, ибо механизм их защиты имеет существенные отличия.

Защита свобод как реального состояния объективной действительности, позволяющего лицу поступать по своему собственному усмотрению в дозволяемых пределах, может осуществляться двояким образом.

Во-первых, здесь следует иметь в виду физическую охрану человеком и использование соответствующих технических средств.

Во-вторых, защита свобод может осуществляться и осуществляется юридически, путём нормативного закрепления прав на свободу с последующим применением к виновным института юридической ответственности за их нарушение (несоблюдение).

Моральное право субъекта как теоретическую модель должного можно защищать также двояким образом, но уже несколько иначе.

Во-первых, вместо физической и технической охраны здесь следует вести речь об идеологическом противодействии попыткам изменить общепринятые в нашей стране традиционные представления о нравственных ценностях.

Во-вторых, это такое же, как и при охране свобод, юридическое закрепление моральных прав на что-либо.

При этом **юридически закреплённые** в законе **разновидности субъективного права** можно защищать (отстаивать) только **в суде** путём подачи судебного иска об их признании за каким-либо субъектом, а при угрозе деюридизации данных прав, – политическими средствами.

Возвращаясь к вопросу о неверном употреблении словосочетания «права и свободы», в котором права и свободы приводятся в качестве родственных по смыслу категорий, следует сделать **предостережение**.

На первый взгляд, с учётом изложенного в настоящем параграфе, может показаться, что при упоминании в законодательных актах неверного по смыслу тандема «прав и свобод» из него во всех случаях необходимо исключать именно слово «свободы». Однако, на самом деле такое решение вопроса следует применять в отношении только тех юридических норм, которые лишь провозглашают и юридически закрепляют различные виды прав человека и гражданина, иных прав субъекта.

В случае других нормативных установлений вполне может оказаться, что из словосочетания «права и свободы» **необходимо будет исключать не слово «свободы», а слово «права»**. Ключевой момент в решении данного вопроса – правильное понимание контекста употребления данных слов, их словосочетания.

Пример подобной ситуации являет собой Часть 1 Статьи 2 Уголовного Кодекса России, согласно которой первостепенной задачей уголовного закона является охрана **прав и свобод** человека и гражданина. Особенность данного уголовно-правового контекста упоминания «прав и свобод» заключается в том, что здесь они фигурируют в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Отнесение к объекту уголовно-правовой охраны свобод человека и гражданина возражений не вызывает. Свобода как возможность действовать по своему усмотрению действительно является объектом преступления.

Например, лицо может быть похищено (ст. 126 УК РФ) либо закрыто в помещении без его похищения (ст. 127 УК), что как в первом, так и во втором случае лишает его свободы поведения и действий.

Однако с признанием объектом преступления прав человека и гражданина наш законодатель (кстати, и не только наш) явно поторопился. Объясняется это тем, что и закреплённые, и не закреплённые законодательством права субъектов представляют собой теоретические модели должного (§ 2.2.), которым преступление никакого вреда причинить не может (1.4.1., 1.4.2., 1.4.3.).

После совершения преступления права субъекта попрежнему продолжают оставаться теоретическими моделями должного (нравственными правилами), которые полностью сохраняют своё действие в отношении их субъектов, а распространённый оборот речи «нарушение прав» означает только их несоблюдение, то есть такое деяние, которое выражается либо в лишении возможности реализации имеющегося субъективного права, либо в непредоставлении (необеспечении) такой возможности. Поэтому применительно к субъективным правам рассматривать их нарушение как причинение вреда им самим неверно.

Об этом Е.В. Благов писал ещё в 2012 году. Субъективные права «сами по себе неотделимы от того, кто ими обладает» [84]. С самими правами субъекта в случае их нарушения (несоблюдения) никаких негативных изменений происходить не может: «правам … невозможно причинение вреда. Они при совершении любого преступления объективно остаются у потерпевшего»[85].

Во всех случаях совершения преступлений, которые принято называть «посягательством на права», вред может

---

[84] *Благов Е.В.* Общая часть уголовного права в 20 лекциях: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2012. С.55.

[85] *Благов Е.В.* Указ. соч. Там же.

причиняться не субъективным правам (теоретическим моделям должного), а субъекту права, которого преступление лишает возможности реализации «нарушенного» права.

Что же из этого следует?

Первое. Права человека и иные права субъекта из перечня объектов уголовно-правовой охраны необходимо исключить, причём не только из ст. 2, но и из статей Особенной части УК, где они также фигурируют в качестве объекта преступления. Так, например, формулировка «причинение вреда правам гражданина» используется при описании преступлений в ст. ст. 179, 201, 202, 286.1 УК РФ.

Для устранения данной ошибки лучше использовать другие формулировки, например, «лишение возможности реализации прав», «несоблюдение», «нарушение прав» и др.

Второе. К использованию призывов, лозунгов защиты юридически закреплённых субъективных прав следует относиться очень аккуратно, имея в виду, что эти права от правонарушений защищать не требуется, и необходимость их защиты возникает только в случае оспаривания, непризнания их действия в отношении конкретного субъекта. Но такая защита возможна только в судебном порядке.

Помимо этого следует отметить, что в подавляющем большинстве ситуаций, в которых упоминается защита прав субъекта, на самом деле необходимо вести речь не о защите собственно этих прав как таковых, а о проблемах их реализации, соблюдения. Понимание данного момента позволит избежать подмены тезиса и неправильности смысла при упоминании проблем, возникающих в сфере соблюдения субъективных прав, их реализации.

Третье. Термин «**правонарушение**» следует понимать не буквально, то есть не как деяние, которое причиняет вред субъективным правам, а как **деяние, которое выражается в несоблюдении** требований теоретической модели должного, составляющей суть любого субъективного права как нравственного правила.

Четвертое. К числу правоохранительных органов теперь следует относить только суды, но только в части решения вопросов отстаивания, признания субъективных прав.

Остальные государственные органы, которые в настоящее время повсеместно принято называть правоохранительными, именовать правоохранительными неверно. Никаких оснований для этого не имеется. Ни права человека, ни какие иные права субъекта, будучи теоретическими моделями должного, никакому воздействию со стороны правонарушений подвержены быть не могут и в охране, защите от правонарушений не нуждаются[86]. И, кстати, указанное в ст. 159 УК приобретение права путём обмана или злоупотребления – это нонсенс. Право незаконно приобрести невозможно.

Пятое. Статья 2 основного закона нашей страны, в которой говорится об обязанности государства по защите прав человека и гражданина, сформулирована слишком широко, до неправильности в виде их защиты и от правонарушений.

Для устранения данного недостатка в этой статье следует указать лишь то, что государство гарантирует **судебную** защиту субъективных прав, которая в настоящее время упоминается очень далеко – в ст. 46 Конституции РФ.

---

[86] Особую ситуацию представляет собой негативное идеологическое, безнравственное воздействие, которое правонарушением ещё не признается, но имеет своей целью разрушение, подмену системы нравственных ценностей, которые нашли своё отражение в моральных субъективных правах. Орган, который осуществлял бы противодействие такому деструктивному воздействию, **можно было бы** назвать правоохранительным. Однако министерства охраны нравственного в нашей стране пока не существует, и фактическое противодействие безнравственному осуществляется в инициативном порядке по предложению отдельных лиц и общественных организаций с последующим запрещением этой деструктивной деятельности и установлением за неё ответственности. Но после этого мы получаем какое-либо уже закреплённое в законе субъективное право и новый вид правонарушения, который этому праву, как закреплённой в законе теоретической модели должного, причинить вред уже не может (прим. авт.).

Шестое. Также чрезмерно широко и бесполезно указана защита прав человека и гражданина в качестве обязанности и во множестве иных нормативных документов.

Вместо этой обязанности лучше закрепить в них **обязанность по обеспечению возможностей реализации данных прав,** что будет соответствовать ст. 7 Конституции РФ о создании достойных условий жизни и развития человека, если в неё добавить пункт и **об обеспечении** этих условий.

Седьмое. Право в более широком его понимании как закона, законодательства в охране также не нуждается.

Такое право также представляет собой комплекс теоретических моделей должного, которым правонарушения причинить вред не могут.

«Нарушение закона» – это несоблюдение его положений, требований, но не причинение вреда ему самому.

И с этой точки зрения никаких оснований для отнесения упомянутых выше органов к правоохранительным не имеется (исключением из этого является лишь суд, однако только в части признания, отстаивания прав субъекта, а не привлечения к ответственности и решения иных вопросов).

Восьмое. Правозащитными могут называться только такие общественные организации, деятельность которых:

- направлена на законодательное закрепление моральных субъективных прав, которые нормативно пока ещё не закреплены;

- имеет целью сохранение законодательного закрепления тех моральных прав, которые нормативно уже закреплены, но находятся под угрозой деюридизации;

– выражается в активной пропаганде традиционной системы нравственных ценностей с целью упрочения нравственных устоев нашей жизни;

– выражается в разъяснительной работе, направленной на противодействие идеологически враждебной информации, имеющей цель подорвать либо подменить традиционные нравственные устои нашего существования.

§ 3.8. Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта

Статья 2 Конституции РФ закрепляет за правами человека правовой статус высшей ценности.

Но насколько обоснованным является данное решение, и действительно ли права человека обладают этим в высшей степени эксклюзивным правовым статусом?

Права человека действительно очень важны для каждого из нас, однако для признания их высшей ценностью этого ещё недостаточно.

Из всего существующего на Земле для людей наиболее значимы они сами, а также возможности реализации их собственных стремлений и удовлетворения возникающих при этом потребностей.

Всё остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только лишь потому, что обеспечивает (предоставляет) возможности реализации стремлений человека и удовлетворения соответствующих потребностей, которые возникают в процессе реализации имеющихся у него стремлений[87].

С этой точки зрения, не отрицая несомненной ценности прав человека, необходимо отметить, что эта значимость определяется их функциональным предназначением, выполняемой ими служебной ролью **средства** обеспечения условий достойного существования и развития людей.

Вот в чём заключается их ценность, и относить её к разряду высших было бы неверно. Никаких оснований для этого на самом деле не имеется.

Данное обстоятельство дополнительно может быть подтверждено следующими рассуждениями.

---

[87] См.: *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Объект преступления: общественные отношения или возможность? //Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293.

То, что имеет статус средства, в том числе и права субъекта, не может находиться на вершине иерархической пирамиды ценностей.

Если мы станем относить к высшим ценностям все средства обеспечения нашей жизни и её качества, то к этим ценностям необходимо будет относить не только права человека, но и другие ценности, которые важны для нас как средства обеспечения необходимых условий нашей жизни: жильё, одежду, пищу, транспорт, средства коммуникации, произведения искусства, берёзку на опушке, любимую собаку, шахматы, бильярд и многое другое.

Значимость перечисленных ценностей, что очевидно, конечно же различна, причём отличие это является очень весомым. Однако данное обстоятельство не может изменить того, что все они являются всего лишь средствами, а не конечной целью, не тем искомым действительно ценным результатом, к которому стремится человек.

Так, более глубокий анализ ситуации отстаивания субъективного права в суде показывает, что эта судебная защита всегда является не конечной целью, а способом (средством) борьбы субъекта за определённые условия его бытия, которые ему полагается иметь в соответствии с отстаиваемым субъективным правом.

Отстаивая своё право в суде, субъект права тем самым борется не собственно за это право как таковое в его самости, а за качество своей жизни, за необходимые для этого условия своего существования, которые по своей значимости являются для него несравненно более ценными, чем отстаиваемое право, судебное признание которого является всего лишь способом обеспечения наличия этих условий.

Правила жизни не могут быть признаны высшей ценностью. Они тоже являются средствами.

По своей сущности права человека и все иные субъективные права представляют собой не что иное как особую разновидность правил жизни людей (§ 2.2.).

С этой точки зрения оценивать их как высшую ценность также никаких оснований не имеется.

Права человека также важны, как и все иные правила нашей жизни (правила безопасности дорожного движения, полётов, пожарной безопасности и пр.), – это несомненно. Но их ценность при этом по-прежнему остаётся на том же уровне значимости, которую они имеют всего лишь как правила, и не более.

К тому же, если мы будем относить к высшим ценностям всё, что имеет значение для человека, то от понятия высшей ценности придётся отказаться, и в дальнейшем необходимо будет вести речь обо всех ценностях в целом без проведения между ними принятого разграничения на высшие и остальные.

Принимая во внимание все приведённые выше аргументы, представляется возможным отметить, что в основном законе нашей страны (кстати, не только нашей, но также и многих других государств) ценность прав человека явно завышена, переоценена.

В этих документах они отнесены к высшим ценностям, однако на самом деле, несмотря на их большую значимость, они высшей ценностью ни с какой точки зрения признаваться не могут.

Вместо отнесения к высшим ценностям прав человека Конституция должна закреплять тезис о том, что **высшей ценностью, наряду с человеком, признаются** не его права, а **возможности его достойного существования и развития**. Поскольку свободы являются разновидностью данных возможностей, то отдельное их упоминание в данном тезисе (контексте) не требуется и будет излишним.

Для реализация данного предложения его необходимо дополнить ещё одним имеющим большое значение тезисом о том, что **«в целях обеспечения возможностей достойного существования и развития человека и гражданина в Конституции закрепляются основные права человека**

и гражданина, соблюдение которых является средством (способом) обеспечения этих возможностей».

Этот тезис позволит объяснить цель выделения отдельной главы, посвящённой правам человека и гражданина, которые после проведения предлагаемых изменений уже не будут рассматриваться в качестве высшей ценности.

Внесение в Конституцию нашей страны предложенных выше изменений и дополнений позволит не только выстроить правильную иерархию закрепляемых в ней ценностей (человек; его качество жизни; достойные условия его существования и развития, обеспечивающие качество жизни), но и сделает данный документ более доступным для восприятия, понимания обычными людьми (населением).

Приведённых в настоящей работе примеров должно быть достаточно для устранения и тех многочисленных смысловых ошибок в употреблении сентенции «права и свободы», которые имеют место и во многих иных нормативно-правовых документах.

Кстати, одним из них, о чём уже частично было сказано ранее, является Европейская конвенция по правам человека – "Конвенция о защите ~~прав~~ человека и основных свобод".

К этому моменту исследования у нас появилась возможность привести наиболее полный перечень выявленных недостатков данного документа, которые присутствуют в его названии и содержании, а также в понимании его основного предназначения.

К этим недостаткам относятся:

- несоответствие названия статей их собственному содержанию (§§ 3.4. и 3.7.);

- отсутствие в статьях ответов на вопросы, заявленные в заголовках статей (§ 3.4.);

- использование неправильного, эклектичного словосочетания «права и свободы» (§ 3.7.);

- употребление слова «свободы» в несуществующем значении (§ 3.7.);

- постановка вопроса о защите прав, которые в защите, например, от правонарушений не нуждаются (§ 3.7.);

- непонимание предназначения (служебной роли) прав человека как правил, которые устанавливаются в целях обеспечения условий достойного существования и развития человека и являются средством (способом), одной из форм такого обеспечения (§ 3.8.);

- непонимание основного предназначения в целом всего данного документа, чья основная задача должна заключаться в провозглашении и нормативном закреплении необходимости обеспечения условий достойного существования и развития человека, всего человечества (§ 3.8.).

Теперь, после опубликования результатов нашего исследования, и в этот, и в иные нормативные документы необходимо будет внести изменения, устраняющие приведённые выше недостатки.

Аналогичной корректуре следует подвергнуть и все образовательные материалы довольно большого числа самых различных учебных дисциплин, в которых к настоящему времени упоминается защита и охрана прав человека и иных субъективных прав.

На первое место после самого человека необходимо будет поставить качество его жизни, а не его субъективные права. Это позволит избежать подмены вопроса об условиях существования и развития человека вопросом о провозглашении и нормативном закреплении правил их обеспечения, которые зачастую не соблюдаются.

Данный подход сможет обеспечить уже абсолютно правильную расстановку ценностных приоритетов и позволит сделать **акцент на искомом результате**, **а не на средствах его достижения**.

Для своего времени провозглашение и нормативное закрепление прав человека было действительно большим достижением. Однако с тех пор некоторые правители давно уже поняли, что многие права можно не соблюдать.

Вместо этого достаточно лишь громко заявлять об их уважении и защите, и они очень любят делать это, ведь защита субъективных прав – это не более чем красивая фикция, которая за исключением оплаты продажных глашатаев и судов никаких дополнительных расходов не требует.

Вот почему необходимы новые приоритеты в виде достойного уровня качества жизни, а не в виде защиты и уважения **прав**, которые в защите от злодеяний и **уважении** не нуждаются (**они** на неуважение даже обидеться не могут).

Вот почему провозглашение и нормативное закрепление прав человека – это, хотя и очень важное, но всё-таки промежуточное достижение в деле обеспечения достойной жизни людей.

Уважать необходимо не права, а их обладателей, и проявляться это уважение должно в делах, а не только в словах или в одном лишь принятии законов, исполнение которых заслуживает отдельного рассмотрения.

На проведение предлагаемой корректуры международного и национального законодательства, на изменение содержания образовательных материалов потребуются время и средства. Но сделать это крайне важно и необходимо.

§ 3.9. Состав субъективного права

Решение вопроса о составных элементах субъективного права, и это должно быть понятно без каких-либо особых пояснений, прежде всего зависит от того, что именно представляет собой само субъективное право.

Одни авторы, решая вопрос об элементах субъективного права, исходят из того, что субъективное право представляет собой определённую возможность.

Соответственно данному пониманию сущности субъективного права, решая вопрос о его составных частях, они разделяют эту возможность на совокупность составляющих

её возможностей, которые и называют элементами прав субъекта. С точки зрения логики это верно, но этого мало.

Основной недостаток такого решения вопроса об элементах субъективного права заключается в том, что оно основывается на неправильном понимании его сущности, ибо право субъекта на самом деле возможностью не является (1.4.3. Права субъекта как возможность). Соответственно этому следует признать неверным и предлагаемое в рамках этой точки зрения разделение субъективного права на его элементы-возможности.

Такой же основной недостаток присущ творчеству и тех авторов, которые в решении вопроса об элементах субъективного права руководствуются иными, но также неприемлемыми точками зрения о сущности субъективного права, согласно которым его сущность якобы состоит в том, что оно является мерой возможного поведения или видом возможного поведения (1.2.2. Права субъекта как мера поведения; 1.4.1. Права субъекта как вид поведения).

Основным этот недостаток мы называем потому, что помимо него рассмотренным выше подходам присущи и многие иные недостатки. Однако приводить здесь критический анализ этих дополнительных недостатков мы никакого смысла не видим. Основной недостаток, присущий данным подходам, от этого никуда не исчезнет, и его наличие попрежнему будет указывать на неприемлемость этих точек зрения со всеми их недостатками независимо от того, какими именно по своей сути являются эти дополнительные недостатки.

Сформулированное в данной работе понятие прав субъекта предполагает иное решение вопроса об элементах субъективного права.

Субъективное право представляет собой **теоретическую модель** должного с нравственной точки зрения, а это означает, что его элементами как теоретической модели могут быть только такие составные части, каждая из которых

также должна быть по своей природе только теоретической моделью должного.

Количество элементов, которые можно выделить в конкретном субъективном праве, определяется количеством тех аспектов действительности, которые охватываются этим правом (упоминаются в этой модели должного).

При этом, конечно, необходимо понимать, что если субъективное право охватывает собой какой-либо один аспект действительности, то выделять элементы в таком праве нельзя. Элемент – это составная часть целого, которая может существовать только в совокупности с другими частями этого целого. Вот почему элемент (**как составная часть целого**) в единственном числе существовать не может.

Так, например, право на жизнь, как теоретическая модель должного, охватывает собой только один аспект действительности – возможность жить. Поэтому в таком праве выделить элементы невозможно.

Если же какое-либо право субъекта охватывает собой несколько аспектов действительности, то количество элементов такого субъективного права должно строго соответствовать количеству этих аспектов.

Например, **право собственности как теоретическая модель** должного охватывает собой (описывает) **три аспекта действительности**:

1) **возможность** собственника владеть его имуществом;

2) **возможность** пользоваться имуществом;

3) **возможность** им распоряжаться.

Соответственно этому **в субъективном праве собственности как теоретической модели должного можно выделить также только три его составных элемента**:

1) **теоретическую модель** должного с нравственной точки зрения, согласно которой возможностью владеть имуществом должен обладать собственник имущества;

2) нравственно правильную **теоретическую модель** действительности, в соответствии с которой возможностью

пользоваться предметами собственности должен обладать их собственник;

3) **теоретическую модель** действительности, в соответствии с которой считается нравственно правильным, что возможность распоряжаться имуществом должна быть у его собственника.

Стилистически несколько иначе будет выглядеть выделение элементов любого субъективного права, если вместо развёрнутого понятия этого права будет использоваться его краткое понятие как нравственного правила.

В этом случае элементами субъективного права как комплексного нравственного правила будут только составляющие его нравственные правила.

Так, в частности, **право собственности**, как **комплексное нравственное правило**, **состоит из трёх элементов**:

1) **нравственного правила**, согласно которому возможностью владеть имуществом должен обладать собственник;

2) **нравственного правила**, определяющего, что возможностью пользоваться имуществом должен обладать собственник этого имущества;

3) **нравственного правила**, в соответствии с которым возможностью распоряжаться имуществом должен обладать его собственник.

Таким образом, элементами субъективного права могут быть только те и такие теоретические модели должного (нравственные правила), которые указаны в конкретной разновидности субъективного права.

Помимо этих моделей должного ничего иного в качестве структурных элементов субъективного права рассматривать нельзя, неправильно, недопустимо.

На этот момент мы специально обращаем особое внимание по той причине, что некоторые авторы рассматривают в качестве элементов субъективного права то, что его элементами (составными частями) не является.

Во-первых, это **то, без чего субъективных прав не бывает**, например, **это цели** нормативного закрепления прав (иногда их называют интересами) и **даже субъектов** права[88].

Ошибочность данной «логики» обстоятельно поясняется в § 13.8. (там это более необходимо). Здесь мы её не рассматриваем, поскольку и без этого понятно, что, например, субъекты права элементами субъективного права как **теоретической модели** должного быть не могут.

Во-вторых, элементами **исходных прав субъекта** многие признают **права обеспечительного характера**, которые логически вытекают из содержания этих базовых прав.

Так, например, из содержания права собственности логически вытекают: право требования не препятствовать осуществлению права собственности; право подать судебный иск о возмещении причинённого ущерба; право на причинение вреда в ситуации правомерной обороны или крайней необходимости и другие обеспечительные права.

Все **эти права** всегда следует рассматривать отдельно, не включая их в состав обеспечиваемого исходного (базового) субъективного права. Все они **имеют свои особые содержание и основание возникновения (юридические факты)** и должны быть указаны в отдельных нормах.

Тот факт, что **не все обеспечительные права** являются юридически закреплёнными, никаких оснований для их включения в состав обеспечиваемых прав субъекта не даёт.

К тому же все **они** возникают только в определённых ситуациях, до и после которых их попросту не существует. Так, право на правомерную оборону возникает только при угрозе причинения вреда и после устранения угрозы сразу исчезает. А в жизни некоторых людей права обеспечительного характера могут вообще никогда не возникнуть.

---

[88] См., напр.: Субъективное право: понятие, виды и примеры | Moscow Digital School – URL: https://media.mosdigitals.ru/media/subyektivnoe-pravo-ponyatie-vidy-i-primery (дата обращения: 01.06.2025).

ГЛАВА IV. НЕДОСТАТОК ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА КАК НРАВСТВЕННОГО ПРАВИЛА

На поверку выходит, что нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное.

К.Д. Кавелин

Несомненно, что нравственные понятия людей сильно различаются, а иногда и противоречат друг другу.

И.П. Николин

§ 4.1. Два аргумента в пользу постановки вопроса о содержании нравственного

Полученному понятию субъективного права как нравственного правила присуще довольно много достоинств. Основными из них являются: отсутствие неправильностей и подмены тезиса; полное соответствие традиционным общепринятым философско-правовым воззрениям и контексту его употребления в повседневной жизни; способность восполнить пробелы, имеющиеся в существующих понятиях прав субъекта, уточнить эти понятия, дать им новую жизнь; способность наполнить реальным содержанием нормативно-правовые акты международного уровня, национальные конституции и любые иные нормативно-правовые документы; способность объяснять суть имеющихся философско-правовых воззрений, которая позволяет объяснить, например, причину, по которой моральное право субъекта является независимым от закона и государства и мн. др.

Вместе с тем, несмотря на все продемонстрированные выше достоинства, данное понятие также следует подвергнуть таким же прямым и конкретным вопросам, которым были подвергнуты все иные рассмотренные в нашей работе понятия прав субъекта.

Это необходимо не только с точки зрения научного интереса. Человек должен относиться к оценке результатов своего труда точно таким же образом, как и к оценке результатов, полученных другими. Поступить иначе было бы неэтично. С учётом этого у наших оппонентов имеется полное *моральное субъективное право* на то, чтобы мы подходили к оценке своего творчества не менее критично, чем к оценке творчества других авторов.

Наличие этого права обусловлено тем, что только такое отношение может быть признано нравственно правильным, обоснованным и, что не менее важно, оправданным, исключающим возможность упрёка в наш адрес. Именно об этом гласит «золотое» правило вежливости: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой»[89].

Однако здесь мы применяем это правило в более тонком по смыслу частном варианте его понимания. Это понимание подразумевает такое особое отношения к другим, которое проявляется в отношении к себе: «относись к себе так же критично, как и к другим, ведь относиться к другим более строго, чем к себе, неправильно, не по совести».

Поскольку уже многое было сказано выше, то в части предлагаемого в нашей работе понятия субъективного права настала очередь выяснения вопроса о том, в чём именно состоит нравственная точка зрения, которая лежит в основе данного понятия. Без ответа на этот вопрос у понятия прав субъекта как **нравственного** правила будет некоторая недосказанность. И хотя в практическом смысле суть понятия субъективного права в общем-то очевидна, с научной точки зрения этот момент всё равно заслуживает внимания.

В данном месте работы у некоторых читателей, а особенно тех, кто занимается практической юриспруденцией,

---

[89] Воспитательный час «Золотое правило вежливости». Конспект внеклассного занятия (2 класс). URL: https://multiurok.ru/index.php/files/vospitatelnyi-chas-zolotoe-pravilo-vezhlivosti.html (дата обращения: 05.02.2024).

может возникнуть вопрос о том, насколько необходимым является устранение этой недосказанности, если в практическом плане она никаких особых проблем не создаёт, ибо все значимые моральные субъективные права юридически уже закреплены, что позволяет получить вполне достаточное для практики понимание того, что представляет собой то либо иное право субъекта.

Отвечая на этот вопрос, следует привести одно важное обстоятельство. В настоящее время в нашей стране все юридически закреплённые субъективные права действительно являются нравственно обоснованными.

Но что будет в будущем? Не получится ли так, что юридически закреплённое представление о должном перестанет быть нравственно обоснованным или даже станет закреплять в законе «право на грех»?

Опасения такого рода небеспочвенны. Тёмные силы, пытающиеся получить власть над человечеством, не дремлют, и дело дошло до того, что в некоторых странах «право на грех», которое даже называться правом никакого права (основания) не имеет, уже провозглашено, причём не только на уровне идеологии и средств массовой информации, но даже закреплено юридически.

Здесь мы имеем в виду юридическое закрепление «права на самоубийство», «права на содомию, на демонстрацию и пропаганду нетрадиционной сексуальности», «права ребёнка на "смену" пола», что **уже** привело к существенному нарушению нравственно обоснованных юридических прав большинства граждан этих государств.

Для того, чтобы воспрепятствовать данной негативной тенденции, необходимо чёткое понимание сущности нравственного, ибо только оно позволит не допустить ущемления прав большинства нашего населения и уменьшения его численности до такого критического значения (уровня), при котором наш народ, наша страна не смогут обеспечить своё дальнейшее независимое существование.

Таким образом, и с этой точки зрения мы вновь возвращаемся к необходимости получения ответа на вопрос о сущности нравственного, которое заложено в основу понятий морального и идеального, то есть нравственно обоснованного юридического права субъекта на что-либо.

§ 4.2. Научное представление о нравственном

Проповедовать мораль легко,
обосновать её трудно.
Артур Шопенгауэр

Для ответа на вопрос о содержании «нравственной точки зрения», «нравственного» как ключевых моментов, лежащих в основе понимания сущности морального субъективного права, в первую очередь следует обратиться к научным достижениям этики, для которой эти вопросы являются основным объектом исследования.

Изучение данных достижений подтверждает известный тезис о том, что этика является одним из проблемных разделов философии. Проявляется это в том, что в рамках данной науки понятия нравственности и нравственного надлежащим образом до сих пор не сформулированы.

Те «понятия» нравственности и нравственного, которые представлены в рамках данной науки, являются настолько абстрактными и неопределёнными, что получить из них прямой конкретный ответ на вопрос о том, что такое нравственность и нравственное, невозможно, например: «Нравственность – это первоценность, первооснова духовной жизни людей, являющаяся абсолютно необходимым и единственным условием всей человеческой духовности»[90].

[90] Этика: Учебное пособие /Под ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. 3-е изд., Минск: Новое знание, 2004. С. 100.

Но что представляет собой эта первоценность по своему существу? Где же ответ на этот ключевой для понятия нравственности вопрос?

«На поверку выходит, что нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное»[91], – указывал в данной связи К.Д. Кавелин в 1885 году. Такую же оценку получила степень разработанности понятия нравственного и в трудах И.П. Николина в 1908 году: «Несомненно, что нравственные понятия людей сильно различаются, а иногда и противоречат друг другу»[92].

С тех пор в решении вопроса о сущности нравственности ничего принципиально не изменилось. Понятия нравственности, помимо присущей им неопределённости, так же, как и многие из существующих понятий прав субъекта, построены на подмене тезиса и отвечают не на вопрос о том, что такое нравственность, а на иные вопросы, например, на вопросы о том, выражением чего она является, какое значение имеет, какие функции выполняет и т. д.

Единственным рациональным зерном в понимании нравственного является достаточно обобщённая и неконкретная его характеристика как *некоей формы общественного сознания, отражающей идеалы добра и справедливости*[93]. Однако понимание данных идеалов различными людьми, в том числе философами, является весьма нетождественным.

Этика не может решить даже такой вопрос, как соотношение морали и нравственного. Одни представители этой науки рассматривают эти категории в качестве синонимичных, другие же утверждают, что они нетождественны. При этом никто из них предварительно содержание (сущность)

---

[91] *Кавелин К.Д.* Задачи этики. Учение о нравственности, при современных условиях знания. С.-Петербург. 1885. С. 6.

[92] *Николин Ив.* Что такое нравственность? Москва. Университетская типография. Страстной бульвар. 1908. С. 19.

[93] См.: *Бахчиева О.А.* Подходы к определению понятия нравственности //Наука и школа, 2013. Вып. № 4. С. 147.

морали и нравственного не устанавливает, а вывод об их соотношении делается преимущественно на основе личных авторских предпочтений, интерпретаций.

В подтверждение данной, к сожалению, не очень лестной оценки достижений этики в познании нравственного (морального) можно привести мнение самого авторитетного специалиста по этике в нашей стране, философа, доктора философских наук, академика Российской академии наук А.А. Гусейнова: «…этика убедительно показала, что мораль говорит не о том, о чём она говорит, что безусловная категоричность её требований не может быть никак обоснована, повисает в воздухе… Мораль продолжает функционировать во всей своей "фальши", "отчуждённости", "лицемерии"»[94].

Приведённые обстоятельства свидетельствуют о том, что в решении вопроса о содержании «нравственного», «нравственной точки зрения», используемых в оценке явлений социальной действительности, этика, к сожалению, ничем нам помочь не в состоянии.

§ 4.3. Представление о нравственном в энциклопедиях и словарях

Ещё одним источником, из которого можно попробовать почерпнуть знания о нравственном и нравственности, являются различные энциклопедии и словари.

Их составители по роду своей деятельности обязаны пояснять бытующие в употреблении значения слов независимо от того, насколько разработаны и разрабатывались ли вообще значения тех или иных слов соответствующими профильными науками (дисциплинами).

---

[94] *Гусейнов А.А.* Этика и мораль в современном мире. Этическая мысль: современные исследования. URL: https://fil.wikireading.ru/4567 (дата обращения: 07.02.2024).

Исследование данных источников показало, что во многих из них слово «нравственное» вообще никак не упоминается, а если и упоминается, то его значение всё равно не поясняется, и вместо требуемого пояснения приводится ссылка на значение слова «нравственность».

Однако слово «нравственность», что вполне ожидаемо (см. предыдущий параграф), является далеко не простым, – оно даже на уровне его общего понимания многозначно.

Нравственность как качества человека. В первом своём значении слово «нравственность» – это «совокупность внутренних качеств человека (духовных, душевных), основанных на идеалах добра и стремлении соответствовать этим идеалам»[95]; «моральные качества человека»[96]; «внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и природе»[97]; «добрые качества, заложенные в каждом человеке»[98]; и т. д.

В соответствии с данным пониманием нравственности она отождествляется с внутренними качествами человека.

Для решения вопроса о сущности нравственной точки зрения, нравственного в контексте понятия субъективного права такое значение слова «нравственность» не подходит. Оно характеризует человека, то есть обладателя субъективного права, но не само его право, которое признаком, качеством, свойством субъекта права не является.

---

[95] Православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: https://web. archive.org/web/20210119001418/https://azbyka.ru/nravstvennost. (дата обращения: 05.02.2024).

[96] Мал. академ. слов. Евгеньевой А.П. – URL: https: //lexicography. online/explanatory/mas/н/нравственность (дата обращения: 05.02.2024).

[97] Энциклопедический словарь. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf /es/ 39982/нравственность (дата обращения: 05.02.2024).

[98] Энциклопедия иудаизма Меир Натив // Под общ. ред. М. Барселла "АМАНА" Изд. учеб. лит-ры на русском языке. Иерусалим: "МАССАДА", Иерусалим – Тель-Авив, 1983, С. 183.

В остальном данное понятие характеризует нравственное как совокупность представлений о добре, справедливости, чести, долге, то есть на уровне примеров, а не путём описания его сущности, что также является неприемлемым.

Нравственность как поведение, основанное на нравственности. Во втором своём значении нравственность – это «поведение человека, основывающееся на морали, нравственности»[99].

Буквальное восприятие этого понятия указывает на то, что упоминаемая в нём нравственность одновременно является и поведением, и основанием его отнесения к нравственности. Однако на самом деле это невозможно.

Поведение и основание его оценки являются различными вещами действительности.

Поэтому такое понятие нравственности даже по его конструкции следует признать неправильным. Оно отражает нереальное, внутренне несогласующееся понимание сути как самой нравственности, так и нравственного поведения.

Тем не менее, всё равно (в качестве показательного примера) представляется интересным, к чему может привести «внедрение» такого понимания нравственности в понятие субъективного права, например, на совершение определяемых этим правом действий. В качестве результата такого рода эксперимента можно предложить следующий вариант понятия прав субъекта: моральное право на действия – это теоретическая модель действий, правильных с точки зрения поведения, основанного на нравственности.

«С точки зрения поведения» … Это как?! …Никак. Всё это даже комментировать желания не возникает…

И не надо пытаться спасти этот вариант понимания нравственности, самим придумывая «волшебные» схемы его реанимации, ибо таких схем не существует.

---

[99] Словарь Ефремовой Т. Ф. – URL: https://znachenie-slova.ru/нравственность (дата обращения: 05.02.2024).

Спасти ситуацию можно только радикальным способом, то есть путём устранения основной неправильности данной трактовки нравственности, а именно, путём исключения из неё слова «поведение», которое в качестве ключевого указано после тире. Однако в этом случае получится уже принципиально иное понятие нравственности, если, конечно, вообще получится.

Нравственность как представление. В третьем своём значении **нравственность** – это «**взгляды**, определяющие достойный образ поведения и действий человека»[100].

Взгляды как то, что определяет достойный образ поведения и действий человека, – **это** существующее в сознании **представление.** В данном понятии идёт речь о взглядах, которые определяют образ **достойного, то есть нравственного** поведения, действия. Из этого следует, что в данном понятии **нравственность – это представление о нравственном** (весьма "исчерпывающее" понятие).

Такое понимание нравственности конкретного приемлемого ответа на вопрос о сущности нравственности и нравственного не содержит. И это неудивительно, ибо построено оно на смысловой тавтологии.

С учётом этого попытка более углубленного понимания нравственности как представлений о нравственном является бесперспективной.

Нравственность как система ценностей. В четвёртом варианте своего понимания нравственность – это «система ценностей…, предназначенная для регулирования действий человека»[101].

Сущность ценностей в данном понятии нравственности не раскрывается, зато указывается их предназначение как

---

[100] Энциклопедия иудаизма Меир Натив. // Под общ. ред. М. Барселла "АМАНА" Изд. учеб. лит-ры на русском языке. Иерусалим: "МАССАДА", Иерусалим – Тель-Авив, 1983, С. 183.

[101] Мир Лема – словарь и путеводитель. – URL: https://znachenie-slova.ru/ нравственность (дата обращения: 05.02.2024).

средства регулирования поведения человека. Ничего не напоминает? В тех случаях, когда **вместо ответа на вопрос о сущности** вещи **указано её предназначение**, это означает, что такое понятие построено на подмене тезиса, которая призвана скрыть отсутствие понимания сути вопроса.

В силу своей неопределённости и наличия подмены тезиса данное понятие для решения вопроса о содержании нравственного и нравственности является неприемлемым.

Нравственность как нравственные правила, нормы. В пятом своём значении «нравственность» – это «**этические** нормы; **правила** поведения»[102].

Данное понимание нравственности этимологически проистекает от древнегреческого слова ēthos («этика»), означающего совместное жилище и **правила**, порождённые совместным общежитием[103].

Остаётся лишь проверить, насколько понимание нравственности как нравственных (этических) правил способно устранить неопределённость нравственного критерия, лежащего в основе понятия морального субъективного права.

И что же показала данная проверка? **Понимание нравственности как нравственных правил** вообще никак, ни на йоту не способно прояснить сущность **морального субъективного права как нравственного правила**. Объясняется это тем, что **моральное субъективное право – это**, наряду с моральной обязанностью, **и есть одно из нравственных правил**, которое вместе с обязанностью составляет основное содержание нравственной нормы. Надеемся, что данный вывод является очевидным, ибо **нравственное правило само себя** комментировать, пояснять не может.

---

[102] Энциклопедический словарь. – URL: https://slovar.cc/enc/slovar/1781788.html (дата обращения: 05.02.2024); Нравственность – православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/nravstvennost (дата обращения: 10.02.2024).

[103] См.: *Разин А.В.* Этика: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: Академический проспект, 2004. С. 37.

Кстати, ничего принципиально нового в том, что моральное право является неотъемлемой частью представлений о нравственном, а само нравственное в одном из своих проявлений представлено моральным правом как нравственным правилом, на самом деле нет.

В данной связи невольно вспоминается точка зрения Джона Стюарта Милля, который ещё в XIX веке говорил о том, что нравственность по своей сути представляет собой не что иное как правила, предназначенные для управления поведением людей: «…нравственность может быть определена следующим образом: такие правила для руководства человеческими поступками…»[104].

Принимая во внимание изложенное, следует отметить, что рассмотрение понятий нравственного и нравственности в том виде, как они представлены в словарях и энциклопедиях, также оказалось неспособным устранить недосказанность понятия субъективного права, которая обусловлена недостаточной определённостью лежащего в его основе нравственного критерия.

Это последнее обстоятельство указывает на необходимость независимого от существующих воззрений исследования, имеющего своей целью установление конкретного содержания нравственного и нравственности.

Но как следует его проводить? На какие факты следует опереться? Какие теоретические знания для этого потребуется применить? Какие методы необходимо использовать для решения этой задачи?

Начало этого достаточно большого по объёму, непростого по степени сложности, но весьма интересного исследования представлено в следующей ниже, а его итоговые результаты – в Главе VIII настоящей книги.

---

[104] *Милль, Джон Стюарт*. Утилитарианизм. О свободе /Пер. с англ. А.Н. Неведомского. Третье русское изд. (Без перемен). С.-Петербург. Изд. книгопродавца И.П. Перевозникова, 1900. С. 107.

ГЛАВА V. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

Общенаучные и частные методы исследования общеизвестны, но их знание ещё не гарантирует позитивных результатов. Необходимо правильное их применение, которое во многих случаях предполагает разработку специальной методики каждого этапа исследования, от которой зачастую и зависит успех изыскания.

И.П. Семченков

§ 5.1. Методологические особенности следующего этапа исследования

Прежде, чем приступить к решению вопроса о содержании нравственного, необходимо понять, в чём состоит специфика решения этой задачи.

В наличии имеется слово «нравственное» (подавляющее большинство вместо него использует слово «нравственность»), приемлемого понимания которого до настоящего времени пока ещё не предложено.

Данная ситуация является полностью аналогичной той, с которой мы ранее уже сталкивались в нашем исследовании, когда было установлено, что причиной неоднозначного понимания сущности субъективного права является неопределённость слова «право» в его субъективном понимании, то есть в понимании как права субъекта на что-либо.

Устранение неопределённости, имевшейся в понимании слова «право» мы проводили посредством метода установления значения слов и терминов, то есть попросту взяли соответствующий жизненный контекст и установили, какой смысл фактически вкладывают в это слово люди.

С учётом того, что проблема в понимании нравственного аналогична проблеме неопределённости в понимании

слова «право», решение вопроса о сущности нравственного также, казалось бы, можно проводить посредством указанного лингвистического метода, но этому имеется несколько весомых препятствий.

Во-первых, слова «нравственное» и «нравственность» имеют настолько широкий контекст своего употребления, что на определение того смысла, который вкладывают в них люди в повседневном обиходе, придётся затратить несколько лет драгоценной жизни и очень много бумаги.

Во-вторых, следование этим путём всё равно не сможет обеспечить получение общего универсального ответа на вопрос о содержании нравственного и нравственности. Максимум того, что может обеспечить лингвистический подход в данном случае, очевиден и без его применения. Его результаты будут представлять собой огромное количество примеров данных слов, значение которых в конкретных ситуациях у различных людей всё равно будет отличаться.

Вот почему необходим другой способ решения вопроса о содержании нравственного и нравственности, и такой способ существует, но и он, в свою очередь, требует соответствующего обоснования и пояснения.

Ключом к его пониманию является функциональное значение слов «нравственное» и «нравственность», которые употребляются в процессе оценивания различных аспектов социальной действительности с нравственной точки зрения. Нравственное фигурирует в данном процессе в качестве основания (критерия) оценки, а нравственность является результатом этого процесса и представляет собой признак, означающий, что оцениваемый аспект соответствует представлению о нравственном.

Но что представляет собой процесс оценивания?

Он является одним из видов деятельности человека. Ему предшествует формирование понимания сути самого́ нравственного как такового, используемого в качестве основания нравственной оценки.

Для нас понимание этих простых вещей в методологическом плане является очень важным, ибо они позволяют поставить вопрос о том, **что движет** человеком в процессе формирования представлений о нравственном и в процессе оценивания чего-либо с нравственной точки зрения.

Вместе с тем, внутренний источник активности, который движет человеком в процессе формирования представлений о нравственном, – это всего лишь одно из множества частных проявлений той общей изначальной движущей силы, которая является определяющим фактором вообще любой активности человека.

Это означает, что ответ на вопрос о том, что движет человеком в процессе формирования представлений о нравственном, следует искать в сфере знаний о том, что вообще движет человеком в любой форме его активности.

Получение ответа на вопрос о том, что вообще движет человеком, позволит рассмотреть самые глубинные, изначальные истоки его активности в целом и процесса формирования представлений о сути нравственного в частности. Понимание этого последнего момента и обеспечит уяснение, понимание того, что представляет собой нравственное.

Следуя этим путём, мы должны обратиться к природе человека, к его внутренним движущим силам. Эти вопросы относятся к ведению психологии, а точнее того её раздела, который принято называть общей психологией либо основами психологии, и в котором сосредоточены знания, характеризующие философские аспекты мотивации человека.

На этот же путь выводит и другая логика исследования.

В теории и философии права принято полагать, что моральное право имеет своими истоками естество человека. Но моральное право является разновидностью представлений о нравственном. Следовательно, истоки представлений о нравственном также следует искать в природе (естестве) человека. Но какую часть этой природы необходимо для этого исследовать?

Только ту часть человеческой природы, которая руководит процессом формирования представления о нравственном как модели должного, используемой людьми в качестве критерия (основания) оценки чего-либо с нравственной точки зрения. И это та часть нашей природы, которая определяет мотивационные аспекты нашего бытия.

§ 5.2. Опорный контекст следующего этапа исследования

5.2.1. Движущие силы человека

В советское время все отечественные гуманитарные науки обязательно должны были соответствовать философскому учению марксизма-ленинизма, которое при социализме имело статус непогрешимого научного догмата.

О том, чтобы какое-либо научное положение, а тем более научная теория не соответствовали философскому учению марксизма-ленинизма, не рассматривали его в качестве источника, в качестве философского теоретического основания, в то время даже помыслить было невозможно.

И надо же такому было случиться, что политэкономист К. Маркс по неосторожности вторгся в несвойственную для его творчества сферу психологии, высказав своё частное мнение о том, что: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей»[105]. О потребностях как о движущей силе писал и его соратник Ф. Энгельс: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей»[106].

---

[105] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 245.

[106] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 168).

Данные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, чей авторитет при советском строе признавался непререкаемым, стали упоминаться во всех фундаментальных трудах по психологии, а это привело к тому, что изначальным фактором активности человека стала признаваться потребность как состояние нужды в том, чего недостает индивиду для его существования и развития[107].

Продвинуться дальше этого уровня в понимании изначальных факторов активности человека отечественная психология советского периода не могла.

Первоначально этому препятствовал неодолимый для советских учёных авторитет К. Маркса и Ф. Энгельса, а впоследствии научные руководители диссертационных исследований, опиравшиеся в своих трудах на их мнение, стали заложниками избранной ими позиции и руководили диссертантами таким образом, чтобы те не подвергали сомнению ни тезисы основоположников марксизма о том, что человеком движут потребности, ни труды своих научных руководителей, которые основывались на этих тезисах.

Вот так и получилось, что отечественная психология стала руководствоваться представлением о том, что источником активности человека являются его потребности, причём только они. С тех пор помимо потребностей никаких иных фундаментальных факторов, то есть таких, которые **изначально лежат в основе активности индивида**, общая теория психологии не выделяла и не выделяет.

На самом же деле человеком движет не потребность.

Если полагать, что внутренним движущим фактором активности человека является только его потребность, это соответственно должно означать и то, что именно она есть тот

---

[107] См.: *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 319; *Немов Р.С.* Психология. Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Кн. 1. Общие основы психологии. 3-е изд. М., 1997. С. 372; *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1998. С. 114; и др. работы.

единственный внутренний потенциал, который *изначально* побуждает человека к активности со стороны личностных диспозиций. Однако с этой точки зрения удовлетворение потребности необходимо рассматривать не иначе, как полное устранение внутренней движущей силы, т. е. сведение внутреннего потенциала активности человека к нулю, ибо другого потенциала помимо потребностей в рамках данного представления о движущих силах человека не существует.

Из этого, в свою очередь, следует сделать вывод о том, что ни одна потребность после её удовлетворения в следующий раз возникнуть никогда не сможет. Объясняется это тем, что никакого внутреннего потенциала активности для её возникновения в очередной раз быть уже не должно, поскольку этот потенциал должен быть полностью «погашен», израсходован в результате предшествующего удовлетворения потребности[108], а иной движущей силы, как это принято считать в теории потребностей, не существует.

Вместе с тем, как показывает действительность, большинство потребностей человека носит циклический характер, то есть периодически возникает вновь и вновь уже после их удовлетворения в предшествующий раз.

Этот факт неотвратимо указывает на то, что удовлетворение потребности не сводит внутренний потенциал активности человека к нулю, а это возможно только в том случае, если изначальным фактором его активности является не потребность, а нечто иное, – то, что продолжает существовать и после удовлетворения потребности.

Всё это означает, что потребность не является изначальным внутренним фактором активности человека и помимо неё существует более глубокая внутренняя побудительная детерминанта[109].

---

[108] См.: *Семченков И.П.* Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы. Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 68-69.

[109] См.: *Семченков И.П.* Там же. С. 69.

Имя этой детерминанты – стремление, то есть направленность на достижение определённого результата.

Каждый нормальный человек стремится жить, стремится к определённому качеству жизни, к определённым результатам каждого жизненного этапа и всей жизни в целом.

Именно стремление представляет собой тот изначальный внутренний потенциал активности человека, который приводит к возникновению у него потребностей в тех случаях, когда для реализации его стремлений чего-либо не хватает. Если бы этой детерминанты не существовало, то есть, если бы человек ни к чему не стремился, то никакие потребности ни в первый раз, ни потом, после их удовлетворения, никогда бы не возникали[110].

Вывод о том, что человеком изначально движет стремление, полностью согласуется с основным положением гуманитарного подхода к вопросам мотивации, согласно которому любой человек «стремится к своему расцвету, действуя в наибольшем соответствии со своими возможностями и притязаниями»[111].

Главное в этом гуманитарном подходе состоит в том, что его представители также признают наличие у человека стремления, которое, по их мнению, и лежит в основе его активности, порождая в необходимых случаях те или иные самые разнообразные потребности, удовлетворением которых и обеспечивается достижение, как они выражаются, «расцвета» человека.

Не возникает никаких противоречий между мотивационной теорией стремления и относительно новыми концепциями мотивации, которые оперируют такими понятиями как когнитивный диссонанс, ожидание успеха, боязнь возможной неудачи, уровень притязаний и т. д.

---

[110] См.: *Семченков И.П.* Указ дисс. С. 68-69.

[111] *Годфруа Ж.* Что такое психология: в 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1: Пер. с франц. М., 1996. С. 245.

Убедиться в этом можно на примере рассмотрения мотивационной теории когнитивного диссонанса.

Основным постулатом этой теории мотивации является представление о том, что «**система знаний** человека о мире и о себе стремится к согласованию»[112]. «При возникновении рассогласованности, или дисбаланса, **индивид стремится** снять или уменьшить его, и такое **стремление** само по себе может стать сильным мотивом его поведения»[113].

Вполне очевидно, что теория когнитивного диссонанса представляет собой частный случай теории стремления.

От понимания того, что человеком изначально движет стремление к определённому качеству жизни, основные положения данной концепции ничем не отличаются.

Суть этой концепции заключается в том, что человек стремится иметь непротиворечащие друг другу и согласованные между собой знания об окружающем мире и о себе.

Состояние когнитивного диссонанса – это несоответствие между тем состоянием, в котором человек пребывает, и тем, к которому стремится: пребывает в состоянии «незнания истины», которое характеризуется несогласованностью

---

[112] *Немов Р.С.* Указ. соч. С. 479. В данном месте следует сделать пояснение. **Система знаний** как таковая стремиться ни к согласованности, ни к чему-либо иному не может. Это просто совокупность сведений и всё. Стремление к обладанию непротиворечивыми знаниями может возникнуть и возникает у человека, который оперирует этими сведениями, выявляет в них несогласованность и противоречия, после чего стремится их устранить. Поэтому далее мы будем исходить из того, что на самом деле не система знаний человека стремится к внутренней согласованности, а человек стремится иметь не противоречащие друг другу сведения. При этом следует отметить, что требование к отсутствию противоречий может быть не только у человека. Оно заложено в программу искусственного интеллекта, однако этот вопрос с тематикой нашего исследования не связан, ввиду чего мы здесь его подробно не рассматриваем. Но и в этом случае более правильно следует говорить о том, что к отсутствию противоречий в базе данных стремится программа управления ею, но не сама эта база, которая используется программой (прим. авт.).

[113] *Немов Р.С.* Указ. раб. Там же.

имеющейся информации и наличием противоречий, а стремится к состоянию «знания истины», при котором система его знаний является согласованной и непротиворечивой.

Данное несоответствие текущего состояния желаемому состоянию в совокупности со стремлением к «состоянию знания» порождает стремление устранить это несоответствие. И происходит всё это благодаря изначальному для этого аспекта бытия человека стремлению к «состоянию знания», которое и есть та движущая сила, которая побуждает индивида устранить состояние когнитивного диссонанса в виде имеющихся в его сознании противоречий[114].

Что же касается иных частных прикладных теорий мотивации, то при внимательном их изучении становится очевидным, что и эти теории не только не исключают, но, даже напротив, предполагают именно в качестве обязательного наличие у человека стремления к состоянию удовлетворённости каким-либо конкретным аспектом его существования.

Главное отличие этих теорий и теории стремления заключается в том, что они подходят к объяснению феноменов мотивации на различном уровне глубины их философского осмысления. Теория стремления представляет собой наиболее обобщённый уровень осмысления вопросов мотивации, а остальные теории имеют прикладной характер, показывая, каким образом то либо иное стремление реализуется в различных конкретных его вариациях[115].

Отдельного рассмотрения заслуживает популярная теория приоритета потребностей А. Маслоу, в рамках которой также принято полагать, что в основе активности индивида лежат его потребности как состояние нужды в том, чего ему не хватает для нормального существования и развития[116]. С этим согласны и многие другие зарубежные специалисты.

---

[114] *Семченков И.П.* Указ. дисс. С. 71-72.

[115] См.: *Семченков И.П.* Там же. С. 72.

[116] См.: *Семченков И.П.* Философия мотивации и основное направление предупреждения преступности //Вестник Калининградского филиала

Основной проблемой данной концепции, как и любой иной теории потребностей, является невозможность ответа на вопрос о том, каким именно образом та или иная потребность возникает в очередной раз уже после её удовлетворения, т. е. уже после того, как она, будучи удовлетворённой, попросту исчезает (перестаёт существовать).

В рамках любой теории потребностей, в том числе, разумеется, и теории Абрахама Маслоу, ответить на этот вопрос невозможно. Но если задаться этим вопросом, то сразу становится очевидным, что изначальным фактором активности, который движет человеком со стороны внутренних диспозиций, является не потребность, а стремление, и никаким иным образом объяснить механизм периодического возникновения потребностей невозможно.

Для наглядности концепцию А. Маслоу принято отображать в виде иерархической пирамиды потребностей. Однако с точки зрения теории стремления рассматривать эту пирамиду как иерархическую совокупность *изначальных* факторов мотивации неверно.

Человек живёт не нуждой, а стремлением, поэтому для полной картины мотивации необходимо вначале выстроить пирамиду стремлений, а затем для **каждого** из этих стремлений необходимо сформировать свою пирамиду потребностей, которые могут возникать в процессе реализации этого стремления.

Ещё одним недостатком пирамиды потребностей является тот факт, что так называемые «потребности», которые указаны в самом верху данной пирамиды, в действительности являются не потребностями, а стремлениями.

Например, это стремление к самореализации (жизненное притязание к самореализации), которое в данной пирамиде ошибочно именуется потребностью.

Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации. 2018. № 2 (52). С. 125.

Из этого следует, что в пирамиде потребностей имеет место смешение совершенно различных по своему содержанию факторов активности: стремлений и потребностей[117].

Устранение данного смешения также предполагает построение пирамид двух разновидностей: пирамиды стремлений и пирамид соответствующих им потребностей[118].

Мотивационная теория стремления прошла успешную и очень серьёзную научную апробацию при защите кандидатской диссертации в Диссертационном совете по защите докторских диссертаций Российской правовой академии Министерства юстиции РФ[119], при опубликовании двух монографий[120] и целого ряда научных статей, в число которых входит статья «Философия мотивации и воспитание высоконравственной личности», опубликованная в коллективной

---

[117] Причина этого смешения заключается в том, что во времена исследования А. Маслоу изначально не было уделено должного внимания точности мышления, которое предполагает предварительное установление значений используемых слов. В рассматриваемом случае – таких слов как «стремление», которое используется в качестве названия направленности на достижение какого-либо результата, и слова «потребность», как названия необходимости в том, что требуется для реализации стремления, породившего эту потребность (прим. авт.).

[118] См.: *Семченков И.П.* Философия мотивации и основное направление предупреждения преступности //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 127; *Коровин А.А., Семченков И.П.* Философия мотивации и важное направление подготовки управленческих кадров //Современное управление: векторы развития. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Калининград, Западный филиал РАНХиГС. 2018. С. 244.

[119] См.: *Семченков И.П.* Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы. Дисс… канд. юрид. наук. М., 2003. 193 с.

[120] См.: *Семченков И.П.* Философия справедливости и понятие справедливости в уголовном праве: Монография. Калининград: изд. Калинингр. юрид. инст. МВД России, 2010. 80 с.; *Семченков И.П.* Философия мотивации и уголовное право: социальная сущность преступления: Монография. Калининград: изд. Калинингр. юрид. инст. МВД России, 2010. 84 с.

монографии «Высшая школа – Храм культуры», изданной Институтом культуры мира под эгидой ЮНЕСКО в рамках программы ООН «Вклад научных сообществ», одним из соавторов которой являлся господин Пан Ги Мун, занимавший в то время пост Генерального секретаря ООН[121].

Использованный в данных работах тезис о том, что человеком изначально движет стремление, а не потребность, неоднократно подвергался самому строгому и ответственному научному рецензированию, однако никто из авторитетных и уважаемых рецензентов в его истинности никоим образом даже на йоту не усомнился. И знаете почему?

Все эти люди попробовали применить теорию стремления к себе, и она оказалась полностью соответствующей их собственному пониманию того, что движет ими самими. Более весомого доказательства найти невозможно, и никакие психологи этого факта опровергнуть никогда не смогут.

Спроси́те себя и Вы, уважаемый читатель, что движет вами, нужда или стремление? И не позволяйте никому превращать Вас в машину потребления того, что Вам навязывают, лишая возможности самим решать вопрос о том, что Вы хотите от жизни и к достижению каких жизненных целей стремитесь.

В качестве вывода по итогам рассмотрения философских аспектов понимания того, что изначально движет человеком «изнутри», т. е. со стороны личностных диспозиций, представляется возможным отметить, что *человеком движет стремление, а не потребность*.

Однако представители **общей теории психологии** наших работ, к сожалению, не читали и по-прежнему продолжают руководствоваться пока ещё общепринятым положением о том, что «Человека побуждает к деятельности его

---

[121] См.: *Семченков И.П.* Философия мотивации и воспитание высоконравственной личности //Высшая школа – Храм культуры: Коллективная монография /Пан Ги Мун и др.; на русском и англ. языках; 3-е доп. изд. Казань: ЗАО «АБАК», 2014. С. 143-150.

потребность, то есть состояние **нужды**»[122]. И это несмотря на то, что многие представители **прикладной психологии**, всё чаще говорят о стремлениях человека, например: «**Потребность** в достижении – **это** фундаментальная **потребность** человека, **заключающаяся в стремлении** к успеху, преодолению трудностей, достижению высоких результатов и превосходству в выбранной области деятельности»[123].

Правда, как это следует из приведённого выше и некоторых иных высказываний, прикладная психология упоминает стремления в рамках **теории потребностей**, **которую** помимо нас, похоже, никто пока ещё не опроверг. Но такой подход – это временный компромисс между стремлением сказать истину и нежеланием противоречить теории потребностей, которая по инерции продолжает транслироваться научными авторитетами и их последователями.

Надеемся, что наша работа поспособствует тому, чтобы этот переходный период научного компромисса завершился как можно скорее. Для этого достаточно обратить внимание, во-первых, на точность мышления, которая демонстрирует очевидную нетождественность стремлений и потребностей (см. ссылку-примечание **117**), во-вторых, на неспособность теории потребностей объяснить механизм возникновения потребностей после их удовлетворения, и, в-третьих, что тесно связано с предыдущим, на неспособность данной теории объяснить, почему после удовлетворения потребностей человек не утрачивает свою активность.

Завершая рассмотрение вопроса о внутренних движущих силах человека, следует **предостеречь** представителей общей теории психологии от попытки сразу построить общую универсальную пирамиду стремлений.

---

[122] *Салаватулина Л.Р.* Общая психология: учебно-практическое пособие /Л.Р. Салаватулина. Челябинск: Изд. Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та, 2021. С. 137.

[123] Достижение - жизненная потребность человека. – URL: https://wiki.m6a.ru/index.php?title= (дата обращения: 17. 05. 2025).

Стремления людей весьма многоразличны, что зависит, например, от того, является человек верующим или атеистом, в чём он видит смысл жизни, какое он получил образование, воспитание, какие у него имеются возможности: финансовое положение, состояние здоровья, наличие высокоразвитого интеллекта, талантов и т. д.

Вот почему пирамиды стремлений лучше начинать строить для каждого человека персонально и лишь после этого, по мере накопления информации, – для достаточно большого множества различных типологий личности.

5.2.2. Высказывания известных людей о стремлениях

Нет **стремления** более естественного, чем **стремление** к знанию.

Мишель де Монтень (1533–1592) – знаменитый французский писатель.

Смысл жизни в красоте и **силе стремления к цели**, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою цель.

Максим Горький (1868 – 1936) – русский писатель.

Единственное счастье в жизни – это постоянное **стремление** вперёд.

Эмиль Золя (1840 – 1902) – французский писатель.

В душу вторгается святое **стремление**, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего и, по возможности, добивались, если хотим, того, что положено всем людям.

Джованни Пико дела Мирандола (1463 – 1494) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения.

Стремление снизу-вверх неистощимо. О каких бы основаниях ни размышляли философы и психологи – о самосохранении, принципе удовольствия, уравнивании – всё это не более, чем отдалённые репрезентации великого движения ввысь.

Альфред Адлер (1870–1937) – австрийский психолог.

Душа**,** по-видимому, состоит главным образом из силы**, стремящейся к цели.**

Альфред Адлер (1870–1937) – австрийский психолог.

Я испытываю всю жажду познания, беспокойное **стремление** влечёт меня всё вперёд и вперёд, и каждый успех на этом поприще даёт мне радость.

Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ.

Искусство – это самый прекрасный, самый строгий, самый радостный и благой символ извечного, не подвластного рассудку **стремления** человека к добру, к истине и своему совершенству.

Томас Манн (1875 – 1955) – немецкий писатель.

Где нет стремления к счастью, **там нет и стремления вообще**.

Стремление к счастью – это **стремление стремлений**.

Людвиг Фейербах (1804–1872) – немецкий философ.

5.2.3. Общие принципы функционирования механизма мотивации

В этом разделе предлагается обобщённое понимание принципов функционирования механизма мотивации, которое учитывает и стремления, и потребности одновременно, в их совокупности и взаимосвязи.

Давая характеристику механизму мотивации, мы будем руководствоваться по-философски обобщённым пониманием того, что каждым человеком как биологическим разумным и социальным[124] существом движет присущее ему стремление жить и стремление к определённому качеству своей жизни во всех аспектах его природы (биологическом, психическом, энергетическом и социальном).

Главная цель этих стремлений и соответственно наиболее важный, ценный их результат – обеспечение состояния удовлетворённости жизнью.

Текущее состояние удовлетворённости имеет три **основных** составляющих:

1) удовлетворённость состоянием организма во всех аспектах его функционирования (существования, бытия);

2) удовлетворённость реализацией большого множества иных жизненных стремлений, которые по плану жизни должны быть реализованы к текущему моменту;

3) удовлетворённость положением дел в части того, как продвигается реализация стремлений, которые касаются ближайших и долгосрочных планов на будущее.

Общее состояние удовлетворённости жизнью, к которому стремится любой человек, определяется его удовлетворённостью целым множеством самых разнообразных

---

[124] Во-первых, социальность человека заложена в него биологически в виде разделения людей на представителей мужского и женского пола. Одно это уже подразумевает, что человеку для реализации присущих ему от биологической природы стремлений необходимо иметь, как говорят в нашей стране, свою вторую половинку. А это уже мини-социум, который при естественном ходе развития событий расширяется по мере рождения детей. Далее. Родственные детородные союзы, как известно, ведут к вырождению рода. Поэтому для продолжения рода человекам необходимы другие люди, которые их близкими родственниками не являются. Всё это свидетельствует о том, что человек даже по своей биологической природе является существом социальным. Во-вторых, социальность человека определяется множеством и тех его стремлений, которые присущи ему как существу разумному (прим. авт.).

конкретных аспектов его существования как биологического разумного и социального существа. Но нам для пояснения сути механизма мотивации достаточно рассмотреть общие принципы его функционирования на основе (примере) какого-либо одного из этих аспектов.

В качестве такого базового примера можно использовать относительно простой и понятный абсолютно каждому человеку механизм мотивации, который побуждает индивида к употреблению воды.

Когда ранее употреблённая вода оказывается израсходованной, в организме происходит ухудшение процессов обмена веществ и состояния его органов и тканей.

Такое ухудшение показателей состояния организма влечёт слабость, дискомфорт, снижение работоспособности, ухудшение состояния здоровья, то есть приводит к неудовлетворительному состоянию организма.

Это неудовлетворительное состояние организма индивида, в свою очередь, влечёт возникновение у него внутреннего состояния неудовлетворённости тем, что его организм находится в неудовлетворительном состоянии.

Происходит всё это при наличии у индивида стремления к состоянию удовлетворённости состоянием его организма. Это стремление является постоянно существующей константой, которая заложена в человеке на генетическом уровне и непрерывно существует до момента прекращения его биологической жизни.

В итоге человек начинает пребывать в состоянии неудовлетворённости состоянием своего организма при наличии у него стремления к состоянию удовлетворённости состоянием его организма. То есть, иными словами, индивид оказывается в ситуации несоответствия между тем состоянием, в котором он пребывает (состоянием неудовлетворённости состоянием своего организма), и тем состоянием, к которому он стремится (состоянием удовлетворённости состоянием своего организма).

Именно так выглядит общая ситуационная картина, предшествующая возникновению у человека побуждения (мотива) к употреблению воды.

Поэтапное рассмотрение (описание) многоступенчатого механизма мотивации к употреблению воды.

1. Непрерывно существующее стремление к состоянию удовлетворённости состоянием организма при наличии фактического состояния неудовлетворённости состоянием организма приводит к возникновению у индивида потребности вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма.

2. Потребность (необходимость) вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма сама себя устранить не может. Для этого необходим потенциал активности, а у потребности как необходимости такого потенциала нет. Объясняется это тем, что потребность представляет собой **задачу, возникающую в процессе реализации конкретного стремления, решение которой является необходимым условием реализации этого стремления**, а ни одна задача сама себя решить не может.

Поэтому **стремление к состоянию удовлетворённости** состоянием организма при наличии состояния неудовлетворённости его состоянием не только порождает потребность вернуться к состоянию удовлетворённости, но и после возникновения данной потребности **формирует стремление вернуться к состоянию удовлетворённости** состоянием организма.

Данное стремление вернуться к состоянию удовлетворённости является одновременно **и средством** устранения потребности вернуть удовлетворённость состоянием организма, **и средством** реализации стремления к состоянию удовлетворённости состоянием организма.

Значение той роли, которую играет потребность в механизме мотивации состоит вовсе не в том, что она является движущей силой. Она определяет содержание стремления,

являющегося одновременно и средством устранения самой этой потребности, и средством реализации того стремления, которое породило эту потребность.

Благодаря этому небольшому пояснению последующие этапы функционирования механизма мотивации, побуждающего к употреблению воды, представляется возможным излагать уже намного более лаконично.

3. Для реализации стремления вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма необходимо вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ. Эта необходимость представляет собой потребность вернуть к норме показатели обмена веществ.

Именно так стремление вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма порождает потребность вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ.

4. Потребность вернуть к норме показатели обмена веществ сама себя устранить не может.

Поэтому стремление вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма порождает не только потребность вернуть к норме показатели организма, но также и соответствующее стремление вернуть к норме эти показатели процесса обмена веществ.

5. Для реализации стремления вернуть к норме показатели обмена веществ необходимо устранить причину ухудшения этих показателей, то есть необходимо устранить недостаток воды в организме.

Так возникает потребность в устранении недостатка воды, которая порождается стремлением вернуть к норме показатели обмена веществ.

6. Потребность устранить недостаток воды в организме сама себя устранить не может.

Поэтому стремление вернуть к норме показатели обмена веществ закономерно порождает не только потребность устранить недостаток воды, но и соответствующее стремление устранить эту нехватку воды.

7. Для реализации стремления устранить нехватку воды необходимо наличие воды. Так возникает соответствующая потребность в наличии воды.

Это означает, что стремление устранить недостаток **воды** в организме порождает потребность в наличии воды.

8. Потребность в наличии воды сама себя устранить не может. Поэтому стремление устранить недостаток воды порождает не только потребность в наличии воды, но и стремление обеспечить наличие воды.

9. Для реализации стремления обеспечить наличие воды необходимо совершить определённые, соответствующие ситуации действия по обеспечению наличия воды.

Так рождается потребность в совершении действий, направленных на обеспечение наличия воды.

10. Потребность в совершении действий по обеспечению наличия воды сама себя устранить не может.

Поэтому стремление обеспечить наличие воды порождает не только потребность в совершении действий, направленных на обеспечение наличия воды, но и стремление совершить определяемые ситуацией действия, которые могут обеспечить наличие воды.

Дальнейший ход событий определяется спецификой конкретной ситуации. Но он всегда будет развиваться по одной и той же схеме: стремление порождает потребность (необходимость) в том, что требуется для его реализации; эта потребность сама себя устранить не может, поэтому для её устранения у индивида формируется новое стремление-средство, которое направленно на устранение этой потребности и, тем самым, на реализацию стремления, породившего эту потребность. И так далее по этой же схеме до тех пор, пока вода не окажется в распоряжении жаждущего.

Таких циклов и соответствующих этим циклам комплектов потребностей-стремлений может быть очень много: встать, одеться, обуться, выйти из квартиры, запереть дверь, убрать ключи, добраться до магазина, купить воду и т. д.

Но мы пропускаем однообразное описание всех этих этапов и сразу переходим к моменту, в котором вода в подходящем для её употребления сосуде наконец-то оказывается в руке у того, кому необходимо её употребить.

11. Итак, стремление обеспечить наличие воды реализовано, – сосуд с водой находится в руке индивида. Но она, то есть вода, сама себя ввести в организм не может. Для этого необходимо (требуется), чтобы человек выпил её.

Так рождается необходимость (потребность, задача) выпить (употребить) имеющуюся воду.

12. Задача употребить имеющуюся в наличии воду сама себя решить не может.

Поэтому исходное стремление к состоянию удовлетворённости состоянием организма и все последующие стремления-средства реализации этого стремления порождают завершающее стремление-средство – стремление выпить (употребить) воду.

Если все необходимые для реализации этого стремления условия присутствуют, то человек выпивает имеющуюся у него воду. В результате этого возвращаются к норме показатели процесса обмена веществ и, вслед за ними, состояние удовлетворённости состоянием организма.

Как видите, **всеми процессами движет стремление**. Потребность движущей силой не является. Она представляет собой возникающую в процессе реализации какого-либо стремления задачу, решение которой является необходимым условием реализации этого, породившего её стремления. Однако ни одна задача сама себя решить не может. Поэтому для её решения у индивида и формируется новое стремление, которое является одновременно и средством решения этой задачи, и средством реализации предыдущего стремления, породившего эту потребность (задачу).

Теория стремления позволяет очень просто и понятно описать абсолютно все этапы функционирования любого механизма мотивации.

5.2.4. Недостатки существующих в психологии понятий потребности

Возможность комплексного описания абсолютно всех этапов функционирования многоступенчатого механизма мотивации является не единственным достоинством мотивационной теории стремления, существенно отличающим её от теории потребностей, в рамках которой такое описание провести невозможно.

Суть ещё одного важного достоинства теории стремления заключается в том, что она позволяет выявить новые разновидности потребностей, которые теория потребностей сама по себе по причине своей познавательно-объяснительной ограниченности выявить неспособна.

Для демонстрация этого достоинства достаточно провести сравнительный анализ выявленных нами разновидностей потребностей и тех понятий потребностей, которые принято выделять в теории потребностей.

Помимо этого ниже будут рассмотрены и некоторые недостатки самих понятий потребностей, сформулированных к настоящему времени отечественной психологией в рамках мотивационной теории потребностей.

В предыдущем разделе данного параграфа при описании различных этапов механизма мотивации, побуждающего человека к употреблению воды, нами были выявлены следующие разновидности потребностей:

1) потребность вернуться к состоянию удовлетворённости состоянием организма;

2) потребность вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ;

3) потребность в устранении недостатка воды;

4) потребность в наличии воды;

5) потребность в совершении действий, направленных на обеспечение наличия воды;

6) потребность выпить уже имеющуюся воду.

Первый недостаток сформулированных в рамках теории потребностей понятий потребностей заключается в том, что они не учитывают самую первую из выделенных нами разновидностей потребности, а именно, – **потребность вернуться (потребность в возвращении) к состоянию удовлетворённости состоянием организма.**

Но этот недостаток вполне объясним. Для того, чтобы выявить (установить) сам факт наличия этой потребности, необходимо руководствоваться мотивационной теорией стремления, которая указывает на то, что человеком движет стремление жить и стремление к состоянию удовлетворённости своей жизнью. Однако общая теория психологии основывается на теории потребностей, которая необходимым для выявления этой потребности потенциалом не обладает.

В нашем примере употребления воды эта потребность называется потребностью вернуться к состоянию удовлетворённости **состоянием организма**. Но это всего лишь частный случай и данную потребность обобщённо можно назвать просто **потребностью вернуться к состоянию удовлетворённости,** которая возникает у индивида в ситуации ухудшения любых аспектов его бытия.

Второй недостаток является аналогичным, – теория потребностей не знает и таких разновидностей потребностей, как: потребность устранить недостаток воды (пункт 3); потребность в совершении действий по обеспечению наличия воды (пункт 5), а также потребность употребить уже имеющуюся воду (пункт 6).

Все эти потребности обобщённо можно назвать **потребностями в совершении действий.**

Этот недостаток также вполне объясним. В рамках теории потребностей они, то есть потребности, рассматриваются в качестве только **изначального** фактора активности, который движет человеком изнутри, а это не предполагает наличие потребностей в других этапах (фазах) функционирования многоступенчатого механизма мотивации.

В отличие от этого в мотивационной теории стремления таких ограничений нет. В рамках теории стремления возможно оперировать понятиями стремлений и потребностей для описания любого этапа функционирования многоступенчатого механизма мотивации. Вот почему нам удалось довольно легко и понятно описать многоэтапный механизм мотивации, побуждающий к употреблению воды, выделив при этом новые разновидности потребности, которые ранее не были известны **общей теории** психологии, построенной на основе мотивационной теории потребностей.

В рамках теории потребностей нам целостного описания **всего многоступенчатого и многовариантного механизма мотивации** встречать не приходилось.

Но это неудивительно и объясняется тем, что существующие в теории потребностей понятия потребности охватывают собой только какой-либо один из мотивационных аспектов активности индивида, который подходит для описания только какого-либо одного аспекта многоступенчатого механизма мотивации, побуждающего к какому-либо определённому поведению, к какому-либо одному конкретному виду поведения или деятельности.

Третий недостаток существующих понятий потребностей заключается в том, что **подавляющее** их **большинство** не охватывает собой такую выявленную нами разновидность потребности как **потребность вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ** (пункт 2).

Счастливым **исключением** из этого правила является понятие потребности, предложенное М.И. Еникеевым: «Потребность – это испытываемая человеком необходимость устранения отклонений от параметров жизнедеятельности, оптимальных для него как для биологического существа, индивида и личности»[125].

---

[125] *Еникеев М.И.* Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М, 1999. С.192.

Но и это понятие имеет свой недостаток. Для его уяснения следует принять во внимание, что **потребность вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ** является всего лишь частным случаем потребности, которую обобщённо можно назвать **потребностью в обеспечении тех показателей организма, к наличию которых стремится человек**.

Тонкость вопроса здесь состоит в том, что эта потребность возникает не только в случае отклонения показателей организма в худшую сторону, но и в ситуации, когда человек испытывает неудовлетворённость уже имеющимися нормальными оптимальными, дарованными от природы, показателями организма и стремится их улучшить. Например, стремится увеличить физическую силу, выносливость, повысить быстроту реакции, адаптировать организм для дыхания на высокогорье, улучшить память и так далее.

Данное обстоятельство указывает на то, что приведённая точка зрения М.И. Еникеева требуемой степенью обобщённости, универсальностью не обладает. Помимо этого имеются у неё и иные недостатки, подтверждающие данную оценку. Она не учитывает, не охватывает собой: потребность вернуться к состоянию удовлетворённости (пункт 1); потребность в совершении действий, которые необходимы для реализации соответствующего стремления (п. п. 3, 5, 6), а также выделяемую в литературе по общей психологии потребность в чём-либо внешнем (во внешних условиях).

Данный автор абсолютно верно выделил всего лишь один частный случай потребности, которая может возникнуть всего лишь на одном из этапов одного из видов механизма мотивации, который, как это уже неоднократно отмечалось в нашей работе, является довольно сложным – многоступенчатым и многовариантным.

Четвёртый недостаток присущ тем предлагаемым к настоящему времени общей теорией психологии общим понятиям потребностей, которые определяют потребность

как нужду (необходимость) в чём-либо **внешнем**, то есть в том, что находится **вне** индивида.

Так, например, по мнению А.Н. Леонтьева: «**Потребность** как биологическое понятие выступает перед нами как объективная **необходимость**, т. е. объективная **нужда** организма **в чём-то внешнем, во внешних условиях**, которые служат как бы дополнением живых систем»[126]).

Как полагает Ю.Б. Гиппенрейтер, потребностью человека является «состояние объективной **нужды в чём-то, что лежит вне его** и составляет необходимое условие его нормального функционирования»[127].

Такой же точки зрения придерживаются и другие авторы, к числу которых относится и Б. Ф. Ломов, утверждающий, что потребность «характеризуется как некоторое внутреннее состояние того, кто эту потребность испытывает; но она всегда есть потребность **в чём-то: объект потребности находится вовне**»[128].

Недостаток понятия потребности как нужды в чём-то **внешнем**, которое преподносится как общее, универсальное понятие, заключается в том, что оно отражает всего лишь частный случай потребности и претендовать на статус общего, универсального понятия потребности не может. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы те разновидности потребностей, которые ранее уже были приведены и в этом, и в предыдущем разделах данного параграфа: потребность вернуться к состоянию удовлетворённости; потребность вернуть к норме ухудшившиеся показатели обмена веществ; потребность совершить действия.

Совершенно очевидно, что эти потребности к числу потребностей в чём-либо внешнем не относятся.

---

[126] *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000. С.277.

[127] *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1998. С. 114.

[128] *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 372.

Пятый недостаток является присущим для тех, сформулированных современной психологией, так называемых общих понятий потребности, которые трактуют **потребность как** внутреннее **состояние**:

• **Потребность** «характеризуется как некоторое внутреннее **состояние** того, кто эту потребность испытывает»[129] (Б.Ф. Ломов);

• **Потребность** человека представляет собой **«состояние** объективной **нужды** в чём-то, что лежит вне его и составляет необходимое условие его нормального функционирования»[130] (Ю.Б. Гиппенрейтер);

• **Потребность**ю «называют **состояние нужды** человека либо животного в определённых условиях, которых им недостаёт для нормального существования и развития. **Потребность, как состояние личности**, всегда связана с наличием у человека чувства неудовлетворённости, связанного с дефицитом того, что требуется (отсюда название «потребность») организму (личности)»[131] (Р.С. Немов);

• «**Потребность** – внутреннее **состояние** функциональной или психологической **нужды** или **недостатка** чего-либо…»[132] (Е.В. Фахрутдинова);

• «Человека побуждает к деятельности его **потребность**, то **есть состояние нужды**…»[133] (Л.Р. Савалатулина).

Понимание потребности как **состояния** индивида является характерным и для многих иных авторов.

---

[129] *Ломов Б.Ф.* Указ. соч. С. 372.

[130] *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1998. С. 114.

[131] *Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Книга 1. Общие основы психологии. 3-е изд. Москва, 1997. С. 465.

[132] *Фахрутдинова Е.В.* Диалектика потребностей человека // Экономические науки. 2009. № 8. С.44.

[133] *Салаватулина Л.Р.* Общая психология: учебно-практическое пособие /Л.Р. Салаватулина. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского госуд. гум.-пед. ун-та, 2021. С. 137.

Неприемлемость такого понимания потребности определяется тем, что на самом деле ни одна потребность **состоянием** человека не является.

Состоянием может быть, например, состояние удовлетворённости, неудовлетворённости, здоровья, болезни, печали, радости и так далее, но не потребность.

Потребность как необходимость представляет собой возникающую в процессе реализации какого-либо стремления задачу, решение которой является обязательным условием реализации породившего её стремления, а находиться **в состоянии задачи** нельзя. Такое состояние даже представить себе невозможно.

Любое состояние человека характеризуется конкретными показателями состояния его органов и тканей, конкретным содержанием протекающих в его организме и душе процессов, а в необходимости-задаче, возникающей на пути реализации породившего её стремления, ни души, ни органов, ни тканей с их параметрами и протекающими в них процессами не существует.

Потребность как задача является **фактором**, **определяющим содержание** следующего **стремления**, которое является одновременно и средством устранения самой этой потребности, и средством реализации стремления, породившего эту потребность.

Иными словами, это означает, что потребность как необходимость, как задача выполняет роль **указателя** пути, по которому следует двигаться индивиду и для устранения самой этой потребности, и для реализации породившего её стремления. Например, потребность в наличии воды указывает на то, что для её устранения необходимо совершение действий, обеспечивающих наличие воды, для чего у человека и формируется стремление совершить эти действия.

Но можно ли находиться в состоянии такого указателя? Разумеется, нет. Это так же нереально, как находиться в состоянии стрелки компаса или дорожного указателя.

Единственный реальный вариант пребывания в состоянии указателя – это работа **человеком**, указывающим другим людям, например, направление движения, должное поведение, направление (содержание) деятельности, то есть работа: проводником для туристов; штурманом; воспитателем, который требует должное поведение и формирует жизненные стремления; руководителем, который ставит задачи подчинённым и так далее. Но для этого необходимо быть человеком, а потребность человеком не является.

Вот почему **индивид может находиться только в состоянии озабоченности фактом возникновения и наличия задачи, а также в состоянии (в процессе) её решения, но не в самом состоянии задачи.**

Анализ возможных **причин трактовки потребности как состояния нужды** показал следующее.

Часто встречающиеся в повседневном обиходе, литературе и кинематографе словесные выражения о том, что кто-то «испытывает нужду», «живёт в состоянии нужды» являются аналогичными другому распространённому выражению – «предъявлению права». Общим для этих языковых конструкций является то, что они представляют собой формулировки, которые составлены в упрощённом виде с пропуском слов и при их буквальном понимании, восприятии рисуют искажённую картину действительности (§ 1.4.6.).

Вместо того, чтобы сказать, что «**человек живёт в состоянии** неудовлетворённости, вызванном ситуацией недостатка чего-либо, то есть в состоянии, вызванном ситуацией **нужды**», или «**человек испытывает состояние** неудовлетворённости, вызванное ситуацией недостатка чего-либо, то есть вызванное ситуацией **нужды**», многие люди используют только начало и конец этих развёрнутых мыслеформ: «**человек живёт в состоянии… нужды»; «человек испытывает состояние… нужды».**

Вот каким образом возникло так называемое «состояние нужды», которое якобы «может испытывать» человек.

Для научного мышления такое понимание потребности, как основанное на стилистическом упрощении и содержащее искажение смысла, является неприемлемым и недопустимым. Это – во-первых.

Во-вторых, такое упрощение приводит к тому, что вместо **состояния неудовлетворённости** нам предлагается говорить о **нужде** как **недостатке чего-либо.** И это при том, что **состояние неудовлетворённости является следствием** нужды (**недостатка** чего-либо), а нужда-**недостаток** чего-то **– причиной состояния неудовлетворённости**.

В-третьих, даже сама полная форма выражения «**испытываемое человеком состояние неудовлетворённости**, причиной которого является нужда-недостаток чего-либо», для характеристики **потребности** также не подходит.

Объясняется это тем, что состояние неудовлетворённости потребностью не является.

Состояние неудовлетворённости представляет собой фактор, наличие которого подсказывает внутренней движущей силе в виде стремления к состоянию удовлетворённости, что «дела не в порядке», и лишь после этого стремление к состоянию удовлетворённости порождает **потребность** в виде необходимости (задачи) вернуться к состоянию удовлетворённости (см. первый этап функционирования механизма мотивации, побуждающего к употреблению воды, в разделе 5.2.3. Общие принципы функционирования механизма мотивации).

Каким бы образом, с какой бы точки зрения мы не рассматривали трактовку потребности как **состояния**, такое её понимание в любом случае оказывается действительности не соответствующим и, разумеется, неприемлемым.

Шестой недостаток некоторых существующих понятий потребности состоит в том, что в качестве ключевого слова, характеризующего потребность, в них используется слово «**нужда**». Об этом свидетельствуют следующие, приведённые ниже, понятия потребности.

Например: «Человека побуждает к деятельности его **потребность**, то есть состояние **нужды**…»[134]; «**Потребность** как биологическое понятие выступает перед нами как объективная необходимость, т. е. объективная **нужда** организма **в чем-то** внешнем, во внешних условиях, которые служат как бы дополнением живых систем»[135]; **потребностью** человека является «состояние объективной **нужды в чём-то**, что лежит вне его и составляет необходимое условие его нормального функционирования»[136]; «**потребность** индивида **есть** некоторая его **нужда в** определённых **условиях** (и средствах) существования и развития»[137]; **потребность**ю «называют состояние **нужды** человека… **в** определённых **условиях**, которых… недостаёт для нормального существования и развития»[138]; **«потребность** – внутреннее состояние функциональной или психологической **нужды** или **недостатка чего-либо** для поддержания жизнедеятельности объекта, субъекта, индивида, социальной группы…»[139].

Слово «нужда» имеет одновременно два значения: нужда **как необходимость** в чём-либо (1); нужда **как недостаток** чего-либо (2). Эти значения весьма нетождественны.

Во втором своём значении слово «нужда» используется в последнем из приведенных выше понятий потребности.

С него мы и начнём (так удобнее, увидите сами).

---

[134] *Салаватулина Л.Р.* Общая психология: учебно-практическое пособие/Л.Р. Салаватулина. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского госуд. гум.-пед. ун-та, 2021. С. 137.

[135] *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000. С.277.

[136] *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1998. С. 114.

[137] *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 319.

[138] *Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Книга 1. Общие основы психологии. 3-е изд. Москва, 1997. С. 465.

[139] *Фахрутдинова Е.В.* Диалектика потребностей человека // Экономические науки. 2009. № 8. С.44.

Нужда как недостаток чего-либо. Неприемлемость понятия потребности как недостатка чего-либо определяется тем, что нужда-недостаток – это **ещё** не потребность.

Это просто **отсутствие** чего-либо, что лишь впоследствии приводит к возникновению потребности как необходимости (задачи) устранения недостатка этого чего-либо.

Объясняется это тем, что недостаток чего-либо является одной из причин потребности, и об этом можно подробнее.

Недостаток чего-либо влечёт состояния неудовлетворённости, с учётом которого изначальная движущая сила – стремление к состоянию удовлетворённости – порождает потребность **вернуться к состоянию удовлетворённости**. Но эта потребность сама себя устранить не может.

Для устранения этой потребности формируется стремление вернуться к искомому состоянию удовлетворённости, которое и порождает потребность (необходимость) в устранении недостатка того, чего недостаёт индивиду.

Из этого следует, что **нужда как недостаток и потребность как необходимость в чём-либо являются различными вещами** действительности.

Ремарка. Здесь мы назвали нужду как недостаток чего-либо одной из причин потребности. Надеемся, что это не приведёт к тому, что кто-нибудь на этом основании станет называть нужду-недостаток движущей силой.

Тонкость этого вопроса заключается в том, что нужда как недостаток чего-то является не изначальной причиной, а следствием действия действительно изначальной причины в виде стремления к состоянию удовлетворённости. Объясняется это тем, что, если бы этого стремления к состоянию удовлетворённости не существовало, то не существовало бы и нужды как недостатка чего-либо, что требуется для обеспечения состояния удовлетворённости. Поэтому, если индивид к **чему-либо не стремится**, то и недостаток того, что требуется для этого чего-либо, для него безразличен и на его активность никакого влияния не оказывает. Вот почему

нужда как недостаток чего-либо – это промежуточная причина потребности, которая сама является следствием изначальной причины активности в виде стремления.

Нужда как необходимость в чём-либо. В этом своём другом значении слово **«нужда»** вполне **могло бы** использоваться в качестве ключевого для характеристики потребности как **необходимости в чём-либо**, что требуется для реализации стремления, породившего данную потребность. **Но только** в том случае, **если бы** это значение слова «нужда» было бы единственным, а оно таковым не является, ибо, помимо этого, «нужда» так же означает и недостаток чего-либо, который рассматривать в качестве потребности недопустимо (об этом мы только что говорили выше).

Проблема здесь заключается в том, что двузначное слово «нужда» при его использовании в качестве ключевого в понятии потребности всегда будет привносить в это понятие **неоднозначность,** которая всегда будет позволять рассматривать **потребность не только как необходимость**, но и **как недостаток чего-либо**. Однако признавать потребностью недостаток чего-либо неверно. Для того, чтобы этого не происходило, придётся **постоянно приводить пояснение этой неоднозначности**.

Но зачем нам это постоянное, никому не нужное, весьма обременительное пояснение, которое очень быстро всем надоест и ничего, помимо неудобства и состояния эмоциональной раздражённости вызывать не будет? Не лучше ли, заблаговременно предвидя данную проблему, не допустить её возникновения? Для этого достаточно принять за правило хорошего научного тона использовать в понятии потребности только слово «необходимость», а слово «нужда» для данного контекста признать нежелательным.

Слово «необходимость» также является многозначным. Однако все его иные значения имеют настолько различные смысл и контекст употребления, что спутать их с контекстом необходимости как потребности в чём-либо невозможно.

Это обстоятельство даёт нам основание полагать, что использование в понятии потребности только слова «необходимость» не приведёт к возникновению тех проблем понимания потребности, которые **уже** создаёт слово «нужда».

Кстати, по счастью, многие авторы и без нашего пояснения давно избегают употребления в понятии потребности слова «нужда» и предпочитают характеризовать её только как необходимость. Так, например, А.В. Маргулис называет потребностью «**внутреннюю необходимость** живого организма или человеческого существа»[140].

Седьмой недостаток. Некоторые понятия потребности трактуют потребность как необходимость именно **внутреннюю**. Но это просто одна из множества «удобных» фикций.

Она пришла в психологию из философии, где разделение необходимости (как следствия) на внутреннюю и внешнюю проводится по причинам её возникновения, которые могут быть внутренними либо внешними (§ 9.1.).

Однако классификация любых вещей должна проводиться **по их собственным признакам**, а не по признакам других вещей, таких, в частности, как причины их возникновения (причины и следствия – различные вещи действительности, которые признаками друг друга не обладают).

Поэтому необходимость как таковая внутренней или внешней быть не может. Однако её можно разделять (классифицировать) на необходимость в чём-либо внутреннем, внешнем либо в чём-то ещё. Но это уже совершенно иная, причём абсолютно реальная постановка вопроса.

Для психологии является актуальным именно этот реальный подход, благодаря которому можно проводить классификацию потребностей по такому **неотъемлемому** их содержательному признаку как указание на то, в чём именно возникает та или иная потребность как необходимость.

---

[140] *Маргулис А. В.* О потребностях как социальной категории. Москва, 1977. С.7.

Его неотъемлемость определяется тем, что без него ни описать какую-либо разновидность потребности, ни сформулировать общее понятие потребности невозможно. Вот почему он указан во всех понятиях потребности, кроме неправильного понятия потребности-недостатка (см. выше).

Цель рассмотрения недостатков существующих понятий потребности – не допустить их переноса в теорию стремления, которая однажды всё равно вытеснит теорию потребностей. Этот вопрос давно является назревшим и для того, чтобы отказаться от теории потребностей недоставало лишь аргументированной демонстрации её недостатков.

В завершение представляется возможным предложить следующее простое и понятное любому человеку общее универсальное понятие потребности, которое сформулировано без рассмотренных выше недостатков.

Потребность – это необходимость в чём-либо, что требуется для реализации породившего её стремления.

Необходимость – это задача, возникающая в процессе реализации какого-либо стремления, решение которой является обязательным условием реализации этого стремления.

Содержание потребности определяется ситуацией её возникновения и содержанием породившего её стремления.

Функциональное значение потребности как необходимости (как задачи) заключается в том, что она определяет содержание очередного стремления, являющегося и средством устранения самой этой потребности (средством решения данной задачи), и средством обеспечения возможности реализации породившего эту потребность стремления.

P.S. Помимо указанных выше, теория стремления позволяет выявить и иные новые виды потребности, например, потребность во времени (1). После § 5.2. стало понятно, что состояние удовлетворённости может иметь только человек, а удовлетворение потребностей – это миф. Потребности как необходимость можно только устранить, а как задачи – решить (2). Поэтому далее мы их будем устранять, решать (3).

ГЛАВА VI. СУЩНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ВТОРОЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

Вещей суть очень многогранна. И каждый видит в них лишь то, что хочет видеть. Художник, глядя на пожар, подвержен созерцанью красок, а химик видит экзодерму. Людское горе и несчастье видят в нём пожарный, врач, хозяин. Не исключением является и право субъективное, в котором также отражается многообразие подходов, точек зрения.

И.П. Семченков

§ 6.1. Материалистический подход к пониманию сущности морального субъективного права и вопрос о содержании нравственного

Неотъемлемым исходным аспектом материалистического мировоззрения в **пока ещё** принятом его понимании является научный атеизм, отрицающий существование Бога и полагающий, что человек представляет собой результат эволюции материальной, то есть исключительно физической природы, а не творение Высшего Духовного Существа.

По этой причине представленный ниже анализ, как это и предполагается для материализма в его **нынешнем атеистическом** понимании, проводится без учёта всего, что касается религиозной картины мира.

В рамках материалистическо-атеистического мировоззрения человека следует рассматривать как биологическое разумное и социальное существо, которое как открытая система существует за счёт обмена с окружающей средой энергией, информацией и материей[141].

---

[141] См.: *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор //Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82; *Bertalanffy L. von.* Vom Sinn und der Einherit der Wissenschaften //"Der Student", Wien, vol 2, 1947, № 7 – 8; *Bertalanffy L. von.* Zueiner allgemeinen Systemlehre //"Biologia Generalis", vol. 19, 1949, S.114-129; *Bertalanffy L.*

Данное существо, как это было показано в предыдущей главе, стремится жить, стремится к определённому качеству жизни во всех аспектах присущей ему природы, стремится к определённому качеству текущей жизни, определённым промежуточным и итоговым результатам своей жизни.

Вот почему для людей наиболее значимыми являются они сами, а также возможности реализации их стремлений и устранения (см. 5.2.3.) возникающих при этом потребностей. Всё остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только потому, что обеспечивает наличие возможностей реализации стремлений человека и устранения порождаемых ими потребностей[142].

Так, например, «Предметы собственности мы называем материальными ценностями не потому, что они имеют ценность сами по себе, а потому, что обладание ими предоставляет возможность их использования для удовлетворения наших потребностей, для реализации наших стремлений. Именно поэтому охраняемым уголовным законом благом (объектом преступления) мы называем не имущество, а возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом»[143]. «Из всех земных благ для людей важны лишь их

---

von. An Outline of General System Theory //British Journal for the Philosophy of Science", vol 1, No 2. Aug, 1950, p. 134.

[142] См.: *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Объект преступления: общественные отношения или возможность? //Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293.

[143] *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Указ. соч. С. 297. В подтверждение данного понимания ценности можно привести один, хотя и фантастический, но очень показательный пример. Представьте себе, что человеку «подарили» огромный бриллиант размером с планету, но при этом сказали, что он его никогда не увидит, распорядиться им (например, продать) не сможет, и даже говорить о нём кому-либо ему запрещено. Совершенно очевидно, что такой «подарок», который подарком даже назвать невозможно, никому не нужен. Но почему? Потому, что вещи действительности сами по себе никакой самостоятельной ценностью не обладают, а ценятся лишь постольку, поскольку обладание

возможности. Всё остальное самостоятельной ценностью не обладает. Если какое-либо деяние обеспечение возможностей не затрагивает, то признавать его преступлением попросту незачем. Иным образом, то есть не лишая человека определённой возможности, причинить ему вред нельзя»[144].

Особую разновидность ценности для каждого человека представляют собой другие люди. Они необходимы ему потому, что составляют необходимую для него социальную среду, которая повышает шансы на выживание, а также предоставляет возможности реализации иных самых различных, присущих его природе стремлений и решения возникающих при этом потребностей-задач (см. 5.2.3.).

Данные обстоятельства привели к тому, что на уровне массового сознания стало формироваться и сформировалось представление о таких правилах совместной социальной жизни, которые устраивают подавляющее большинство людей и в идеале, по своему предназначению при условии их исполнения, могут максимально обеспечить реализацию имеющихся у них стремлений.

Но это только один из основных аспектов формирования представлений о субъективном праве.

Второй его аспект заключается в том, что в процессе формирования представления о правилах совместной жизни возникло много вопросов относительно того, каким образом следует применять эти правила. Например, следует ли применять их ко всем людям или только к некоторым, что является основанием для распространения действия того либо иного правила на определённого субъекта, каким образом надлежит поступать в случае спорных ситуаций, что необходимо делать с теми, кто не соблюдает эти правила, и множество других вопросов.

ими способно обеспечить реализацию стремлений человека и устранение порождаемых этими стремлениями потребностей. Только этим определяется для человека значимость, ценность вещей (прим. авт.).

[144] *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Указ. раб. С. 298.

Поэтому в массовом сознании были сформулированы не только многочисленные базовые правила совместного общежития, соблюдение которых обеспечивает возможности реализации базовых стремлений человека, но и другие правила, применение которых имеет своим предназначением обеспечение действия этих базовых правил.

Процесс этот был не быстрым, но проходил он именно так и проходить как-то иначе просто не мог, ибо только такой ход развития событий предопределяется природой человека в её материалистическо-атеистическом понимании.

Вот каким образом представление о правильном, то есть желательном, взаимовыгодном для большинства устройстве социальной жизни нашло своё выражение в определённых, существующих в массовом сознании, правилах.

Древние греки назвали это, сформированное массовым сознанием, представление о правилах взаимодействия людей этикой[145], а соответствующие нормы и правила стали именоваться этическими нормами и правилами. Для лаконичности эти правила стали называть просто правом, а под правом субъекта стала подразумеваться модель должного состояния конкретного значимого для подавляющего большинства людей аспекта их бытия.

С этой естественно-правовой и одновременно материалистическо-атеистической точки зрения понимание субъективного права представляется возможным сформулировать следующим достаточно лаконичным и понятным образом.

В материалистическо-атеистическом понимании этическое субъективное право – это сформированное **на принципах взаимной выгоды для большинства населения, представители которого необходимы друг другу**, правило, определяющее, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т. д.

---

[145] См.: *Разин А.В.* Указ. раб. С. 37.

Данное понятие этического субъективного права является абсолютно конкретным и **с материалистическо-атеистической точки зрения** полностью самодостаточным, имеющим исчерпывающую объяснительную способность.

Так, в частности, оно прекрасно не только подтверждает, но и иллюстрирует теорию общественного соглашения, которая довольно часто упоминается при объяснении вопроса о происхождении субъективного права.

О приемлемости для характеристики этического субъективного права слова «нравственное».

Древнегреческие слова «этика», «этическое» являются настолько точными и уместными по своей этимологии, что кроме них никакое иное слово в контексте **материалистически-атеистического понимания субъективного права** даже не мыслится.

В отличие от этого, слово «нравственное» является не только неопределённым, но и дискредитировавшим себя неприемлемо большим числом вариантов своего неправильного по смыслу употребления[146].

Имеется у слова «нравственное» и ещё один недостаток. Оно по своей этимологии проистекает от слова «нрав», которое обозначает особенности характера, и с этой точки зрения может быть использовано в качестве общего названия только личностных свойств индивида, но не сформированных массовым сознанием правил общежития.

Принимая во внимание данные обстоятельства, начиная с этого момента, мы *временно* полагаем для себя невозможным использовать в этой работе слово «нравственное» в качестве синонима слову «этическое», как это принято делать в настоящее время. Слишком высокой потом оказывается цена неверно употребляемых слов, и мы брать на себя грех данного компромисса **пока**, то есть **до** установления сущности нравственного в его этическом понимании, не готовы.

---

[146] См.: §§ 4.2 и 4.3 настоящей работы (прим. авт.).

Но это и не требуется. Имеющихся в нашем распоряжении точных и понятных греческих слов вполне достаточно и без упоминания нравственного.

С учётом сказанного, в дальнейшем **вместо** термина **«нравственное (моральное) субъективное право»** мы временно будем использовать термин **«этическое субъективное право»**, который с этимологической точки зрения имеет абсолютно точное и единственное смысловое значение.

Тот факт, что многие авторы рассматривают слова «этическое» и «нравственное» в качестве синонимов, мы *временно* принимать во внимание не будем.

Что же касается *упоминания* в характеристике народного понимания субъективного права такого слова как «этическое», то необходимость его употребления определяется задачей отграничения этого права от того субъективного права, которое мы называем просто юридическим, а наши предшественники называли позитивным (объективным, нормативно закреплённым) правом субъекта.

Неожиданные повороты в развитии сюжета бывают не только в драматургии. Поводом для данного этапа исследования послужила неопределённость в понимании нравственного. Однако результаты этого исследования оказались настолько самодостаточными, что употребления слова «нравственное» не предполагают. К тому же, с учётом недостатков данного слова, его употребление в контексте субъективного права *временно* следует признать non grata.

По этой причине *мы на некоторое время откладываем рассмотрение вопроса о содержании нравственного, но обязательно вернёмся к нему в дальнейшем*. Пока же нашим приоритетом по-прежнему остаётся установление сущности субъективного права, а решение этой задачи ещё не завершено. И завершить её решение нам хотелось бы без внесения в него той неопределённости, которая присуща пониманию нравственного и нравственности в их существующих к настоящему времени интерпретациях.

§ 6.2. Недостаточность материалистического подхода к пониманию природы этического субъективного права

В материалистическо-атеистическом понимании этических прав субъекта, они являются следствием общественного соглашения большинства людей, которые фактически заключили его между собой по той причине, что **необходимы** друг другу, поскольку лишь в обществе себе подобных человек может иметь возможность реализации всех присущих его природе стремлений, а также возможность устранения (см. 5.2.3. и P.S. к 5.2.4.) возникающих на пути реализации этих стремлений потребностей.

Хорошо это или плохо? «Что за странный вопрос?» – может подумать в данной связи читатель. Вода является мокрой, камень – твердым, а человек – нуждающимся в других. Так есть, и эту данность необходимо воспринимать естественно, без каких-либо оценок. Это просто необходимо знать, и всё. Но для чего?

Например, для того, чтобы понять, что материалистическо-атеистическое понимание природы человека и проистекающее из него понятие этического субъективного права указывают на меркантильно-эгоцентрическое потребительское отношение каждого человека к другим людям, к которым он с материалистическо-атеистической точки зрения должен относиться лишь как к средству, обеспечивающему возможности реализации собственных стремлений (§ 6.1.).

Очень жёстко и цинично? Согласны. Но мы здесь ни при чём. Мы от себя к этому мировоззрению ничего не добавляли и ничего от него не отнимали. Это просто обычная неумолимая логика. Она всегда беспристрастна, и обвинять её в предвзятом отношении невозможно.

На это обстоятельство мы специально обращаем внимание потому, что далее будет ещё более жёстко и цинично, но всё это будет не от нас, а от материализма-атеизма.

В соответствии с нормами международных документов и Конституцией нашей страны право на жизнь имеет каждый человек. Однако с точки зрения материалистическо-атеистического понимания этического субъективного права данный вопрос должен решаться иначе.

Атеистический материализм гласит о том, что человек относится к другим людям как к ценности лишь потому, что они обеспечивают ему возможность реализации присущих от природы стремлений. Всё верно? Абсолютно (§ 6.1.).

Следовательно, если человек указанной ценности для других не представляет, то атеистам он не должен быть нужен, и закреплять за ним право на жизнь не имеет смысла, поскольку с этой точки зрения никаких оснований для этого не имеется.

Это означает, что младенец, родившийся слепым либо иным тяжёлым инвалидом, а также престарелые родители права на жизнь не имеют. И как же следует поступать с таким ребёнком и родителем? Почитайте историю, там всё описано. Как следует поступать с жителями африканской деревни, которые не уступают своё место жительства под разработку полезных ископаемых? Ответ тот же. И так далее, вплоть до развязывания агрессивных войн и геноцида.

Вот к каким выводам приводит материалистическо-атеистическое понимание природы этического субъективного права, если довести это понимание до его логической завершённости и поставить в крайнюю ситуацию.

Что же из этого следует?

Материалистическо-атеистическое мировоззрение демонстрирует неспособность объяснить естественно-правовую природу даже общепризнанных и юридически уже закреплённых прав субъекта. Для этих целей его оказывается явно недостаточно.

В завершение следует отметить, что даже коммунисты, исповедующие материализм, сами никогда не мыслили настолько материалистически-атеистически, как это должно

вытекать из приведённого выше материалистическо-атеистического понимания вопросов о происхождении человека, его природе и социальном бытии.

Революционные идеи марксизма-ленинизма, напротив, во многом имели альтруистический характер, ставили своей задачей устройство справедливого общества, исключающего угнетение, эксплуатацию одних людей другими и т. д.

Моральный кодекс строителя коммунизма – свод принципов коммунистической морали – также предъявлял к человеку требования, которые не определяются содержанием чистого материализма-атеизма.

К ним, в частности, относятся: забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов[147]; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; гуманное отношение и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота, скромность в общественной жизни; взаимное уважение…; нетерпимость к несправедливости… и так далее[148].

Поэтому, говоря об атеистическом материализме, мы обращаем внимание не только на то, каким образом данное философско-мировоззренческое учение следует использовать в его чистом виде, но и на тот очень важный факт, что носители этого мировоззрения **сами никогда ему буквально не следовали**.

Причины данного парадокса материалистическо-атеистического мышления поясняются в § 8.1. Но вперёд лучше не перелистывать, – всему свои место и время. Иначе в дальнейшем многое может оказаться непонятным.

---

[147] Это один из множества широко распространённых примеров употребления слова «интерес» в неопределённом значении, о чём в дальнейшем более подробно будет сказано в § 13.3. (прим. авт.).

[148] См., например: Моральный кодекс строителя коммунизма. Душанбе: Таджикгосиздат. 1962. С. 6-12.

ГЛАВА VII. СУЩНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

Лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлечённостей и иметь своим основанием религию.

Николай I, Император Российской Империи

Декларация прав Бога и декларация прав человека есть одна и та же декларация.

Николай Бердяев, философ

Я – еврей, но сияющий образ Назарянина произвёл на меня потрясающее впечатление. Никто не выражался так божественно, как Он. Действительно, в этом мире есть только одно место, где нет тьмы. Это личность Иисуса Христа.

В Нём Бог нам открылся наиболее постижимо…

Альберт Эйнштейн

§ 7.1. Теистический подход к пониманию сущности этического субъективного права

Для понимания природы даже юридически закреплённых прав субъекта материалистическо-атеистического мировоззрения оказалось недостаточно. Это факт. Посмотрим, что может предложить в этом смысле теизм.

Согласно теистическому мировоззрению человек был сотворён Богом по образу и подобию Своему, то есть также духовным существом, которое всего лишь временно пребывает на Земле в физическом теле и проходит определённые этапы своего обучения и развития.

На тему существования Бога, происхождения человека и смысла человеческой жизни написано очень много, но нам

для уяснения сущности субъективного права достаточно всего лишь нескольких моментов.

Бог никогда не оставлял душу человека без своего внимания, всегда помогал и помогает её развитию.

Во-первых, это проявляется в том, что Он дал человеку внутренний голос совести, который всегда говорит только правду и даёт верную оценку поступкам человека с точки зрения промысла Божьего. Но этот голос (Дух Истины) слышат не все, а только те, кто достиг определённого уровня духовного развития и желает слышать Его.

Господом человеку дана свобода воли, которая в том числе проявляется и в свободе слушать либо не слушать голос совести, а Он, если к нему не прислушиваются, может ничего и не говорить.

Этот момент объясняет причину, по которой в частных спорах о наличии субъективного права одни люди апеллируют к совести как к наивысшей инстанции, а другие не принимают этот довод в качестве аргумента. В подобных случаях конфликтующие стороны либо имеют различный уровень духовного развития, либо одна сторона, будучи одержима желанием во что бы то ни стало отстоять свою пользу, просто не хочет слышать этот голос либо поступает вопреки тому, что он говорит.

Во-вторых, забота Создателя проявляется в том, что Он даёт людям свои заповеди, то есть фактически правила, которыми нам необходимо руководствоваться в своей повседневной жизни.

Но эти правила даются человечеству не сразу, а по мере духовного созревания пребывающих на Земле душ.

Самые последние из этих правил, **которые предъявляют самые высокие требования** к нашей душе, её поведению в повседневной жизни, к тому, как она должна относиться к другим душам, были даны Иисусом Христом.

Сопоставление учения Иисуса Христа и Его заповедей с юридически закреплёнными этическими субъективными

правами подтверждает основные положения теологической теории происхождения субъективного права и демонстрирует тот факт, что, закреплённые в международно-правовых документах и Конституции нашей страны субъективные права или буквально совпадают с тем, чему учил Иисус Христос, или логически вытекают из глубинного понимания сути Его учения, то есть, так либо иначе, но всё равно определяются этим учением.

Но почему? Всё очень просто: уровень данного учения является **не только самым требовательным**, **но и самым**, если позволительно так будет выразиться, **выгодным** для человечества, которое до прихода Иисуса Христа ничего лучшего само для себя придумать не смогло.

Только Его заповеди, **самой важной из которых является заповедь бескорыстной любви**, и основанные на них субъективные права (правила), а также их соблюдение способны обеспечить максимально возможное благоденствие, процветание и отдельного человека, и всего рода людского.

Сказанное о совпадении содержания юридически закреплённых этических субъективных прав со святыми заповедями позволяет сформулировать следующее понятие прав субъекта: *сформированное массовым сознанием субъективное право* – это основанное на святых заповедях правило, которое определяет, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т. д.

Это понимание сущности субъективного права в полной мере относится и к тем правам субъекта, которые нормативно не закреплены. Те, кто слышат дарованный человеку голос совести, имеют **такое** понимание сути **любого** субъективного права, **которое** также полностью соответствует всем заповедям Господа.

Можно предложить и более глубокое по смыслу понятие прав субъекта: *сформированное массовым сознанием субъективное право* – это основанное на понимании сути

Божьего промысла по выращиванию своих творений правило, которое определяет, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т. д.

Приведённое нами теистическое понимание сущности субъективного права является единственным, которое соответствует всем фактически сформулированным нами ранее требованиям, включая и такое особое требование, как отсутствие вообще каких бы то ни было недостатков.

Данное субъективное право – **это не «право на грех»**.

Напротив, такое его понимание представляет собой настолько мощный духовный ориентир, следование которому позволяет распознать любые проявления греховности, сатанизма. Люди, исповедующие теизм, защищены от всей подобного рода нечистой напасти, и обмануть их «красивой обёрткой» не выйдет.

Представление о том, что является неверным с точки зрения промысла Божьего, о том, что **не соответствует** его сути, глубинному смыслу, несмотря на формальное название «субъективное право», никакого основания именоваться правом не имеет. «Право на грех» – вещь невозможная, ибо право – это модель правильного, в связи с чем упоминать в ней грех – полнейший абсурд, причём весьма неполезный: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою…!»[149]

Известный философ и теоретик права, профессор Ганс Кельзен высказал весьма глубокую и прекрасную мысль о том, что естественное право даровано нам не законодательством, а «Богом, природой или разумом»[150].

---

[149] *Пророк Исая*. Книга пророка Исаии. Глава 5 | Православный церковный календарь на каждый день | Православие и Мир. – URL: https: // www.pravmir.ru/pravoslavnyj-kalendar/bibliya1/28isa05.html (дата обращения: 16.11.2024).

[150] *Кельзен, Ганс.* Общая теория права и государства. The Lawbook Exchange. 2007. С. 392.

Результаты нашего исследования, за исключением одного небольшого нюанса, полностью подтверждают правильность его точки зрения о происхождении и этического, и идеального юридического субъективного права.

Суть этого нюанса заключается в том, что в упоминаемой им триаде «Богом, природой **или** разумом» вместо альтернативного союза «**или**» должен стоять соединительный союз «**и**»: «Богом, природой **и** разумом».

Об этом свидетельствует всё предыдущее содержание нашей работы, в которой показано, что человек, движимый присущими его природе стремлениями, пользуясь разумом, выбрал в качестве наилучших правил совместной жизни именно те правила, которые дарованы ему Богом.

«Дискутируя о происхождении права, большинство специалистов строго придерживаются только какой-либо одной версии его зарождения, абсолютизируют её, спорят с оппонентами и почему-то не допускают мысли, что происхождений права может быть несколько»[151].

Предлагаемое нами понимание вопроса о происхождении прав субъекта лишено данного недостатка в виде предпочтения, отдаваемого какой-то одной из существующих теорий их происхождения, и носит комплексный характер, позволяющий обнаружить точки соприкосновения с рациональными зёрнами истины, присутствующими в подавляющем большинстве этих теорий.

§ 7.2. Теизм и содержание законов

Для решения проблемы установления сущности субъективного права **атеистический** материализм оказался непригодным (со своей задачей не справился). Но не только.

---

[151] *Захарцев С.И.* Возвращаясь к дискуссии о происхождении права //Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 285.

Помимо этого он траур предлагает и минор, страдание души и безысходность: «…каждый человек наделён врождённым правом на владение землёй – правом, которое пока что предоставлено людям в довольно скромных размерах, не более шести футов на могилу, ибо все мы рождены с бесспорным правом лечь в неё»[152].

В отличие от этого теизм надеждою нас одаряет.

Но не только. Именно теизм смысл придаёт нашим законам, доктрине права, практической юриспруденции, задаёт их направленность, объясняет их сущность, ибо, если помыслить несколько глубже, чем принято, то становится очевидным, что без теизма никакого смысла в их нынешнем содержании нет. Ведь, если нет Бога, то нет ничего после смерти, нет рая, нет ада, чистилища, а ежели так, то: «Долой всю мораль! Один раз живём! Режь, убивай, отбирай, наслаждайся! Не бойся! Могиле без разницы кого принимать!»

Без законов и в этом случае обойтись не удастся. Но содержание этих законов будет иным. Это будут правила схватки, войны, нападения, рабства, делёжки добычи…

В таком обществе жить не захочется. Поэтому надо ценить и теизм, и мораль, которая из него вытекает и смысл придаёт всем законам. Без них будет дикое время, где лозунг будет один: «Кто сильней, тот и прав!» И «суд» в нём вершить будут только бандиты. О правах человека при этом придётся забыть.

Если кому-то могло показаться, что мы, одобряя теизм, отвергаем при этом всё материалистическое, то, уверяем вас, это не так. Исследуя любое учение, мы изначально подходим к его оцениванию очень осторожно и всячески стараемся избегать его однозначно позитивной или негативной оценки. Таким же образом мы относимся и к материализму. Особенности нашего взгляда на данный вопрос подробно представлены в первом параграфе следующей главы.

---

[152] *Фредерик Марриет*. Мичман Тихоня. М.: Вече. 2018, С. 8.

ГЛАВА VIII. УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОМ И МОРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО

Неоспоримо, что вся людская нравственность зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет.

Блез Паскаль, физик математик, философ

Только голос совести, определяющий наши отношения к ближнему и к Богу как добрые или злые, даёт им нравственное значение…

Владимир Соловьёв, философ

Человек, признающий мораль и нравственность, не может быть атеистом, потому что абсолютный эталон этой морали и нравственности лежит вне материального мира.

Сергей Михеев, политолог, философ

Один из величайших и священнейших принципов истинной нравственности заключается в религиозном уважении к человеческому достоинству…

Виссарион Белинский, писатель, философ

§ 8.1. О духовном и материалистическом в жизни и науке

Вопросы о том, каким образом необходимо относиться к другим людям и воспитывать подрастающее поколение, всегда были и останутся для человечества одними из самых важнейших и животрепещущих.

В их решении возможны два крайних подхода: рассматриваемый в его чистом, выкристаллизованном виде материалистическо-атеистический (§§ 6.1, 6.2.), а также духовный (теистический), основанный на заповедях, дарованных человечеству Богом (§§ 7.1., 7.2.).

Применение первого подхода предполагает не только меркантильно-эгоцентрическое потребительское отношение человека к другим, построенное на взаимно выгодных условиях, но и воспитание детей таким образом, чтобы они, повзрослев, были готовы к данному **взаимовыгодному (корыстному)** образу жизни в обществе и соответствовали его требованиям.

Вместе с тем история показывает, что такой, рассматриваемый в его чистом виде, материалистическо-атеистический подход никогда не признавался в обществе идеальным образцом поведения и воспитания. Никогда не следовали данному подходу и сами материалисты. Но почему?

Ответ очевиден: люди всегда ориентировались и будут ориентироваться в решении данных вопросов на самые лучшие образцы, которыми объективно всегда были, есть и будут наставления Бога. Ведь именно они представляют собой тот идеал, реализация которого «по душе» каждому человеку, достигшему хотя бы начального уровня духовности, причём даже тем, кто причисляет себя к атеистам.

Так почему бы открыто не признать, что наилучшим образцом отношений между людьми и воспитания детей являются наставления Создателя?

В нашей стране препятствием этому является материалистическо-атеистическое мировоззрение, навязанное нам **коммунистами-атеистами**, и официальная позиция науки, которая сформировалась под **их** влиянием.

В наибольшей степени этому влиянию оказались подвержены представители общественных гуманитарных наук, которым в этом смысле досталась очень незавидная доля.

С одной стороны, они внутренне согласны со святыми заветами, сами руководствуются ими в своей жизни и воспитании своих детей, сами желают, чтобы к ним относились именно так, как это написано в данных заповедях, однако использовать их в научной работе официально не могут. Но почему? Препятствием этому является наличие множества

научных авторитетов, которые оказались заложниками ранее избранной ими атеистической позиции.

Так сложилось в советское время, и с тех пор учёные так и продолжают руководствоваться в своей научной деятельности материалистическо-атеистическим мировоззрением, которое в решении рассматриваемых в данной работе проблем к продуктивным результатам привести не может. Для этого его оказывается явно недостаточно. Максимум того, на что способно данное мировоззрение, продемонстрирован в §§ 4.2., 4.3., 6.1. и 6.2. настоящей работы.

Особенно отчётливо всё это прослеживается на примере такой прекрасной науки как этика, которая оказалась в этом смысле в самом катастрофически невыгодном положении.

Как вы думаете, почему эта наука, большое число высококлассных специалистов, которые много лет занимаются только вопросами нравственного, до сих пор так и не смогли сформулировать его понятие? Официальная наука игнорирует любые, даже малые, проявления теизма, а материализм, **преподносимый в свете атеизма**, сам по себе (без теизма) дать то, что требуется, неспособен (§§ 4.2., 4.3., 6.2.).

Если бы они признали тот объективный факт, что заповеди, которые нам преподносят от имени Бога, являются наилучшими образцами должного, причём даже независимо от того, существует Творец или нет, а сами по себе, то вопрос о содержании нравственного давно уже был бы решён.

Однако этика вопрос о сущности нравственного с этой точки зрения не рассматривает (запрещено "авторитетами").

Но мы можем помочь этой прекрасной науке. Для этого достаточно вспомнить о том, что любая наука должна опираться на факты действительности, а они таковы.

В наличии имеется два варианта мировоззрения: материалистическо-атеистический и теистический.

Независимо от того, существует Бог или нет, подавляющее большинство людей считает именно Его заповеди наилучшими правилами жизни и предпочитает,

чтобы к ним относились так, как написано в данных правилах, для чего и сами стараются по возможности относиться к другим в соответствии с этими образцами должного.

Доказательством этого является тот факт, что все билли, пакты, хартии, декларации и конвенции, посвящённые правам человека, Конституция нашей страны и все основывающиеся на ней законы имеют юридическую суть, полностью соответствующую смыслу данных заповедей.

В нашей стране даже Государственный Гимн носит теистический характер: «Россия – священная наша держава», «Хранимая Богом родная земля!».

Для того, чтобы оценить силу этого аргумента, достаточно вспомнить историю, которая показывает, что прежние законодатели шли на уступки народу и закрепляли в законах народные идеалы устройства социальной жизни только тогда, когда не могли поступить иначе, поскольку в противном случае они рисковали утратить свою власть.

Именно желание сохранить свою власть побудило правителей различных государств к принятию Всеобщей декларации прав человека: «…необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»[153].

Обратите внимание на истинный мотив принятия этого документа как на пример письменной оговорки по Фрейду.

Это не стремление избавить людей от угнетения, тирании и сделать их жизнь достойной, а боязнь восстаний, революций, то есть боязнь утратить свою власть, для сохранения которой они, включая вождей социализма, согласны править даже по изложенным в Декларации правилам, которые фактически основаны на христианской морали.

---

[153] Всеобщая декларация прав человека – Декларации – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

Данные исторические факты, применимые к нашей действительности, указывают на то, что соответствие нашего законодательства Божьим заповедям является закономерным следствием того, что массовое сознание исповедует эти заповеди в такой мере, что игнорировать их в решении задач управления населением невозможно, ввиду чего законодатель и устанавливает законы, содержание которых соответствует этим святым правилам.

К тому же современный российский законодатель и сам старается руководствоваться святыми заповедями. Но это наше личное субъективное мнение, и при строгом научном подходе мы достоверно судить об этом, конечно, не можем.

Тот факт, что массовое сознание разделяет Божьи заповеди, указывает на то, что основным нравственным образцом жизни людей в нашем обществе являются именно эти правила, которые нравятся людям независимо от того, веруют они либо относят себя к атеистам.

Как видите, никакого религиозного фанатизма, никакой личной позиции, никакого навязывания веры в этом научном подходе нет. Он отражает только нейтральный научный взгляд со стороны, только объективные факты и предлагает выводы, которые основываются на этих фактах.

Неужели представители этики не могут подойти к этому вопросу хотя бы так, то есть полностью объективно, как это и следует делать учёным, которые должны непредвзято, без идеологии фиксировать объективные факты и тенденции социальной действительности?

В наличии имеется два конкретных образца мировоззрения. Народ свой выбор сделал. Законодатель тоже. Воспитатели уже много веков учат детей, в том числе и детей представителей этики, «золотому» правилу вежливости, которое заимствовано из святых заповедей.

Слово за этикой, важнейшая задача которой состоит в том, чтобы выявить наилучший из имеющихся образцов нравственного, а вовсе не в том, чтобы собирать не

совпадающие между собой по конкретным вопросам частные мнения и, пребывая в растерянности от их нетождественности, сокрушаться о том, что понятия нравственного и нравственности сформулировать невозможно.

Отдельно о материализме. Он возник как атеистическое мировоззрение, а затем вобрал в себя результаты философского осмысления действительности с естественнонаучной точки зрения. Большинство этих наработок просто **великолепны**, но (!) с самим атеизмом вообще никак не связаны и являются абсолютно от него независящими! Однако несмотря на это, они почему-то по-прежнему продолжают ассоциироваться с атеизмом…

Это последнее обстоятельство вызывает у нас удивление и непонимание хотя бы уже на том основании, что сам атеизм является ничем не обоснованным, не представившим ни одного приемлемого с научной точки зрения **объективного** доказательства своей истинности.

Единственным, **по мнению атеистов**, «мощным аргументом», который, как они полагают, якобы «доказывает» отсутствие Бога, является, эволюционная теория Чарльза Дарвина, который, если кто не знает, был верующим (!!!).

В соответствии с этой теорией в её атеистическом понимании происхождение человека связывается не с актом творения Высшего Духовного Существа, а только с природной изменчивостью живых существ (их способностью к адаптации, эволюционированию) и естественным отбором.

В данной связи мы можем представить три очень мощных контраргумента, которые полностью деактивируют, нейтрализуют этот якобы «аргумент» атеистов.

Во-первых, эволюционная теория происхождения человека объективных научных доказательств своей истинности не имеет. Да, и это неоспоримо, в природе действительно существуют изменчивость видов живых существ и их естественный отбор. Однако данная изменчивость проявляется только в рамках каждого вида отдельно и до сих пор ещё ни

разу не привела к эволюционному скачку в виде перерождения одного вида живых существ в другой.

Во-вторых, даже если предположить, что эволюционная теория Ч. Дарвина верна, то (внимание!) даже это гипотетическое обстоятельство не способно опровергнуть факт существования Бога! Кто сказал и доказал, что весь наш тончайшим образом устроенный гармоничный мир не сотворён Господом, а возник сам по себе? Никто!

По мнению современной науки, возникновение нашего мира само по себе невозможно. Следовательно, нельзя исключать и того, что происхождение человека явилось результатом эволюционирования сотворённой Богом материи.

Но атеисты с этого ракурса вопрос о происхождении человека не рассматривают и всячески избегают его. Он для их мировоззрения является весьма неудобным и фатально катастрофичным.

В-третьих, обоснование какой-либо научной позиции предполагает обязательное опровержение точек зрения её оппонентов, а атеисты, несмотря на все их старания, сделать этого до сих пор так и не смогли.

В отличие от этого оппоненты атеистов их самих опровергают: Свои чудеса Господь по-прежнему продолжает являть человечеству, а некоторые из них даруются регулярно.

Например:

• Схождение Благодатного Огня в Иерусалиме в ночь перед **православной** Пасхой.

• Поворот вспять течения реки Иордан после того, как Иерусалимский Патриарх освятит её воды на Великий праздник Крещения.

• Каждый год, примерно за 15-20 минут до наступления полуночи, в ночь с 3 на 4 декабря, накануне Святого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, распускаются вербы. И происходит это вне зависимости от того, какая на улице стоит погода и температура (дождь или снег, сильный мороз или оттепель).

• В день Успения Пресвятой Богородицы к чудотворной иконе Панагия Федуса сползаются ядовитые змеи с крестиками на головах. При этом змеи никого не жалят, а прихожане не удивляются вновь прибывшим посетителям.

• В греческом поселении Пастра на Успение Пресвятой Богородицы у иконы Богородицы Гравалотиссы зацветают сухие лилии, сорванные и принесённые ещё весной. Без воды и корней цветы вновь оживают и зацветают, при этом появляются новые бутоны.

• Ежегодно 19 августа в день, когда Православная Церковь празднует Преображение Господне, над горой Фавор, где расположен Православный Храм, появляется облако, которое осеняет и Храм, и присутствующих там людей.

• Мощи Святого Чудотворца, имя которому Спиридон Тримифунтский, периодически исчезают из раки, а когда появляются вновь, то подошва надетых на его ноги тапочек оказывается полностью стёртой, по причине чего его переобувают в новые тапочки, а старые режут на небольшие кусочки и раздают паломникам.

Все эти чудеса неоднократно подвергались самой насколько это возможно строгой научно-детективной проверке, однако никому из атеистически мыслящих учёных опровергнуть их Божественное происхождение до сих пор так и не удалось.

Особым доказательством существования Бога является такое чудо, как голос совести.

Если уважаемый читатель хотя бы раз в жизни слышал этот голос, то он уже должен знать, что Творец существует. И никакие рассуждения атеистически мыслящих психологов о том, что совесть является проявлением подсознания, опровергнуть этот факт не способны.

Подсознание всегда индивидуально, а голос совести всегда даёт одинаковую оценку одному и тому же поступку с точки зрения миллиардов людей, которые прибегают к его помощи и между собой незнакомы.

Если же предположить, что совесть действительно является голосом индивидуального подсознания, то такое тождество нравственной оценки, проводимой огромным множеством различных людей, было бы невозможно. Но ведь оно возможно, оно есть. И это факт.

Разве он, этот факт, не указывает на то, что источник голоса совести всех людей один и тот же, и находится он вне отдельно взятого человека? В христианстве голос совести – это дарованный человеку Дух Истины, посредством которого с нами говорит сам Бог.

Интересна демонстрация научной несостоятельности атеизма, проводимая **с использованием** независимых от теизма и атеизма философских наработок **материализма**.

Во-первых, эту несостоятельность можно показать с помощью таких категорий материалистической диалектики как сущность и явление, которые очень просто доказывают существование Бога. Об этом свидетельствуют являемые Господом чудеса. Ведь если Он их являет, то Он существует. Тот, кого нет, являться не может. Но если явления есть, значит, есть Тот, кто являет в них сущность.

Об этом же свидетельствует и применение материалистических категорий причины и следствия. Чудеса являются результатом. Но что является их причиной? Причина чудес в том заключается, что Господь их являет. Без Него, то есть сами, они случаться не могут, а тем более ежегодно, по установленному расписанию.

Чем же это не **научное доказательство** существования Бога и необоснованности атеизма, **проведённое** по всем правилам материалистической науки, **в основе которого** лежат *объективно* *зафиксированные* и *проверяемые* факты действительности? Опровергнуть его невозможно.

Принимая во внимание научную необоснованность атеизма, и для пользы науки представляется целесообразным оставить в материализме всё ценное, а атеизм вывести в отдельное самостоятельное мировоззренческое направление.

Мы никаких препятствий для этого не видим. Материализм как естественно-научная философия возможен и без атеизма. Его просто необходимо начать воспринимать по-новому, а именно, как естественно-научную философскую систему знаний о человеке и окружающем его мире (натурфилософию).

Что может дать выделение атеизма в отдельное самостоятельное мировоззрение?

Прежде всего, конечно, свободу научного мышления. Если говорить, например, о проблеме, существующей в понимании нравственного, то освобождение материализма от атеизма даст учёным возможность перестать игнорировать тот объективный факт, что массовое сознание и законодатель признают святые заповеди лучшими образцами должного, причём независимо от того, существует Бог или нет. А это уже очень ценный результат в виде возможности объективно и непредвзято рассматривать факты действительности, оперировать ими.

Кесарю – кесарево, атеистам – атеистическое, а учёным – свободу оперировать фактами! Свободу материализму от атеизма! И теизм такому материализму не помеха!

Они отражают различные аспекты действительности – духовный и материальный, – и противопоставлять их друг другу ненаучно.

Теизм и атеизм – вот два реальных антипода. Естественно-научная философия (натурфилософия) в этом отношении нейтральна и антиподом теизма не является. Вот почему теизм никоим образом ни естественно-научным, ни философским исследованиям не препятствует.

Подавляющее большое число известных учёных, в том числе Нобелевских лауреатов, являются верующими, но это не мешает им заниматься ни естественно-научными исследованиями, ни их философским осмыслением.

Пожалуйста, исследуйте, познавайте этот, сотворённый Господом, мир, восхищайтесь этим Его творением!

Может быть, тогда вы узнаете не только то, что он построен по строгим математическим законам, но и много другого интересного, важного и удивительного.

Пожалуйста, проводите философское осмысление материального мира, ставьте на службу человеку все полученные при этом знания и преумножайте его блага.

Теизм ничего этого не запрещает, и священнослужители сами с большим удовольствием пользуются всеми доступными для них достижениями материалистической науки.

Не отрицает теизм и материалистического понимания природы людей, которые, будучи движимыми присущими им стремлениями (§ 5.2.), необходимы друг другу (§ 6.1.), что естественно. Но он дополняет это понимание важной духовной составляющей, благодаря которой человека уже нельзя рассматривать в качестве меркантильно-эгоцентричного существа, которое относится к другим и природе исключительно с потребительской точки зрения (§ 6.2.).

Эта духовная составляющая – дарованная Господом высшая любовь, которая возвышенна, чиста и бескорыстна, способна дать силы на служение другим, на подвиг самоотречения, самопожертвования.

Приведённые выше обстоятельства со всей очевидностью демонстрируют тот факт, что теизм и освобождённый от атеизма материализм не только не противоречат друг другу, но взаимодополняют друг друга, и только совместное их применение может обеспечить решение рассматриваемых проблем, возникших на стыке трёх философий: права, морали и мотивации[154]. Без теизма решить проблему установления сущности нравственного, нравственности и субъективного права невозможно.

Каков узелочек?! Просто восторг! В нём и то, и другое, и третье, но освобождённому материализму всё ни по чём, всё по плечу, всё по силам, если он дружит с теизмом!

---

[154] См.: §§ 4.2., 4.3., 5.2., 6.1., 6.2., 7.1., 8.3., 8.4. наст. раб. (прим. авт.).

§ 8.2. Высказывания известных учёных о науке и религии

В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога.

Чарльз Дарвин (1809-1881) – автор теории эволюции.

Великое множество современных открытий полностью разрушило старые материалистические представления. Универсум предстает сегодня перед нами как мысль.

Но мысль предполагает наличие Мыслителя.

Джон Амброз Флеминг (1849-1945) – британский физик и радиотехник.

Первый глоток из сосуда естественных наук делает нас атеистами, но на дне сосуда нас ожидает Бог.

Карл Вернер Гейзенберг (1901-1976) – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии 1932 г.

Куда бы и как далеко бы мы ни стали смотреть, мы не находим противоречий между религией и естественной наукой, напротив, именно в основополагающих пунктах наилучшее сочетание. Религия и естественная наука не исключают друг друга, как это в наши дни некоторые верят или этого боятся, эти две области дополняют друг друга и зависимы друг от друга.

Макс Планк (1858-1947) выдающийся немецкий физик, основатель квантовой теории.

Не бойтесь быть свободомыслящими людьми. Если вы помыслите глубоко, то через науку обретёте веру в Бога.

Уильям Томсон (1824-1907) – физик, основоположник закона термодинамики.

Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющейся в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей логической стройности устройства вселенной и есть моя идея Бога.

Альберт Эйнштейн (1879-1955 гг.) – автор теории относительности. Лауреат Нобелевской премии 1921 г.

Не бойтесь быть независимыми мыслителями! Если вы мыслите достаточно сильно, то вы неизбежно будете приведены наукой к вере в Бога, которая есть основание религии. Вы увидите, что наука не враг, а помощница религии.

Джозеф Джон Томсон (1856-1940), английский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 г.

Чудесное устройство космоса и гармония в нём могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану Всеведущего и Всемогущего Существа.

Исаак Ньютон (1643-1727) – английский математик, физик, астроном. Основатель классической теории физики.

Всю жизнь я посвятила изучению самого совершенного органа – человеческого мозга – и пришла к выводу, что существование такого чуда невозможно без Творца.

Академик Наталья Петровна Бехтерева (1924-2008), выдающийся учёный-нейрофизиолог, руководитель Института мозга человека Российской Академии Наук.

Многие учёные верят в Бога. Те, кто говорит, что изучение наук делает человека атеистом, вероятно, какие-то смешные люди.

Макс Борн (1882-1970), немецкий физик, один из создателей квантовой механики.

§ 8.3. Нравственное и нравственность. Нравственное и его соотношение с моральным субъективным правом

Имеющиеся к настоящему времени достижения в познании нравственного и нравственности были нами представлены в §§ 4.2. и 4.3. С учётом этого в данном параграфе предлагается лишь авторское понимание этих вопросов.

Понятие нравственного.

Нравственное – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни (1) для того, чтобы эта жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского (2).

Структура понятия нравственного.

Понятие нравственного структурно включает в себя два его обязательных и неразрывно взаимосвязанных между собой содержательных блока.

Первый блок – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и **каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни**.

Выделенные в этом блоке слова определяют сущность нравственных обязанностей, под которыми следует понимать модели должного поведения (деятельности), предписываемые как подлежащие неукоснительному исполнению.

Второй блок понятия нравственного – это цель, ради которой (для достижения которой) существуют нравственные обязанности.

Обобщённая суть этой цели – обеспечение благоденствия и развития всех и каждого, процветание всего рода людского.

Именно эта цель определяет содержание нравственных прав как теоретических моделей должного, которые как образец указывают на то, какими условиями достойного существования и развития должен обладать каждый человек.

В структуре приведённого понятия нравственного нравственные обязанности поставлены на первое место не случайно. После объявления искомой цели возникает очень важный с управленческой точки зрения вопрос о том, что именно требуется для её достижения, а этот вопрос предполагает внимание к тому, каким образом люди должны взаимодействовать между собой для получения этого результата. После определения управленческих задач способы и средства их достижения всегда выходят на первое место.

Содержание нравственного.

Нравственное как представление о должном является продуктом массового народного сознания и отражает мечты людей об идеальных условиях их жизни. Эти мечты приводят к формированию представлений об идеальном устройстве их совместной жизни в социуме (в кругу друзей, семье, различных групповых образованиях, обществе, в международном общении и в масштабах всего человечества) как при личных контактах, так и при опосредованном взаимодействии, влиянии друг на друга. Но не только.

Общее представление о нравственном охватывает собой абсолютно все аспекты социальной жизни людей, от которых зависят условия их существования и развития.

Поэтому нравственное как обобщённое представление о должном находит своё выражение в достаточно большом множестве конкретизированных представлений о должном, **основными** из которых являются, например, следующие:

• *Представления об идеальном социально-экономическом и политическом устройстве и функционировании общества, его самых разнообразных институтов.*

Это, например, представление о такой системе власти, которая должна служить народу, о справедливой системе

распределения произведённых в обществе благ (особенно полученных от использования природных ресурсов), о системе справедливой оплаты труда, о системе достойного пенсионного, медицинского обеспечения и т. д., и т. п.

• *Представления о содержании справедливых законов, а также иных нормативных актов, т. е. основных и самых значимых правил жизни и деятельности, которые должны быть установлены в обществе в целях создания и поддержания достойного уровня жизни его членов.*

• *Представления об идеальных правилах личного взаимодействия людей.*

Представления о содержании идеальных нормативно-правовых установлений, а также тех идеальных правил взаимодействия, которые нормативно закреплять не принято, существуют в виде (форме) моральных прав и обязанностей, в совокупности составляющих содержание нравственных норм. Для правильного применения этих нравственных норм выработаны и используются такие особые представления о должном, которые принято называть нравственными установками и принципами.

• *Представление о правильном отношении к природе, окружающей среде, а также к поведению, деятельности, которые вносят в природу изменения.*

Природа является не личной карманной игрушкой каждого, а общей средой существования людей, всего человечества, по причине чего в отношении индивида к природе опосредованно проявляется и отношение к другим людям.

• *Представление о том, какими имеющими значение для других качествами должен обладать каждый человек.*

Поступки, поведение, деятельность человека нельзя рассматривать в отрыве от него самого, ибо именно в них он проявляет свою сущность. Она, эта сущность, и есть тот внутренний фактор, который определяет содержание поведения. Поэтому те, кто стремится добиться от человека желаемого, должны обратить особое внимание на воспитание

в нём требуемых качеств личности. Понимание этого привело к тому, что неотъемлемой частью нравственного стало представление о том, какими значимыми для других качествами должен обладать каждый человек для того, чтобы его поступки, поведение, деятельность были направлены во благо, а не во вред другим.

• *Представление об отношении к другим.*

Это представление тесно связано с предыдущим и является очень важным по той причине, что отношение к иным людям способно оказывать позитивное либо негативное влияние на поступки, поведение человека.

Понимание этого повлекло формирование таких образцов позитивного отношения к другим, которые стали использоваться как в процессе воспитании человека, так и для нравственной оценки его личности.

Для характеристики отношения к другим людям используются такие категории нравственного сознания, как, например, любовь, забота, сострадание и многие другие.

Помимо этих категорий существуют и иные категории морального сознания, которые используются в качестве нравственного ориентира и критериев нравственной оценки личности. Важнейшими из них являются, например, категории справедливости, чести, долга, патриотизма и мн. др.

• *Представление о том, какими должны быть произведения искусства и социально значимая информация.*

Процесс воспитания нравственной личности предполагает использование образцов нравственного. Лучшими его образцами являются фактические поступки, поведение, деятельность людей. Помимо этого образцы нравственного должны быть широко представлены в произведениях искусства[155], а также любой окружающей человека информации.

---

[155] Здесь произведения искусства упоминаются в самом широком их понимании, которое охватывает собой: работы художников, скульпторов, архитекторов, ювелиров, оружейников, мастеров народного творчества, различных резчиков по дереву, кости и т. д.; музыкальные произведения,

Произведения «искусства» и информация, содержащие образцы **безнравственного**, **оказывают** на человека **негативное, деструктивное воздействие** и способствуют его асоциальному поведению, деятельности. Поэтому все такого рода произведения «искусства» и информацию необходимо порицать и запрещать.

Понятие нравственности. *Нравственность*[156] – это качественный признак личности человека, его поступков, поведения, деятельности, какого-либо иного аспекта социальной действительности, означающий их соответствие нравственному как представлению о том, какими именно они должны быть для обеспечения благоденствия каждого отдельного человека и всего рода людского.

Основанием (критерием) такой оценки является соответствующий конкретный аспект нравственного как идеальной теоретической модели должного.

Так, например, человек, которому присущ такой признак его личности как нравственность, признаётся нравственным, заслуживающим уважения.

Помимо человека, к предмету оценивания с нравственной точки зрения относятся поступки, поведение, деятельность, в том числе вмешательство в природу, различные нормативные акты, установления, научные достижения, произведения искусства и иные явления культуры, информация, а также многие иные важные аспекты социальной

включая вокал; все жанры литературы и в том числе устного творчества; театр; кинематограф; хореографию (в целом искусство танца); цирковое искусство; спортивные номера с художественными элементами; работы дизайнеров (промышленных, ландшафтных, интерьерных); модельеров одежды, обуви, аксессуаров; искусство парикмахеров и грумеров; искусство макияжа и т. д., за исключением татуировок (прим. авт.).

[156] Слово «нравственн**ость**» по своей морфологии сконструировано абсолютно таким же образом, как, например, слова «твёрд**ость**», «честн**ость**», «порядочн**ость**», «образованн**ость**», и также используется для обозначения признака, характеризующего качественную отличительную черту, свойство (прим. авт.).

жизни людей, от которых зависят условия их достойного существования и развития.

В случае соответствия нравственному как представлению о должном их следует считать нравственными, нравственно обоснованными, заслуживающими одобрения.

О необходимости взаимного разграничения нравственного и нравственности.

В большинстве источников по этике и иных источниках употребляется только слово «нравственность», а слово «нравственное» не упоминается.

Данное обстоятельство привело к тому, что нравственностью в них называется всё, что угодно – и предмет оценивания, и основание его оценки с нравственной точки зрения, и результат оценивания (§ 4.3.), – а это неверно. Все они являются различными вещами действительности, и называть их одним словом «нравственность» равнозначно установлению между ними тождества, что действительности не соответствует. Поэтому для точного научного мышления данный вариант употребления слова «нравственность» является неприемлемым, недопустимым.

Особенно актуальна эта проблема терминологического характера для принятой в философии дихотомии (дуального различения) должного и сущего в контексте рассмотрения нравственных аспектов нашей жизни. Представители этики не могут не знать об этой проблеме.

В рамках данной дихотомии должное – это теоретическая модель идеального (образцового) состояния действительности, а сущее – реально существующее положение дел. Смешивать их между собой недопустимо. Они являют собой различные аспекты действительности, а нынешнее употребление слова «нравственность» приводит к их эклектичному, противоестественному отождествлению.

Совершенно иначе, т. е. уже абсолютно верно, будет выглядеть данное философское различение при использовании для его описания не одного только слова «нравственность»,

а двух слов: «нравственное» и «нравственность». Слово «нравственное» в данной парадигме будет представлять собой должное, что полностью соответствует сформулированному понятию нравственного как теоретической модели должного, а слово «нравственность» будет использоваться для характеристики сущего, указывая на реально существующий качественный признак какого-либо из аспектов объективной или субъективной действительности.

Рассматривать слово «нравственность» в качестве многозначного нет смысла не только потому, что это делает проблемной философскую дихотомию (взаимное различение) должного и сущего, но и по другой причине. В силу неопределённости значения этого пока ещё многозначного слова его употребление довольно часто приводит к эффекту эскалации неопределённости в построении рассуждений.

Особенно острой является эта проблема при использовании понятия нравственности вне конкретного контекста. Это ещё одна весомая причина, по которой многозначное понимание нравственности является неприемлемым. Любые слова и понятия всегда должны нести знание, прояснять сущность того либо иного аспекта действительности, а не привносить неопределённость в его понимание.

Во избежание этих проблем терминологического характера необходимо проведение очень чёткого разграничения между нравственным как представлением о должном, которое является критерием (основанием) процесса оценивания, и между нравственностью как результатом процесса оценивания, как признаком, означающим соответствие нравственному (идеальной теоретической модели должного).

Закрепление за словом «нравственность» своего самостоятельного значения как признака позволит устранить ещё одну непозволительную ошибку, имеющуюся в употреблении этого слова. Выше она была упомянута первой.

Данная ошибка выражается в том, что нравственностью называют даже предмет оценивания: «**нравственность** –

это **поведение** человека…»[157]. Пояснение неприемлемости такого понятия как нереального было представлено в § 4.3. настоящей работы. Нравственность является **признаком** нравственного поведения, но не самим поведением. Соответственно и наоборот, поведение не может являться своим признаком. Ни одна вещь действительности не может быть сведена к одному из своих признаков, – вещь не является своим признаком, она есть то, чему он присущ.

Теперь, после установления конкретного значения слова «нравственность», его необходимо будет использовать только для обозначения результата оценивания, что исключит возможность называть нравственностью вещи действительности, оцениваемые с нравственной точки зрения.

Можно, конечно, и не трогать этот вопрос. Ведь спортсмены повсеместно бегают не по периметру стадиона, площадки, спортзала, а «по кругу», который является фигурой площади, и ничего плохого с ними от этого не происходит. Многие, например, не чувствуют, а «слышат» приятный аромат кофе и булочек, что не мешает им посетить уютное кафе, из которого он исходит. Наружные двери открываются совершенно одинаково и в том случае, когда на них вместо «к себе» написано «на себя»[158] и так далее.

---

[157] Словарь Ефремовой Т. Ф. – URL: https://znachenie-slova.ru/нравственность (дата обращения: 05.02.2024).

[158] Направление действия, движения описывают посредством таких парных выражений, как «к себе» и «от себя». Слова «на себя» и «с себя» являются парными для другого контекста. Надеть на себя, а потом снять с себя можно, например, предметы одежды. Это общеизвестно. Так почему же на подавляющем большинстве входных дверей висит указание «на себя»? Что это, общая безграмотность? Думается, что нет. Просто люди не придают этому вопросу большого значения, а хитрые продавцы вывесок и наклеек пользуются этим, зарабатывая для себя дополнительно 20% выручки, ибо табличка «на себя» содержит на одну букву, то есть на 20% текста больше, чем надпись «к себе». Люди! Пора начинать считать свои деньги, тогда и публичная грамотность надлежащею будет! (Прим. авт.).

Но зачем, для чего мы вообще занимаемся наукой?

В частности, для того, чтобы у нас в дальнейшем не было понятий, которые ничего помимо путаницы, недоумения и разочарования не вызывают (§§ 4.2. и 4.3.).

Всё движется, всё развивается, и если настала очередь небольшого усовершенствования парадигмы нравственных аспектов нашей жизни, то сопротивляться этому процессу бессмысленно. Ростки истины уже взошли, и закатывать их в асфальт бесполезно, – могучую силу их роста ничто не удержит, – изречённое слово даже в огне не горит.

Нравственное и его соотношение с моральным правом субъекта.

Моральное субъективное право является одной из разновидностей нравственного как представления о должном.

Нравственное является более широкой категорией, которая помимо моральных прав субъекта охватывает собой его моральные обязанности, моральные нормы в целом, нравственное отношение человека к другим, представление о нравственной личности, представление о нравственных ценностях, а также критерии нравственной оценки личности, социальных явлений и другие аспекты нравственной парадигмы нашей жизни.

В завершение следует отметить, что весь этот материал по малым и не очень крупицам давно уже был представлен в литературе, кинематографе, в реалиях жизни и настолько «витал в воздухе», что нам оставалось лишь упорядочить его и собрать воедино. Новыми сформулированные понятия нравственного и нравственности могут оказаться, пожалуй, только для официальной науки. Обычным людям они вряд ли покажутся каким-то открытием.

Несмотря на ярко выраженный теистический характер предыдущего материала, в данном параграфе ничего религиозного не упоминается. Но почему? Для чего об этом так много говорилось выше? Ответы на эти вопросы приводятся в следующем параграфе.

§ 8.4. Решение проблемы в понимании нравственного и светский вариант его интерпретации

Воля Бога – это то, что мы называем законом нашей жизни. Выполнение закона нашей жизни и есть то, что мы называем нравственной истинной жизнью.

Конфуций

Понимание нравственного различными людьми является нетождественным, что определяется различным уровнем их духовного развития, различным представлением о сущности нашего мира, о происхождении и месте в нём человека и, соответственно, различным пониманием смысла жизни[159] людей.

В решении вопроса о картине мира, о месте в нём человека, о смысле жизни имеется две крайних позиции, которые весьма существенно отличаются друг от друга.

«Первая из них выражает взгляды тех, кто знает, что Творец существует, или, по меньшей мере, верит в его существование. Вторая – представляет взгляды тех, кто не приемлет этого. Соответственно этому различаются между собой и смысл жизни, и стремления представителей этих крайних позиций.

Однако подавляющее большинство населения имеет мировоззренческие позиции, которые находятся между этих двух крайних точек зрения. Чьи-то взгляды ближе к одной, а чьи-то – к другой точке зрения»[160].

---

[159] См.: *Семченков И.П.* Философия мотивации и воспитание высоконравственной личности [Текст] /И.П. Семченков /Коллективная монография на русском и англ. языках: Высшая школа – Храм культуры. В рамках программы ООН «Вклад научных сообществ» /Пан Ги Мун и др. – 3-е доп. изд. Казань: ЗАО «АБАК», 2014. С. 149.

[160] *Коровин А.А., Семченков И.П.* Философия мотивации и важное направление подготовки управленческих кадров //Современное управление: векторы развития. Сборник научных трудов международной

В подобной ситуации сформулировать некое усреднённое, универсальное понятие нравственного, которое устраивало бы всех, невозможно. Всегда найдётся кто-нибудь, кто будет думать иначе.

Кто-то будет считать ненависть, месть, пошлость, эксплуатацию, убийство, грабёж, коррупцию, предательство, развязывание агрессивной войны и геноцид вполне приемлемыми, а кто-то даже помыслить об этом для себя как о допустимом не сможет.

Что же делать, как поступить?

Во-первых, понять, что упомянутые выше негативные образцы деструктивны, ведут к деградации, взаимному уничтожению, и признать их неприемлемыми.

Во-вторых, ориентироваться на выбор массового сознания, а оно считает лучшими образцами должного наставления Бога, что было доказано в § 8.1.

И **в-третьих**, задумавшись о предназначении этики как науки, прийти к пониманию того, что её главная задача состоит не в вычислении «среднего арифметического значения» либо «средней температуры» нравственного (здесь это не работает), а в том, чтобы предложить в качестве ориентира самый лучший из существующих образцов должного.

Решение этой задачи установления (поиска) лучших образцов должного неизбежно приведёт к тому, что ими всё равно так либо иначе будут признаны преподносимые нам от имени Бога наставления, лучше которых для большинства представителей человечества ничего быть не может.

При этом они действительно являются таковыми даже вне зависимости от того, существует Бог или нет, и независимо от самого факта постановки вопроса о возможности Его существования.

научно-практической конференции. Калининград, Западный филиал РАНХиГС. 2018. С. 244.

Таким образом, следуя второму и третьему пунктам алгоритма решения вопроса о содержании нравственного, исследователь так, либо иначе, но всё равно однажды придёт к тому, что лучшими образцами нравственного как представления о должном являются заповеди любви к ближнему и иные заповеди, дарованные Господом, которые действительно являются лучшими, причём даже сами по себе, а не только потому, что нам их преподносят от Его имени.

Это означает, что нравственное должно включать в себя как те моральные нормы, соответствие которых святым заповедям является очевидным, так и те, соответствие которых этим заповедям может показаться неочевидным, но содержание которых с необходимостью вытекает из глубинного понимания Божьего промысла и его предназначения.

К числу этих последних относится, например, понимание того, что Господь не случайно разделил нас на мужчин и женщин. Ему нужны дети, в тела которых Он вселяет души и, тем самым, даёт им возможность прохождения земного пути их обучения и развития.

Таков один из важнейших базовых аспектов механизма промысла Божьего, с учётом которого естественный (предусмотренный Создателем) семейный союз всегда должен быть союзом только мужчины и женщины.

Полезен он и для живущих на Земле. Только такой союз дарит живительный и приятный обмен мужской и женской энергиями, счастье отцовства и материнства, обеспечивает заботу о пожилых родителях, передачу новому поколению полезных генетических мутаций и т. д. Иные «sOYзы" препятствуют промыслу Господа по творению душ и ведению их к счастью бесконечной жизни. Вот почему они нередко наказуемы даже в нашем мире, а не только после смерти.

Принимая во внимание вышеизложенное, понятие нравственного необходимо сформулировать следующим образом: *нравственное* – это основанное на святых заповедях Бога представление о должном с Его точки зрения, которое

предъявляет требования к тому, какими качествами должен обладать каждый человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни для того, чтобы всё это полностью соответствовало замыслу Бога, который желает нам счастья.

Вместе с тем, с включением такого понятия нравственного в учебники торопиться не следует.

В решении этого вопроса следует принять во внимание, что этика является не религиозной дисциплиной и преподаётся не в религиозных, а светских образовательных учреждениях. К тому же истинно верующих среди обучающихся и преподавательского состава не так уж и много, а у остальных участников образовательного процесса такого рода понятие может вызвать некоторое непонимание.

Помимо этого его использование неизбежно повлечёт вопросы о том, существует ли Бог, для чего Он дал нам свои заповеди и чего этим хочет добиться, в чём вообще состоит Его замысел и т. д. То есть, дальнейший анализ данного понятия превратится в занятие по изучению религии, теизма, которое будет практически таким же, как и занятия, проводимые в религиозных учебных заведениях.

Поэтому для того, чтобы такие моменты в ходе занятий по этике не возникали, желательно изложить то же самое понятие нравственного, но в светской стилистике (интерпретации). И это оказалось возможным.

Давайте вернёмся к предложенному нами светскому понятию нравственного (§ 8.3.) и посмотрим, каким образом была решена эта, на первый взгляд, непростая задача.

Нравственное – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни **для того, чтобы эта жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского.**

Отличительной чертой данного понятия является **указание на предназначение** упоминаемых в нём моделей должного (в понятии нравственного это предназначение выделено жирным шрифтом).

Именно эти слова о предназначении понятия нравственного позволили наполнить модели должного содержанием, полностью соответствующим тому представлению о должном, которое существует в массовом сознании людей.

Только благодаря данным словам понятие нравственного смогло обрести смысл своего существования, конкретику содержания и востребованность.

Без указания своего предназначения понятие нравственного так и оставалось бы неопределённым и непонятно для чего существующим. Вот в чём секрет и ключик успеха, – это постановка вопросов о том, зачем вообще необходимо понятие нравственного, чего стремятся достичь люди, формулируя данное понятие, чему должен служить сформированный идеал (образец), достижению какой именно цели.

Ответ на эти вопросы является общим: нравственное как представление о должном является продуктом массового сознания, который по своему предназначению должен отражать представления о таких идеальных обстоятельствах, которые обеспечивают достойные условия жизни подавляющему большинству представителей человечества.

Указание данного предназначения нравственного и есть тот способ, который делает это его понятие тождественным по содержанию теистическому понятию нравственного, но выглядит оно не религиозно, а уже по-светски.

Тонкость вопроса здесь заключается в том, что благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского возможно обеспечить **только** при соблюдении святых заповедей, основными из которых для этой цели являются следующие: **возлюби ближнего твоего, как самого себя (1); во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними (2).**

Никакие иные базовые установки достижение цели всеобщего благоденствия и процветания обеспечить не могут.

Поэтому **указанное** в понятии нравственного его собственное **предназначение**, будучи полностью соответствующим заповедям, **в дальнейшем начинает работать уже «самостоятельно»** и определяет именно такое содержание моделей должного, которое полностью соответствует святым писаниям, но уже без буквального их упоминания.

Благодаря этому приёму нам и удалось сформулировать в предыдущем параграфе понятие нравственного, нравственности, а также изложить иные вопросы нравственной парадигмы, формально вообще никак не упоминая при этом Бога[161], религию, теизм.

Однако при этом полученное понятие нравственного оказалось таким, которое, выражая мечты массового сознания о должном, охватывает собой только наилучшие образцы должного, а всё нечестивое оставляет за рамками истинного понимания нравственного.

Использование такого понятия нравственного, за редким исключением, найдёт положительный отклик в душе практически каждого ученика и вообще человека и никаких вопросов, уводящих в религиозную сферу, не вызовет.

Данное понятие нравственного не понравится только сатанистам, нацистам, эксплуататорам и другим им подобным начальным в своём развитии душам.

Но это их личное мнение не должно быть препятствием обретению нами счастья и в этом мире, и не только в этом.

---

[161] Идея изложения заповедей Бога в светской интерпретации заимствована из Морального кодекса строителя коммунизма. Нам также необходим светский, основанный на заповедях, Моральный кодекс. Педагоги давно сетуют на отсутствие религиозно нейтральных нравственных основ воспитания. Рекомендации по его разработке – см.: *Семченков И.П.* Предупреждение преступлений и Моральный кодекс гражданина России //В сборнике: Закон и правопорядок в III тысячелетии. Материалы межд. научно-практич. конф. Калининград, 2021. С. 72-73 (прим. авт.).

§ 8.5. Массовое сознание и его выбор правил, основанных на христианской морали

В предыдущей части книги неоднократно упоминались два тезиса, совместить (согласовать) которые друг с другом по причине кажущейся их противоречивости неподготовленному человеку без длительных размышлений довольно затруднительно.

Первый из них – это тезис о том, что индивидуальное представление о нравственном, присутствующее у отдельных индивидов, нередко является нетождественным тому пониманию, которое имеется у других людей.

Второй тезис, причём научно доказанный, отражает тот факт, что массовое сознание отдаёт приоритет тем правилам жизни, которые основаны на христианской морали, и считает именно эти правила наилучшим из существующих образцов должного с нравственной точки зрения.

Но почему при нетождественности индивидуального понимания нравственного массовое сознание в решении этого же вопроса проявляет фактическое единодушие?

Верующие люди принимают Божьи заповеди как высший образец в силу своей веры. У остальных данный выбор имеет свои особенности. Для понимания этих особенностей необходимо вспомнить о том, что человеком движет стремление жить и стремление к определённому качеству жизни, к состоянию удовлетворённости жизнью (Глава V).

По этой причине обычные порядочные люди, составляющие большинство, из всех возможных вариантов правил их совместной жизни всегда стремятся выбрать тот, который является для них наиболее выгодным и безопасным.

Самыми выгодными и безопасными являются правила, которые основаны на Божьей заповеди любви к ближнему, лежащей в основе всех нормативно-правовых документов, провозглашающих и закрепляющих права человека и иные субъективные права, наличие и соблюдение которых дают

определённые гарантии выживания (безопасности), обеспечивают определяемый ими уровень качества жизни, а также различные перспективы.

Данные обстоятельства привели к тому, что заповедь любви к ближнему, дарованная Иисусом Христом, к настоящему времени получила статус не только собственно религиозной, но уже общечеловеческой нравственной ценности.

Эта заповедь объективно является наилучшим образцом должного, который должен лежать и лежит в основе принимаемых ныне законов. Поэтому она фактически признаётся представителями не только других вероисповеданий, но даже атеистами, которые также хотят закрепления за ними субъективных прав и их соблюдения. Просто многие из атеистов не знают того, что наличием своих прав они прежде всего обязаны именно этой прекрасной заповеди.

Несогласие с данной заповедью либо её игнорирование встречаются у некоторых представителей власти. Но официально они всё равно её одобряют по причине того, что вера людьми управлять помогает (вспоминайте Н. Макиавелли), а также в силу того, что в противном случае они могут утратить свою власть (народу нужны верующие вожди, правители, а не безбожники или, тем более, сатанисты).

Некоторые «изобретают» своё особое индивидуальное понимание нравственного, трактуют нравственное в свою пользу для того, чтобы отстоять собственную выгоду в социальных конфликтах, оправдаться в глазах других людей после совершения неблаговидных поступков и т. д. Однако, когда возникает необходимость официального выбора правил жизни в обществе, и эти люди всегда соглашаются с правилами, которые основываются на Божьих заповедях. Им выгодно, чтобы **их самих** любили, заботились о них, обеспечивали возможности реализации их субъективных прав.

За эти же правила голосуют и те, кто считает для себя их исполнение необязательным и постоянно соблюдать их вообще не собирается.

Они также желают, чтобы отношение **к ним самим и их близким** было построено на основе заповеди любви.

Все эти последние категории лиц – эгоисты, которые считают для себя допустимым относиться к другим так, как им захочется, но от других они стремятся получить только самое лучшее из всех возможных отношение. И такое отношение других к ним самим является для эгоистов очень важным. Дело в том, что противостоять всем другим, если они также будут эгоистами, в социальной конкуренции за возможности реализации собственных стремлений достаточно сложно. Поэтому для них самих, как и для подавляющего большинства людей, также важно, чтобы все другие относились к ним на основе заповеди любви. Однако для этого необходимы правила и законы совместной жизни, которые основаны на христианской морали. И эгоисты будут голосовать за них именно по причине свойственного им эгоизма.

Вот почему, когда дело касается конкретной ситуации, многие трактуют нравственное как выгодно им, но когда заходит речь о тех правилах, которые должны быть установлены в обществе, то массовое сознание признаёт самыми лучшими образцами должного заповеди Бога, – подавляющему большинству населения просто выгодно, чтобы другие люди, государство заботились о них, обеспечивали им требуемые условия жизни, а без приоритета заповеди любви к ближнему и иных святых заветов это невозможно.

При этом, конечно, необходимо понимать, что указанная выше корыстная мотивация массового сознания не касается тех, кто верит в Бога или является сатанистом.

Позиция верующих, выбирающих Божьи заповеди, формируется на основе их веры, а не меркантилизма, но совпадает с выбором массового сознания и подкрепляет силу, значимость и влияние этого выбора на содержание законов.

На этом фоне мнение *остальных* на выбор массового сознания какого-либо существенного влияния оказать уже не способно. Их число является для этого недостаточным.

§ 8.6. Первое уточнение полученных понятий субъективного права

До сих пор в общем понятии субъективного права при описании закрепляемой им модели должного с нравственной точки зрения мы использовали либо открытый перечень в виде перечисления того, **«какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т. д.»**, либо более обобщённую формулировку **«должное состояние какого-либо значимого аспекта бытия субъекта права»**.

Однако теперь, к настоящему моменту исследования, появилась возможность использовать и другие варианты, например, **«какими условиями достойного существования и развития должен обладать субъект права»** либо **«какими условиями реализации нравственно позитивных стремлений должен обладать субъект права» и др.**:

- субъективное право – это нравственное правило, определяющее, **какими условиями достойного существования и развития должен обладать субъект права**;

– субъективное право – это нравственное правило, определяющее, **какими условиями реализации своих нравственно позитивных стремлений должен обладать субъект права**;

– субъективное право – это основанное на **святых заповедях** правило, определяющее, **какими условиями своего достойного существования и развития должен обладать субъект права**;

– субъективное право – это основанное на понимании глубинной сути **Божьего промысла** правило, определяющее, **какими условиями реализации Богоугодных стремлений должен обладать субъект права**.

Второе и третье уточнение понятий прав субъекта проводится после установления сущности должного и дополнительных аспектов прав и обязанностей (§§ 10.3., 11.1.).

§ 8.7. Особенности преподавания нравственного, нравственности и субъективного права

Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного. Где нет простоты, там одна пустота.

Амвросий Оптинский

Самый верный признак истины – простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна.

Лев Толстой

Рассмотрение содержания нравственного и сущности субъективного права как его разновидности с позиции атеистической точки зрения бесперспективно. Следуя этим путём, мы опять должны будем вернутся к тому пониманию «морального» субъективного права, которое было получено в § 6.1. Такое «право» по своей сути является далеко не моральным, а меркантильно-эгоцентрическим «правом», неспособным объяснить даже право на жизнь и дающим основание для уничтожения ненужных людей, развязывания агрессивных войн и геноцида (§ 6.2).

Столкнувшись с этой проблемой, творчески мыслящий преподаватель однажды всё равно придёт к пониманию того, что её решение возможно только на основе теистического подхода (§ 7.1.), и никаких иных пригодных для этого альтернативных вариантов не существует.

Каким образом следует решать вопрос о преподавании тем, кто в Бога не верит, показано в §§ 8.1., 8.4. Для этого достаточно принять в качестве объективного факта (и не более) то обстоятельство, что наставления Создателя являются наилучшими образцами должного сами по себе и вне зависимости от постановки вопроса о том, существует Он или же нет. Такой подход сможет обеспечить не только решение проблемы установления сущности нравственного, нравственности и субъективного права.

Помимо этого он не будет создавать никакого внутреннего мировоззренческого дискомфорта и не потребует публичной демонстрации (обнародования) своей собственной позиции, в чём бы она не выражалась.

Принятию по данному вопросу верного решения может помочь приведённое в §§ 8.1. и 8.4. понимание того, что **главная задача этики состоит в том, чтобы выявить наилучший из существующих образцов нравственного**, **а не в том**, чтобы собирать несовпадающие между собой частные мнения и, пребывая в растерянности от их нетождественности, сокрушаться о том, что понятия нравственного и нравственности сформулировать невозможно.

С упоминания именно этой главной задачи мы предлагаем начинать рассмотрение вопроса о предназначении этики и содержании нравственного.

Те, кто не согласен с нашей позицией, выражающей мнение большинства представителей человечества, могут предварять рассмотрение содержания нравственного иначе, а именно, посредством приведения ранее упоминавшихся в § 4.2. высказываний К.Д. Кавелина, И.П. Николина и А.А. Гусейнова: «На поверку выходит, что **нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное**»[162]; «Несомненно, что **нравственные понятия людей** сильно **различаются**, а иногда и **противоречат друг другу**»[163]; «**мораль** говорит не о том, о чём она говорит, что безусловная категоричность её требований **не может быть никак обоснована**… Мораль продолжает функционировать во всей своей "фальши", "отчуждённости", "лицемерии"»[164].

---

[162] *Кавелин К.Д.* Задачи этики. Учение о нравственности, при современных условиях знания. С.-Петербург. 1885. С. 6.

[163] *Николин Ив.* Что такое нравственность? Москва. Университетская типография. Страстной бульвар. 1908. С. 19.

[164] *Гусейнов А.А.* Этика и мораль в современном мире. Этическая мысль: современные исследования. – URL: https://fil.wikireading.ru/4567 (дата обращения: 07.02.2024).

Но о чём можно говорить после этого?

В написании такого рода лекций или учебников, как неспособных ответить на вопрос о содержании нравственного, а, следовательно, и о сущности морального субъективного права как его разновидности, мы никакого смысла не видим.

После приведения данных высказываний авторы таких лекций и учебников буквально на следующей странице будут просто обязаны честно признаться в их бесполезности и, поставив точку, прекратить их написание. Такие материалы (источники), отражающие историю незнания и заблуждений, нужны преимущественно историкам науки, а также исследователям, которые не желают повторять ошибки прошлого. Что же касается учеников, то им прежде всего необходимы конкретные знания и лишь после этого краткая версия истории незнания и заблуждений (к сведению).

Опубликование данной работы должно повлечь весьма существенное переосмысление сложившейся к настоящему времени манеры преподавания этики, теории и философии права в той их части, которая касается содержания преподносимого ими образовательного материала.

Эта манера характеризуется использованием неопределённых по смыслу либо основанных на подмене тезиса понятий, которые, к тому же, зачастую являются неверными.

Вследствие этого образовательные материалы данных дисциплин оказались сильно перегруженными историей незнания и псевдофилософствованием, которое призвано завуалировать и хотя бы как-то «компенсировать» отсутствие конкретных ответов на конкретные вопросы, т. е. псевдофилософствованием, создающим лишь видимость истинного понимания действительности.

Из этого псевдофилософствования необходимо будет очень тщательно отобрать присутствующие в нём крупицы истины, а остальное – исключить. Благодаря этому объём философского блока теории права станет намного меньше, но пользы от него будет намного больше. Оставшиеся после

такой «чистки» истинные философские тезисы будут способствовать формированию уже правильной картины действительности, правильного мышления учеников.

Утрате актуальности существующего образовательного материала в немалой мере будут способствовать и сами обучающиеся, которые после ознакомления с данной работой научатся по достоинству оценивать предлагаемые им понятия, начнут задавать неудобные вопросы и сопоставлять то, чему их учат, с результатами нашего исследования.

Совокупность данных обстоятельств так либо иначе, но всё равно заставит педагогов задуматься о целесообразности перехода на тот минимально необходимый уровень владения материалом, который определяется содержанием данной книги.

Будем рады, **если** в процессе такого перехода **наши** базовые **наработки будут усовершенствованы, избавлены от возможных недочётов, ошибок и выведены на ещё более глубокий и тонкий уровень понимания** нравственного и субъективного права (одному человеку за два с небольшим года написать такую многогранную работу без недостатков даже с точки зрения теории вероятностей попросту невозможно: по подсчётам ИИ – всего 4,6 %). **Бог Вам в помощь!**

P. S. Рекомендации по преподаванию основ психологии здесь не приводятся. Надеемся, что представители этой замечательной науки сами смогут внести в свои образовательные материалы коррективы, поясняющие, что движущими силами человека являются не потребности (необходимость), а именно стремления.

Также надеемся на то, что не возникнет серьёзных проблем в понимании, объяснении общих принципов действия механизма мотивации, функционирование которого построено на наличии стремлений, порождающих соответствующие этим стремлениям и ситуации потребности как **задачи**, возникающие в процессе реализации стремлений, **решение** которых является необходимым условием их реализации.

ГЛАВА IX. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Преамбула

При изложении содержания данной работы мы не стремились продемонстрировать сразу все полученные нами результаты и сразу переписать всё, что определяется этими результатами. Полученные достижения мы представляли вниманию читателя постепенно, вначале подготавливая его к восприятию нового материала, и лишь после этого предлагали новое понимание соответствующих вопросов.

Во многих случаях такая подготовка выражалась не только в предоставлении новой информации в уже готовом виде, а в предварительном рассмотрении какой-либо проблемы, результаты решения которой позволяют по-новому взглянуть на существующие теоретические разработки и создают основу для нового подхода к их пониманию.

К настоящему моменту мы подошли к рассмотрению следующих новых аспектов **понимания и применения** термина «субъективное право». Но этот материал также требует предварительной подготовки к его восприятию, и это как раз ещё один случай предварительной работы, предполагающей решение очередной проблемы.

В плане этой подготовки необходимо решить проблему ошибочного понимания **сущности субъективной обязанности** и только после этого доводить до сведения читателя результаты исследования очередных новых вопросов.

Поэтому установление сущности субъективной обязанности не следует рассматривать в качестве выхода за рамки названия данной книги и предмета представляемого в ней исследования. Это всего лишь одна из множества тактических задач нашей работы по установлению сущности субъективного права и обеспечению правильного практического применения его понятия.

§ 9.1. Неприемлемость понятия субъективной обязанности как необходимости должного поведения

Некоторые авторы рассматривают субъективную обязанность как «**необходимость** должного поведения»[165].

Особенность этой точки зрения заключается в том, что значение ключевого слова, используемого для характеристики обязанности, то есть слова «необходимость», в ней не поясняется, а это слово является довольно непростым, – оно многозначно.

Так, например, в философии под необходимостью как парной категорией тому, что называют случайностью, подразумевается: «вещь, явление в их всеобщей закономерной связи; отражение преим. внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности, основных направлений её развития; выражение такой ступени движения познания в глубь объекта, когда вскрываются его сущность; закономерность; способ превращения возможности в действительность, при котором в определённом объекте имеется только одна конкретная возможность, превращающаяся в действительность»[166].

Ни одно из этих значений слова «необходимость» для характеристики обязанности не подходит (кстати, надеемся, вы тоже заметили, что единственным реальным и конкретным из них является понимание Н. как закономерности).

Не решает данную проблему и более детальная философская характеристика необходимости: «Н., выражающая объективно существующие стороны и связи природы, общества; Н., выражающая объективно существующие стороны

---

[165] *Марченко М.Н.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 135.

[166] Философский энциклопедический словарь (1983). Необходимость и случайность. – URL: https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/297/neobhodimost-i-sluchajnost.htm?ysclid=milqylxcb4384273 (дата обращения: 04.11.2025 г.)

и связи идеальных явлений; внутр. Н., вызванная к жизни природой самих явлений и процессов объективного мира; внешн. Н., порождаемая привходящими обстоятельствами; Н. более общего, фундаментального порядка, действие которой распространяется на сравнительно широкий спектр, круг явлений действительности; Н. менее общего порядка, действие которой охватывает сравнительно узкий круг явлений; сложная Н., определяющая поведение совокупности объектов, которая выражается статистическими закономерностями; простая Н., определяющая поведение индивидуальных макрообъектов, выражающаяся динамическими закономерностями; Н., управляющая явлениями действительности, …»[167].

В психологии слово «необходимость» используется для описания потребности. Например: «**Потребность** как биологическое понятие выступает перед нами как объективная **необходимость**…»[168]; «**Потребность** – это испытываемая человеком **необходимость**…»[169]; и так далее.

Оспаривать мотивационный аспект обязанности мы не будем, поскольку обязанности действительно являются одним из факторов, которые мотивируют поведение, – они для этого и предназначены. Однако такой подход уводит рассмотрение сущности обязанности в сферу психологии, а нам необходимо дать **правовую** характеристику обязанности.

Какие-либо иные значения слова «необходимость» авторы рассматриваемого понятия обязанности как необходимости также почему-то не приводят, не предлагают.

Принимая во внимание данные обстоятельства, понятие обязанности как **необходимости должного поведения** следует признать не до конца проработанным, недостаточно определённым, а, значит, и неприемлемым.

---

[167] Там же.

[168] *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000. С.277.

[169] *Еникеев М.И.* Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М, 1999. С.192.

§ 9.2. Неприемлемость понятия субъективной обязанности как вида и меры поведения

«В советской правовой доктрине сформировался взгляд на юридическую обязанность как на нечто диаметрально **противоположное** субъективному праву и при этом полностью соответствующее ему. Из этого делался вывод о том, что обязанность можно изучать, взяв учение о субъективных правах и подставив к нему знак "минус"»[170]. «Сущность обязанности при помощи **противопоставления** может быть непосредственно **выведена из сущности субъективного … права**»[171]; «юридическое право и юридическая обязанность **противоположны по содержанию**»[172].

Следуя данной логике, многие авторы берут за основу понятие субъективного права **как вида и меры дозволяемого поведения**, после чего заменяют в этом понятии слово «дозволяемое» на слова «должное», «требуемое», в результате чего у них получается, что обязанностью является **вид и мера должного**, **требуемого поведения**, например: «Сравнивая между собой субъективные права и субъективные юридические обязанности, подчеркнём: если содержанием первых является мера **допустимого, дозволенного** поведения, то содержание вторых – мера **должного, обязательного** поведения»[173].

---

[170] *Иванов Э.И.* Понятие юридической обязанности //Марийский юридический вестник. 2012. Вып. 9. С.108.

[171] *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву //Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 562.

[172] *Солодовниченко Т. А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Омск, 2016. С.9.

[173] *Марченко М.Н.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 136. Также см.: *Иванов Э.И.* Там же; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. Юристъ, Москва. 2004. С. 96, 191 и мн. др. работы.

Ключевыми словами, которые указывают на **неприемлемость** такого понимания сущности обязанности, являются **«вид»** и **«мера» поведения**. В подтверждение данной оценки можно привести следующие пояснения.

Поведение (деятельность) – это реальные поступки человека. Вид поведения – это реальная разновидность реальных поступков, реальной деятельности людей, а мера поведения – реальные пределы этих реальных поступков, деятельности.

Однако ни один вид реально осуществляемого поведения (деятельности), в каких бы пределах он ни осуществлялся, субъективной обязанностью быть не может. Для этого достаточно принять во внимание следующие тезисы, содержание которых определяется анализом контекста действия обязанности, а также иными аргументами.

Во-первых, и это было показано в предыдущем параграфе, обязанность, будучи включённой в общую схему мотивации, представляет собой то, что побуждает к реальному поведению определённого вида и в определённых пределах. Однако средство побуждения к поведению и само поведение нетождественны, из чего следует, что обязанность не является ни самим поведением, ни видом или мерой поведения.

Во-вторых, что связано с первым, обязанность есть то, что предписывает определённое поведение, его вид и меру, а само это поведение есть то, что предписывается обязанностью. И с этой точки зрения обязанность является нетождественной предписываемому ею поведению.

В-третьих, обязанность может существовать и при отсутствии реального поведения, которое предусматривается обязанностью (в таких ситуациях принято говорить о неисполнении обязанности). Но если обязанность представляет собой нечто такое, что может существовать при отсутствии предписываемого ею поведения, то она и предписываемое ею определённого вида и меры поведение являются различными вещами действительности.

Таких несовпадений сущности, с одной стороны, обязанности, и, с другой стороны, вида и меры предписываемого ею поведения на самом деле ещё достаточно много. Однако мы переходим к более тяжеловесным аргументам.

Четвёртое. Реализация метода предписания (вменения обязанности) проводится путём указания в соответствующей норме какой-либо модели требуемого поведения, а реальное поведение, его реальную разновидность или его реальные пределы «вставить» в правило как теоретическую модель должного невозможно. Норма может содержать только теоретические **модели** поведения, деятельности, **описание** их вида и меры (объёма, пределов), но не сами эти реальные виды поведения, деятельности и их меру.

Пятое. Обязанность представляет собой **средство** правового регулирования. Поэтому, если понимать под обязанностью **вид и меру реального** поведения, которое является **предметом** правового регулирования, это неизбежно повлечёт отождествление средства и предмета правового регулирования, что действительности не соответствует, искажает её правильное восприятие и потому является недопустимым, неприемлемым.

Шестое. Имеет смысл сказать несколько слов о **логике** *выведения* сущности обязанности из сущности субъективного права, *проводимого* на основе их противопоставления как противоположностей, **посредством которой** подавляющее большинство авторов до сих пор пытается решать вопрос о сущности обязанности (см. начало этого параграфа).

Против сути этой логики в той её части, которая представлена **выведением** сущности субъективной обязанности из сущности субъективного права, мы не возражаем.

Почему бы и нет?

Вызывает сомнения вторая часть данной логики, которая предполагает, что это выведение должно осуществляться на основе **противопоставления** прав и обязанностей как **противоположностей**.

В чём конкретно состоит их противоположность? Где аргументы? Их нет, однако при этом все соглашаются с тем, что обязанность представляет собой средство обеспечения субъективного права. Но разве средство обеспечения является противоположностью обеспечиваемого? Конечно, нет.

Средство обеспечения должно соответствовать своей функции обеспечения, то есть должно сочетаться с обеспечиваемым, а не противопоставляться ему.

Как вообще в данном случае может работать **логика противопоставления противоположностей**?

Очень похоже, что никак. Видимо поэтому суть этой логики применительно к установлению сущности обязанности никто детально и не поясняет. Данная логика просто провозглашается, но никакой реальной функции не выполняет, а логическое выведение сущности обязанности из сущности прав субъекта проводится совсем иначе. Судите сами.

Для логического выведения сущности обязанности из сущности субъективного права путём их противопоставления как противоположностей необходимо взять понятие субъективного права и, опираясь на него как на основу, сформулировать понятие с полностью противоположным содержанием. Но так ли это было сделано? Нет, не так.

Взяв за основу понятие прав субъекта **как вида и меры** дозволяемого **поведения**, авторы сделали вывод о том, что обязанность **также** представляет собой **вид и меру** должного **поведения** (см. начало данного параграфа).

Но разве это противоположные по своему содержанию понятия? Разумеется, нет.

Как в первом, так и во втором случаях речь идёт об одном и том же – о виде и мере поведения (суть одна и та же). О каком **противопоставлении** субъективных прав и обязанностей как **противоположностей** можно говорить в такой ситуации? Вопрос этот, конечно, является риторическим.

Единственное отличие данных понятий состоит в упоминаемом в них методе правового регулирования.

Во взятом за основу понятии субъективного права упоминается метод **дозволения**, а в понятии обязанности указан метод **предписания к неукоснительному исполнению**.

Но этого отличия упоминаемых методов правового регулирования недостаточно для противопоставления субъективных прав и обязанностей как противоположностей.

Противоположности должны иметь **полностью противоположным всё свое содержание**, а выше было показано, что наличие у них общих моментов, **их сути**, значительно превышает нетождественность заложенных в них методов правового регулирования.

Но каким образом в таком случае было получено это понятие обязанности?

Каким именно образом применялась для его получения логика выведения сущности обязанности из сущности субъективного права?

Об этом следует спросить у авторов такого понятия обязанности, но они этот момент поясняют посредством одного лишь упоминания неприменимой к решению данной задачи логики, основанной на противопоставлении прав и обязанностей как противоположностей.

Вместе с тем, несмотря на то, что ответ на данный вопрос в источниках не приводится, **некоторые соображения по этому поводу** у нас всё же имеются.

Во-первых, в основе логики выведения сущности субъективной обязанности из сущности субъективного права лежит понимание того, что субъективные права и обязанности являются средствами правового регулирования.

Во-вторых, предмет правового регулирования у них один и тот же (поведение, деятельность человека).

В-третьих, сопоставление этих двух исходных посылок указывает на то, что права и обязанности субъекта по своей природе, своей сущности должны быть одинаково пригодными для регулирования одного и того же предмета правового регулирования. Согласны?

Если согласны, тогда становится очевидным, что они должны быть одной (однотипной, общей) природы. То есть, если право субъекта является, например, видом и мерой поведения, то соответственно и субъективная обязанность также должна быть видом и мерой поведения.

Судя по всему, а иных вариантов здесь попросту не существует, именно эти соображения и привели к тому, что обязанностью стали называть вид и меру поведения.

Но данные соображения присутствовали у авторов такого понимания обязанности на интуитивном уровне, без соответствующих конкретных мыслеформ, ибо только так можно объяснить причину, по которой они фактически использовали именно эту, а не иную логику, однако оставили её без пояснения и дали этой логике неподходящее для неё название противопоставления противоположностей.

Сказанное выше указывает на то, что выведение сущности обязанности из сущности субъективного права действительно возможно, но не посредством противопоставления субъективных прав и обязанностей как противоположностей, а, как раз наоборот, путём их рассмотрения как однотипных (родственных) категорий, которые совершенно одинаково характеризуются как средства правового регулирования поведения и деятельности человека.

Вместе с тем одной только правильной логики для установления сущности обязанности на основе сущности субъективного права ещё недостаточно.

Важным условием выведения сущности субъективной обязанности из сущности субъективного права является наличие правильного понимания сущности самого субъективного права, ибо, если за основу будет взято неправильное его понимание, то неправильным окажется и полученное представление о сущности субъективной обязанности, что, собственно, и произошло.

Для установления сущности обязанности было использовано понятие прав субъекта как вида и меры поведения,

которое является неверным (1.2.2., 1.4.1.). В такой ситуации, то есть, опираясь на изначально неверную исходную посылку, получить правильное понимание сущности субъективной обязанности невозможно даже с использованием абсолютно правильных логических рассуждений.

Данное обстоятельство являет нам ещё одну причину, по которой понимание обязанности как вида и меры поведения не может быть признано приемлемым: в основе его получения лежит изначально неверная исходная посылка.

Седьмое. Подводя итоги того, каким образом до настоящего времени проводилось установление сущности обязанности, следует отметить ещё одно обстоятельство.

Несмотря на неправильные объяснение и название фактически использованной для этого логики выведения сущности обязанности из сущности субъективного права, эта логика сама по себе никаких особых нареканий в свой адрес не вызывает.

Это означает, что, если руководствоваться данной логикой, но взять за основу уже правильное понятие субъективного права, то данная логика должна привести к получению уже правильного понимания субъективной обязанности.

Если теперь перейти к правильному пониманию сущности субъективного права, то в самом общем виде под ним следует понимать **представление о должном**, то есть **теоретическую модель должного**, определяющую, какими условиями своего существования и развития должен обладать человек (§§ 2.2. и 8.6.).

В соответствии с данным пониманием субъективного права под субъективной обязанностью следует понимать уже **не вид и меру** реального **поведения**, **а** также именно ***теоретическую модель должного*** *поведения (деятельности), исполнение которой предписывается лицу в качестве неукоснительного.*

Ещё один способ установления сущности обязанности рассматривается в следующем параграфе.

§ 9.3. Установление сущности субъективной обязанности. Лингвистический подход

В предыдущем параграфе был продемонстрирован логический способ установления сущности субъективной обязанности посредством логического выведения её сущности из сущности субъективного права.

Применение этого способа основывается на понимании сущности субъективного права (1), на представлении о том, что субъективные права и обязанности имеют однотипную природу (2) как средства правового регулирования (3) одного и того же предмета правового регулирования (4).

В отличие от этой многофакторной логики в данном параграфе установление сущности субъективной обязанности проводится посредством простого и понятного метода установления функционального значения слов и терминов, который ранее уже применялся для установления сущности субъективного права и хорошо знаком, понятен читателю.

Важным достоинством данного метода является его абсолютная независимость от вообще каких бы то ни было правовых воззрений, что позволяет использовать его не только для независимого решения вопроса о сущности субъективной обязанности, но и для проверки ранее полученного понимания того, что она собой представляет.

В данном конкретном случае суть этого метода заключается в установлении того смысла, который вкладывается в употребление слова «обязанность» в повседневном жизненном обиходе.

Для применения данного метода достаточно вспомнить, например, о том, каким образом происходит устройство человека на работу и его ознакомление с профессиональными обязанностями работника и обязанностями по соблюдению правил безопасности.

Выражается вся эта простая процедура в том, что такому лицу объясняют, **что** именно от него **требуется** по его

работе и соблюдению техники безопасности. То есть объясняют, **что он должен делать** и **чего делать не должен**. Это «**что**» в совокупности с **«требованием»** и есть его **обязанности**, под которыми подразумеваются **модели требуемого, должного поведения (деятельности)**, **которые предписываются к их неукоснительному исполнению**

Отвечая на вопрос о том, в чём состоит какая-либо обязанность, любой нормальный человек начинает перечислять модели поведения (деятельности), которые указаны в предписываемой ему для исполнения модели должного.

Далее. В чём выражается неисполнение обязанности?

В том, что лицо не выполняет то, **что указано в предписываемой ему для неукоснительного исполнения модели требуемых поведения, деятельности**.

Таким образом получается, что *субъективная обязанность – это теоретическая модель должного поведения либо должной деятельности, исполнение которой предписывается в качестве неукоснительного*.

В обязанности как теоретической модели должного поведения (деятельности) неразрывно соединяются два её ключевых аспекта: модель, описание (1) требуемого поведения (деятельности) и требование (2) неукоснительного исполнения этой модели.

Данное понимание сущности обязанности полностью соответствует как тому пониманию, которое было получено посредством логики выведения сущности субъективной обязанности из сущности субъективного права (§ 9.2.), так и пониманию сущности субъективной обязанности как неотъемлемой части представления о нравственном (§ 8.3.).

Надеемся, что такое совпадение полученных результатов особо подробных комментариев не требует.

Если три различных, никак не связанных между собой способа решения какой-либо проблемы приводят к одному и тому же результату, то это обстоятельство свидетельствует об очень высокой степени достоверности этого результата.

§ 9.4. Метод правового регулирования, используемый для конструирования понятия обязанности

В полученном понятии субъективной обязанности как средства правового регулирования заложен один единственный метод правового регулирования. Это **метод предписания** определённых моделей поведения, деятельности к их неукоснительному исполнению.

Обязанность как модель предписываемого к неукоснительному исполнению поведения (деятельности) может предписывать (требовать) как активное (1), так и пассивное поведение (2). Эта последняя (вторая) разновидность метода предписания называется запретом.

В подавляющем большинстве источников отмечается, что предписание и запрет являются двумя самостоятельными, различными методами правового регулирования. Но это не так. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно попробовать объяснить, в чём состоит сущность запрета.

Запрет – это **предписание**, правило, требование, указание, директива, приказ, указ, распоряжение, повелевание (все эти слова имеют в данном контексте одно и то же значение), которые в категоричной форме **предписывают** неукоснительное к исполнению **воздержание от совершения** указанных в них в качестве моделей действий.

В рамках имеющихся в нашем распоряжении языковых средств объяснить сущность запрета каким-либо иным образом попросту невозможно.

Опровергать понимание метода запрета как разновидности метода предписания при помощи словарей бесполезно. В предыдущей части исследования мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что они зачастую приводят неправильные по смыслу варианты употребления отдельных слов, а особенно в тех случаях, когда необходимо пояснять значения слов из сферы специальных знаний.

ГЛАВА X. СУЩНОСТЬ ДОЛЖНОГО

Преамбула

К настоящему моменту исследования в той его части, которая посвящена установлению сущности субъективного права как теоретической модели **должного** с нравственной точки зрения, остался неисследованным вопрос о том, что именно представляет собою должное.

Ранее результаты его рассмотрения мы представить не могли, поскольку для этого **необходимы** наработки, которые были получены уже после общего принципиального решения вопроса о сущности субъективного права как теоретической модели должного (§ 2.2.):

– мотивационная теория стремления (5.2.1.) и правильное понимание общей схемы механизма мотивации (5.2.3.);

– природа человека и механизм общественного соглашения об установлении правил совместной жизни (§ 6.1.);

– теистический уровень понимания сущности субъективного права (§§ 7.1., 7.2.);

– понятие нравственного (§§ 8.3., 8.4.);

– объяснение причин, по которым массовое сознание выбрало и будет выбирать правила совместной жизни, основанные на заповеди любви к ближнему (§ 8.5.).

При этом также следует учитывать и то, что слово «должное» фигурирует в понятии не только субъективного права, но также нравственного и субъективной обязанности, по причине чего решение вопроса о сущности должного представляется целесообразным проводить сразу для всех этих понятий одновременно. Однако понятие обязанности было дано только в предыдущей главе, с учётом чего такое одновременное пояснение сути должного и стало возможным только в этой части исследования.

§ 10.1. Сущность должного как такового

Как ни старайся, воду в решете не принесёшь и песню молча не исполнишь. Без **должных (соответствующих, требуемых, необходимых)** средств достигнуть **должной** (**желаемой, искомой, необходимой**) цели невозможно.

Вот почему все те, кто хочет что-то сделать, получить, **должны (обязаны)** иметь в виду особенность решаемой задачи, которая специфику тех **должных** средств определяет, **которые необходимы, требуются** для её решения.

Но прежде образ **должной (необходимой**) цели **необходимо** (**до́лжно)** нам сформировать, которая дальнейшие шаги **как руководство (правило)** определять нам будет.

Известна эта истина уже давно, но есть у аксиомы этой и второе имя. У теоретиков от философии уклончиво **долженствованием** она зовётся. Проблема в том лишь остаётся, что аксиому эту они на **должном (соответствующем, требуемом)** уровне пока не сознают, и **должное** у них абстрактным идеалом признаётся. Но нам **потребно (следует, необходимо, до́лжно)** знать конкретные нюансы.

Именно их установить **должны (обязаны**) мы для того, чтобы ответить на вопрос о том, что **должное (необходимое, искомое, желаемое, требуемое, соответствующее) как образец** собою представляет.

Цель нашей книги всё это как **должное (необходимое)** предполагает, а значит, **до́лжно** нам, **то есть необходимо (требуется)**, с вопросом этим разобраться. И **от обязанности** этой **как от должного** негоже уклоняться.

Но если мы **должны (обязаны) необходимое**, что в том числе и **должным** называется, исполнить, и **должное** как **требуемый образец** на **должном (соответствующем, необходимом) уровне** конкретно разъяснить, то просим обратить внимание на то, что данное эссе **уже** ответ на сей вопрос фактически содержит**: суть должного определяется конкретной целью и спецификой решаемой задачи.**

Под должным мы подразумеваем: образ цели; сам факт необходимости решения задачи; средства необходимые её решения; обязанность, а также обязательность чего-либо как таковую и как закономерность; необходимое; исходный образец, что требования предъявляет как правило, которым руководствоваться необходимо; всё то, что требуется, а также соответствие обозначает. Вот что нам до́лжно (следует, необходимо, требуется) знать: **для каждой ситуации и цели у должного своё имеется значение.**

Подробнее о целях. Так, если кто-то любит сотворённый Богом мир и все Его Творения, то должного искомый образец имеет он Богоугодный: в любви должны жить люди и согласии друг с другом и природой. И правила их должной жизни им должным образом необходимо составлять.

Однако, если кто-то хочет лишних уничтожить, сократить, чтобы в богатстве жить, имея рядом лишь обслугу, то для него и должное будет совсем иным, и средства должные для достижения и поддержания такого должного должны уже другими быть.

Зависит всё от цели и от точки зрения. Вот почему раб и хозяин по-разному о должном рассуждают. И даже меж рабов единство мнений не всегда бывает. Одни систему рабства должной полагают. Не нравится им только собственное положение, которое сменить они на роль хозяина мечтают. Другие мыслят должным равенство возможностей, свободу, братство. Поэтому и средства должные реализации их должных целей должны весомо отличаться.

Но если должного исходный образец определён, то далее предписывает он его неукоснительное (обязательное) соблюдение. Иначе смысла нет в нём, – вот зачем он нужен, ведь он необходимостью рождён, возникшей на пути к желаемой, искомой (должной) цели, и средством должным (необходимым, обязательным) для достижения её является.

За стиль параграфа примите извинения, но он позволил глубже, чем словарь, для «должного» установить значение.

§ 10.2. Должное в контексте нравственного

Нравственное – это представление о **должном**, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами **должен** обладать человек, как он **должен** относиться к другим людям, и каким образом люди **должны взаимодействовать** в их социальной жизни **для того, чтобы эта жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского.**

Если вставить в это понятие подходящие для него значения слова «должное», полученные в предыдущем параграфе, то в итоге можно предложить, **например**, следующее развёрнутое понимание нравственного.

Нравственное – это представление о **должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, которое как исходный образец, как правило, которым руководствоваться необходимо, предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами **должен** обладать каждый человек (какие качества необходимо, следует, требуется иметь человеку, какие качества он обязан иметь), как он **должен** относиться к другим (как человеку необходимо, следует, требуется относиться к другим, каким образом человек обязан относиться к другим), **и каким образом люди должны взаимодействовать** в их социальной жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой, каким образом люди обязаны взаимодействовать между собой) **для того, чтобы их жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского**.

Приведённые выше исходное и расширенное понимание нравственного как представления о должном, позволяют дать развёрнутую характеристику и субъективного права как теоретической модели должного с нравственной точки зрения. Основанием для этого является тот факт, что моральное субъективное право и идеальное субъективное

право (законодательно закреплённое моральное субъективное право) являются разновидностью нравственного (см., например, о нравственном и его соотношении с моральным правом субъекта в § 8.3.).

§ 10.3. Должное в понятии субъективного права

Субъективное право – это **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, которое как исходный образец, **как правило**, **которым руководствоваться необходимо**, **предъявляет требования к тому**, **какие условия существования, развития полагается иметь** и **необходимо обеспечить субъекту права** для того, чтобы его жизнь была достойной и соответствовала нравственному идеалу благоденствия, процветания всего рода людского.

Это базовый вариант понятия субъективного права как представления о должном, который сформулирован без учёта мотивационной теории стремления и теизма, лежащих в основе истинного и одновременно наиболее оптимального понимания нравственного.

Иные, то есть более глубокие по смыслу и специализированные (с особыми акцентами) варианты понятия субъективного права как представления о должном с нравственной точки зрения приводятся ниже.

Субъективное право – это **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, **которое** как исходный образец, как правило, которым руководствоваться необходимо, **предъявляет требования к тому**, **какие условия реализации нравственных стремлений полагается иметь** и **необходимо обеспечить** субъекту права для того, чтобы его жизнь была достойной и соответствовала идеалу благоденствия всех и каждого, процветания всего рода людского.

Субъективное право – это основанное на понимании глубинной сути **Промысла Бога представление о должном** (требуемом) с Его точки зрения состоянии действительности, **которое** как правило, которым руководствоваться необходимо, **предъявляет требования к тому, какие условия реализации нравственно позитивных стремлений полагается иметь и необходимо обеспечить** субъекту права для того, чтобы его жизнь соответствовала заповеди любви к ближнему и в целом всему замыслу Бога.

Субъективное право – это основанное на понимании глубинной сути **Промысла Бога представление о должном** (требуемом) с Его точки зрения состоянии действительности, **которое** как исходный образец, как правило, которым **руководствоваться необходимо**, **предъявляет требования к тому, какие условия реализации богоугодных стремлений полагается иметь** и **необходимо обеспечить** субъекту права для того, чтобы его жизнь соответствовала заповеди любви к ближнему и всему замыслу Промысла Божьего.

§10.4. Должное в понятии субъективной обязанности

Обязанность субъекта – это **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, **которое** как исходный образец, как **правило**, которым **руководствоваться необходимо**, **предъявляет требования к тому, каким образом люди должны взаимодействовать** между собой в их социальной жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой) **для того**, **чтобы условия достойного существования и развития имелись** у каждого человека, что необходимо (требуется) **для обеспечения благоденствия** и **развития** всех и каждого, **процветания** всего рода людского.

Более глубокие по смыслу и специализированные виды понятий можно сформулировать и для субъективной обязанности. Основываясь на понятиях нравственного и субъективного права их представляется возможным, изложить, например, в следующем виде.

Субъективная обязанность – это такое **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, **которое** как образец, как правило, которым руководствоваться необходимо, **предъявляет требования** к тому, каким образом люди **должны взаимодействовать** между собой в их совместной социальной жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой) **для того**, **чтобы условия реализации нравственно позитивных стремлений имелись** у **каждого человека**.

Субъективная обязанность – это основанное на понимании глубинной сути **Божьего Промысла представление о должном** (требуемом) с Его точки зрения состоянии действительности, **которое** как образец, **как правило**, которым **руководствоваться необходимо**, **предъявляет требования к тому, каким именно образом** люди **должны взаимодействовать** в их жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой) **для того**, **чтобы условия реализации нравственно позитивных стремлений имелись** у **каждого человека**.

Субъективная обязанность – это основанное на понимании глубинной сути **Божьего Промысла представление о должном** (требуемом) с Его точки зрения состоянии действительности, **которое** как образец, **как правило,** которым **руководствоваться необходимо**, **предъявляет требования к тому, каким образом люди должны взаимодействовать** между собой в их социальной жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой) **для того**, **чтобы условия реализации богоугодных стремлений имелись** у **каждого человека**.

§ 10.5. О конструировании понятий субъективных прав и обязанностей как представлений о должном

При необходимости в понятиях прав и обязанностей как теоретических моделей должного, как нравственных правил можно отразить, подчеркнуть любые их **собственные** и **связанные** с ними иные аспекты.

И не только их нравственный, теистический, психологический аспект, не только тот факт, что нормативное закрепление обязанностей всегда должно сопровождаться установлением ответственности за их неисполнение, но также, например, предназначение обязанности как средства обеспечения того искомого результата, который в качестве должного определяется понятием прав субъекта, или, например, категоричный характер требования неукоснительного исполнения моделей поведения, деятельности, которые называются обязанностью. Своей спецификой могут обладать и понятия отдельных прав и обязанностей, которые используются отраслевыми правовыми науками.

В понятиях прав и обязанностей можно отразить любые **присущие им и связанные** с ними иные многочисленные аспекты, которые необходимы **для какого-либо конкретного контекста** их рассмотрения или применения.

Соответственно этому будет изменяться и объем этих понятий. Для одних случаев они будут более пространными, для других – более лаконичными.

Указывать в понятиях прав и обязанностей абсолютно всё, что о них известно, мы никакого смысла не видим.

Такие всеобъемлющие понятия по своему содержанию являются избыточными и в употреблении неудобными. Для каждой цели должен быть свой вариант их понятия.

Поэтому, имея в виду прежде всего образовательные материалы, мы предлагаем рассматривать сущность субъективных прав и обязанностей постепенно, путём пояснения их различных аспектов под отдельными заголовками.

§ 10.6. Стилистика понятий субъективных прав и обязанностей как представлений о должном

Субъективное право рассматривается в нашей работе как представление о должном, которое **предъявляет требование к условиям жизни человека**, то есть как **правило**, которое **предъявляет требование к искомому результату**.

В подтверждение правильности рассмотрения теоретических моделей **должного** в качестве правил, которые **предъявляют требования к результату** можно привести примеры огромного числа специальных правил самых разнообразных видов профессиональной деятельности.

Так, в частности, п. 5.16. Строительных норм и правил в их нынешней редакции **закрепляет требование к результату в виде того**, что **расстояние от всех дверей** помещений**,** которые предназначены для постоянного пребывания, **до лифта должно быть** не более 60 метров.

Другие правила определяют требования к результатам иных видов работ, к качеству вообще всех видов продукции.

Фактический смысл всех этих разновидностей требований обобщённо также можно охарактеризовать как «предъявление требования к результату».

Первое, что необходимо пояснить в данной связи относительно слов **«предъявление требования к результату»**, можно свести к рекомендации не относиться к восприятию данной **формулировки** буквально и в отрыве от контекста. В этом случае она не будет иметь смысла, ибо в действительности к результату никаких требований предъявить невозможно (он ни воспринять, ни выполнить их не сможет).

Вместо этого лучше сразу иметь в виду хорошо известный каждому ещё с детства вариант **её** значения, в котором «предъявление требования к результату» означает «указание, предписание, определяющее, каким **должен** быть требуемый (необходимый) результат какого-либо поведения, какой-либо деятельности».

Аналогичным образом следует относиться и к формулировке «**предъявление требования к поведению, деятельности»**, которая используется в понятии обязанности. Она означает «предписание неукоснительного исполнения установленных моделей поведения, деятельности».

Второе обстоятельство, требующее пояснения, касается возможного вопроса о том, не относится ли формулировка «предъявление требования к результату, поведению, деятельности» к разновидности выражений, употребление которых является недопустимым, таких, как «предъявление права» (1.4.6.) и «состояние нужды» (5.2.4.).

Нет, не относится. Выражения «предъявление права», «состояние нужды» приводят к искажению необходимого смысла, который затем используется в неправильных понятиях, а формулировка «предъявление требования к результату, поведению либо деятельности» необходимого смысла не искажает и к неправильным понятиям не приводит.

Она либо имеет одно единственное и понятное любому человеку значение, например, «приказ, указание, предписание неукоснительного соблюдения установленных моделей поведения», либо просто не имеет смысла при буквальном её понимании в отрыве от контекста и с точки зрения буквоеда, который не понимает или не принимает того, что в любом языке присутствует целое множество подобного рода выражений, использование которых абсолютно безвредно, но очень удобно по причине их лаконичности.

Если кому-то этого пояснения недостаточно, пожалуйста, используйте вместо формулировки «предъявление требования» абсолютно правильный её вариант, например, «указание, определяющее, каким **должен** быть результат исполнения установленных моделей требуемого поведения либо требуемой деятельности».

Но получится ли благодаря этому переучить всё население и переписать все нормативные акты? Вряд ли. От того, что удобно и экономично, никто избавляться не будет.

§ 10.7. Обоснование рассмотрения модели должного как правила на основе понимания происхождения представления о должном

В настоящей работе субъективные права и обязанности рассматриваются как представления о должном, то есть теоретические модели должного, которые, в свою очередь, рассматриваются как соответствующего вида правила.

Понимание того, что правилами являются обязанности субъекта, которые предписывают неукоснительное исполнение указанных в них моделей поведения, деятельности, ни у кого затруднений не вызывает.

В отличие от этого, понимание того, что также правилами являются и субъективные права, для некоторых людей может оказаться не настолько очевидным. Но эта проблема преодолима. Для этого достаточно вспомнить о происхождении и изначальном предназначении субъективного права как **представления о должном**.

Массовое сознание, движимое естественным стремлением жить и стремлением к состоянию удовлетворённости жизнью, абсолютно закономерно решило избрать в качестве общего нравственного **идеала** «**обеспечение** этого состояния для всех и каждого», что подробно объясняется в § 8.5.

Это обстоятельство привело к возникновению необходимости: определить *конкретные* виды условий существования, которые обеспечивают состояние удовлетворённости жизнью (1), а также придать моделям этих условий статус образцов, **которыми** «**всем людям руководствоваться необходимо**», ибо **только так** можно достичь указанной благой исходной общей цели (2).

Вот почему решение этой **двуединой** высоконравственной задачи было реализовано в виде субъективных прав именно как нравственных **правил**, которые предъявляют требования к тому, какими именно должны быть значимые для всех и каждого условия их существования.

Именно в этом и состоит назначение субъективных прав как нравственных правил, которые закрепляют нравственный идеал в виде заботы всех о каждом и каждого о всех.

Всё это указывает на то, что права субъекта изначально и были задуманы **не просто в качестве желательных**, но не являющихся обязательными образцов, **а именно как модели должного, которыми в обязательном порядке необходимо руководствоваться абсолютно каждому человеку.**

И объясняется это тем, что иным образом достичь поставленной цели всеобщего благоденствия невозможно.

Интеллектуальным гурманам можно предложить и более глубокое и разностороннее обоснование правильности понимания субъективного права как правила.

Оно представляет собой **эксклюзивный когнитивный коктейль**[174], ингредиентами которого являются категории причины и следствия, логика, лингвистика, филология, психология нормотворчества, множество различных аспектов должного, а также нормативный материал. Этот коктейль мы предлагаем **только** читателям очередной главы.

---

[174] Надеемся, что нам простят эту когнитивно-гедонистическую аллегорию. Понимая усталость от восприятия предшествующего материала, мы решили хотя бы с её помощью немного взбодрить адресатов нашей работы, которая, кстати, и написана не как монография, а как обычная книга именно для того, чтобы уклониться от жёстких академических **требований**, **которые предъявляются к стилистике научных трудов.** Кстати, как видите, и здесь мы вновь сталкиваемся с «предъявлением требования к результату». И это нормально, хорошо, понятно, очень удобно, и никакого желания выразить эту мысль иначе у нас почему-то не возникает. А у Вас? Если возникает, можете потренироваться и изложить эту разновидность требования к результату иными словами. Мы не возражаем, нам нравится точность изложения мысли. Но проведите, пожалуйста, хронометраж этой работы, подсчитайте количество полученных слов и хотя бы приблизительно подсчитайте итоговые трудозатраты в человеко-часах, общее увеличение объёма текста и итоговое увеличение стоимости огромного числа нормативных документов при их изложении в безукоризненной литературно развёрнутой форме. После этого претензии к данной формулировке исчезнут сами собой (прим. авт.).

ГЛАВА XI. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ПРАВИЛ

§ 11.1. Права и обязанности как текстуальные вариации регулятивной части одного общего правила регламентации совместной жизни людей

На просторах интернета при обсуждении прав и обязанностей, их соотношения иногда приводится довольно оригинальное по своему существу мнение, согласно которому «права – это просто другое название обязанностей»[175].

Эта и иные подобные ей точки зрения фактически проводят тождество между содержанием прав и обязанностей.

По этой причине они официальной доктриной права, построенной на разграничении и даже противопоставлении прав и обязанностей как противоположностей (§ 9.2.), не воспринимаются, не рассматриваются, даже не упоминаются, но соответственно и не опровергаются.

Сами авторы этих оригинальных точек зрения свою позицию детально не поясняют, серьёзного научного её обоснования не приводят, но и общепринятую в теории права точку зрения, выражающуюся в разделении прав и обязанностей на отдельные категории, также не опровергают.

В результате возникает весьма любопытное явление параллельного независимого существования двух взаимоисключающих друг друга подходов, представители которых должного внимания на мнение своих оппонентов, во всяком случае на уровне научных публикаций, не обращают.

Это уникальное явление представляется весьма интересным и заслуживает своего обстоятельного рассмотрения.

---

[175] Права и обязанности: repin – ЖЖ. – URL: https: //repin.livejournal.com /52212.html, а также др. ист. интернета (дата обращения: 10.10.2025).

Предварительная работа, проведённая с целью определения возможных путей исследования данного вопроса, показала, что для его надлежащего рассмотрения необходимо использовать **двенадцать** способов аналитики.

Первый способ.

1. Определённого вида **следствие может быть порождено не любым явлением**, а только таким, которое по своей природе способно закономерно, неизбежно в качестве причины породить именно этот, именуемый следствием, а не какой-либо иной результат.

2. Поскольку следствие может быть порождено не любым, а только конкретного вида явлением (его причиной), то это означает наличие жёсткой и неизменной **зависимости** между **содержанием следствия (результата) и содержанием (сутью) его причины**.

3. Если между содержанием результата и содержанием его причины имеется жёсткая и неизменная связь, то **упоминание результата одновременно означает и указание на его причину**.

4. Теперь необходимо принять во внимание, что поведение, деятельность человека по отношению к их результату являются его причиной, а их результат по отношению к ним самим – их закономерным следствием.

Это означает, что приведённые выше шаги логических рассуждений являются полностью применимыми и к поведению, деятельности, а также их результату.

5. Конкретного вида результат может быть порождён не любым, а только определёнными соответствующего вида поведением, деятельностью.

6. Если конкретного вида результат может быть порождён не любыми, а только конкретного вида (содержания) поведением либо деятельностью, то это означает наличие жесткой и неизменной **зависимости (связи) между содержанием результата и содержанием поведения, деятельности, которые являются его причиной.**

7. Если между содержанием результата и содержанием породивших его поведения, деятельности имеется жёсткая и неизменная связь, то **упоминание результата** поведения, деятельности **одновременно означает и указание на** сами **поведение, деятельность,** которые необходимы для получения этого результата.

8. **Упоминание чего-либо**, в том числе, и **результата** поведения либо деятельности, **может иметь** абсолютно любую **форму**, в том числе и форму **предъявления требования к результату**.

9. Но если упоминание результата может иметь форму предъявления требования к результату, то это означает, что **предъявление требования к результату одновременно означает** и **указание на то, какими должны быть поведение, деятельность**, которые требуются для получения искомого результата.

10. Указание на то, какими должны быть поведение, деятельность, в свою очередь, также есть не что иное, как **предъявление требования к поведению, деятельности**.

11. Если теперь в содержание вывода из п. 9 вместо развёрнутой формулировки **«указание на то, какими должны быть поведение, деятельность»** подставить её краткий стилистический аналог «**предъявление требования к поведению, деятельности»,** то в итоге этой простой операции получится, что **предъявление требования к результату одновременно означает и предъявление требования к поведению, деятельности.**

Например, если вещь должна быть покрашенной, то её требуется покрасить. Надеемся, что это понятно.

12. Далее необходимо изложить понятие субъективного права с учётом полученного вывода о том, что **предъявление требования к результату одновременно автоматически означает и предъявление требования к поведению, деятельности**, которые необходимы для получения требуемого результата.

Благодаря этому понятие субъективного права представляется возможным изложить в следующем, уже более подробном (расширенном, развёрнутом, полноформатном сущностном) его варианте.

Субъективное право – это **представление о должном** с нравственной точки зрения, **которое** предъявляет требование к результату в виде условий существования и развития, которыми должен обладать субъект права, и тем самым одновременно автоматически **предъявляет требование к поведению, деятельности**, которые необходимы (требуются) для получения этого результата.

Обратите внимание на выделенные слова **«представление о должном, которое предъявляет требование к поведению, деятельности»**.

Ничего не напоминает? Разумеется, напоминает. Ведь это не что иное как обязанность в том её виде, в котором мы рассматривали её до настоящего параграфа.

Что же всё это означает?

Субъективное право как модель должного с нравственной точки зрения, при его рассмотрении на более глубоком уровне осмысления его сущности и конструкции, фактически охватывает собой одновременно две неразрывно взаимосвязанных между собой теоретических модели должного.

Первая модель – представление о должном, предъявляющее требование к результату в виде условий существования и развития, которыми должен обладать субъект права.

Это понимание субъективного права, которое было получено ранее и использовалось до настоящего параграфа.

Вторая модель – представление о должном, предъявляющее требование к поведению, деятельности.

Это понимание субъективной обязанности, которое также было получено ранее и использовалось в нашей работе до настоящего момента.

Если кому-либо по-прежнему не нравится формулировка «предъявление требования к результату, поведению,

деятельности», вместо неё вполне можно употребить её литературно развёрнутую форму.

В этом случае ***субъективное право*** следует рассматривать как теоретическую **модель должного** с нравственной точки зрения, **которая указывает на то**, какими условиями существования и развития должен обладать субъект права, и одновременно автоматически указывает на то**, какими должны быть поведение, деятельность**, которые необходимы (требуются) для получения этого искомого результата.

Однако сути дела эта стилистическая форма нисколько не меняет, – углубленное понятие субъективного права всё равно охватывает одновременно две модели должного, то есть всё равно является **двойственной моделью должного**.

Именно это содержание имеет регулятивная часть[176] моральной и юридической регулятивной нормы, которая в её **развёрнутом полноформатном** виде должна определять и цель (образ искомого результата), и средства её достижения, ибо только такое содержание регулятивной части регулятивной нормы отражает суть и предназначение этой нормы как правила (бесцельные правила никому не нужны).

Но если углубленное полноформатное понимание субъективного права совпадает с пониманием сути регулятивной нормы, являющейся правилом, то это означает, что и субъективное право также является правилом.

Данный вывод подтверждается и результатами более глубокого лингвистического анализа слова «право» в его субъективном понимании, нежели то исходное осмысление, которое было проведено в Главе II настоящей работы.

Основа слова «**пра́в**о», – всего четыре буквы, – корень «**прав**». Он же присутствует и в слове «**пра́в**ило», которым называется модель, которой руководствоваться необходимо.

---

[176] Помимо регулятивной части в полноформатной регулятивной норме должны быть приведены санкции за невыполнение её требований, условия применения санкций, примечания и т. д. (прим. авт.).

«**Прав**úло» также корень сей имеет и также означает средство «у**прав**ления».

Если сложить всё вместе, то получается, что наш язык почти всю эту книгу заменяет, ведь он яснее ясного нам говорит о том, что **прав**о – это **пра́в**ило, **прав**úло, то есть не что иное, как средство у**прав**ления.

А если к смыслу слова «**пра́в**ило» добавить одну из вариаций смысла сло́ва «**прав**ильное», которая как с**прав**едливое по совести и истинное нравственное с **Высшей** точки зрения его трактует? Что будем мы иметь в итоге?

Вся правда в том, что «**прав**о субъективное» как часть закона нравственного, нравственное **прав**ило, являясь средством у**прав**ления, уже само в себе одновременно все эти значения объединяет и неразрывно меж собою сочетает. Ведь даже сам язык нам говорит о том, что **прав**ильный закон и **прав**о субъективное как основная часть и суть его всегда **должны быть прав**ильными нравственно.

По совести, по с**прав**едливости посредством **прав**а как закона и **прав** как составных его частей **прав**итель мудрый должен **прав**ить! И лишь такое у**прав**ление достойно **прав**ильным именоваться!

Надеемся, что теперь уже никто не сможет поставить под сомнение обоснованность рассмотрения субъективного **прав**а именно как нравственного **прав**ила, которое определяет нравственные цели поведения, деятельности (образ необходимого результата) (1), и одновременно автоматически устанавливает нравственные требования к **средствам** достижения этих целей, предписывая исполнение моделей **соответствующих поведения либо деятельности** (2). Но это всего лишь первый способ обоснования данного вывода.

Второй способ.

С учётом подробного рассмотрения первого направления логических рассуждений, это второе их направление можно представить уже более просто и даже с пропуском некоторых, теперь уже вполне очевидных его моментов.

1. Поведение, деятельность являются причиной их следствия как результата, из чего следует, что поведение, деятельность могут породить не любой, а только такой конкретного вида результат, содержание которого полностью определяется содержанием породивших его поведения либо деятельности.

2. Это означает наличие жёсткой и неизменной зависимости (связи) между содержанием поведения, деятельности и содержанием их результата.

Но если так, то **упоминание поведения, деятельности одновременно автоматически указывает и на результат** упоминаемых поведения, деятельности.

3. **Упоминание** поведения, деятельности **может иметь** любую форму, в том числе и **форму предъявления требования** к их осуществлению.

4. Если вместо слова «упоминание» употребить термин «предъявление требования», то вывод, полученный в п. 2, будет означать, что **предъявление требования к поведению, деятельности** одновременно **указывает и на требуемый** от них **результат** (*если вещь требуют покрасить, то это означает, что она должна быть покрашена*).

Но предъявление требования к поведению, деятельности – не просьба, а предписание неукоснительного исполнения их соответствующих моделей.

5. Обобщение изложенного в предыдущем пункте позволяет сделать вывод о том, что предписание неукоснительного исполнения определённых моделей поведения либо деятельности тем самым одновременно указывает и на требуемый от этих поведения, деятельности результат.

Что же из этого следует?

***Субъективная обязанность* как модель должного** не только предписывает неукоснительное исполнение указанных в ней моделей поведения, деятельности, но и одновременно автоматически **указывает на искомый, требуемый (должный) результат** их исполнения.

Обратите внимание на выделенные слова **«обязанность как теоретическая модель должного указывает на искомый, требуемый (должный) результат»** поведения либо деятельности.

Какой же результат мы ожидаем от поведения и деятельности людей?

Он всегда один и тот же – это обеспечение наличия какого-либо блага, а благом признаются какие-либо условия существования и развития человека: или итоговые условия, или какие-либо промежуточные условия, наличие которых обеспечивает в последующем наличие итоговых условий его жизни.

С учётом этого получается, что **«обязанность как теоретическая модель должного указывает на искомый, требуемый, то есть должный результат»** поведения либо деятельности **в виде обеспечения достойных условий существования и развития человека (людей)**.

Но ведь такая обязанность – не что иное, как субъективное право. Не так ли? Разумеется, так, но только в том общепринятом варианте понимания прав субъекта, которое было использовано до этого параграфа.

Теперь давайте попробуем составить полное развёрнутое понятие субъективной обязанности, которое будет характеризовать её как представление о должном, которое предъявляет требование к неукоснительному исполнению указанных в нём моделей поведения, деятельности, и одновременно как модель должного, которая указывает на требуемый (должный) результат этих поведения деятельности.

Субъективная обязанность как теоретическая модель должного с нравственной точки зрения представляет собой нравственное правило, которое предъявляет требование неукоснительного исполнения указанных в нём моделей поведения, деятельности, и тем самым указывает на искомый, требуемый результат этих поведения, деятельности в виде обеспечения конкретных условий существования человека.

Второй способ рассуждений также демонстрирует тождество содержания прав и обязанностей, которое становится очевидным при их полноформатном рассмотрении.

Третий способ рассуждений.

До этого момента, во всей предшествующей части исследования мы рассматривали понятие субъективного права как отвечающее на вопрос о том, **к чему оно предъявляет требование** как представление о должном, как нравственное правило. И этого было вполне достаточно.

Однако теперь настала очередь постановки другого, довольно простого, но очень важного вопроса.

Это вопрос о том, **кому** адресовано требование, предъявляемое субъективным правом как правилом.

К результату? Нет. Он ни воспринять, ни выполнить его не может. «Предъявление требования **к результату**» – это просто удобная стилистика (§ 10.6.).

К поведению, деятельности? На самом деле, нет. Они также ни воспринять, ни выполнить никакого требования не могут. Это также просто стилистический приём и не более.

В действительности требование может быть предъявлено только к человеку, людям. Но к кому именно?

К субъекту права? Нет. К своему субъекту субъективное право никаких требований не предъявляет. Оно информирует субъекта права о том, какие условия его существования и развития ему **полагается** иметь как обладателю правового статуса субъекта права. Так, к кому же?

Это требование адресовано тем, кто должен осуществлять поведение, деятельность, **обеспечивающие** указанный в субъективном праве результат, то есть **тем, кого принято называть субъектами обязанности.**

Из этого, **во-первых**, следует, что на самом деле субъективное право, как и полноформатная регулятивная часть регулятивной нормы, также имеет своими адресатами не только благополучателей – субъектов права, но и благообеспечителей в лице субъектов обязанности.

Во-вторых, это означает, что формулировка «предъявление требования к результату», характерная для субъективного права, охватывает собой и обязанность в её принятом понимании как отдельной правовой категории.

Вот почему формулировка **«предъявление требования к результату»** используется в нормативных документах для установления профессиональных обязанностей (§ 10.6.)

Четвёртый способ.

Содержание обязанностей и результатов их исполнения настолько неразрывно связаны между собой, что эти результаты являются очевидными и без специального их указания в тексте обязанности. Причём не только для нормотворцев, но и для адресатов обязанностей, которые также понимают, что они возлагаются для получения конкретного результата, который легко установить из описания любой обязанности.

Если же этот очевидный результат всё-таки указать, то в этом случае обязанности будут предписывать к исполнению «оказание помощи, чтобы её оказать», «предоставление отпуска, чтобы его предоставить», «не лишать жизни, чтобы сохранить её», «обеспечивать неприкосновенность, чтобы она была обеспечена» и множество иных избыточных по очевидности своего содержания моделей поведения или деятельности и результатов их исполнения.

С учётом этого специальное указание в тексте обязанности цели её исполнения, то есть предъявление требования к результату является излишним.

Но это, конечно, не означает, что предъявление требования к поведению, деятельности не предъявляет требования к их результату. **Обязанность не может не предъявлять требования к результату её исполнения, ведь именно для его получения она и предназначена**. Всё это хорошо понимают и субъекты обязанностей, которые часто предлагают иные способы получения **требуемых от них результатов**.

Вот почему ещё обязанность охватывает собой и право субъекта, которое предъявляет требование к результату.

Пятый способ рассуждений.

Достаточно большое число **прав субъекта** сформулировано не в полноформатной их форме, которая предъявляет требования одновременно и к результату, и к поведению либо деятельности, а **текстуально** предъявляют требования только к результату.

Аналогичным образом и многие понятия **обязанностей** в их общепринятом к настоящему времени понимании сформулированы не в полноформатном развёрнутом виде как правила, которые предъявляют требования одновременно и к поведению, деятельности, и к их результату, а таким образом, что **текстуально** предъявляют требования только к поведению либо деятельности.

Однако во множестве других случаев и субъективные права, и соответствующие им субъективные обязанности сконструированы таким образом, что **даже текстуально** сразу указывают одновременно как на требуемый результат, так и на требуемые для его получения поведение, деятельность, то есть представлены таким образом, что их содержательное тождество **даже текстуально** является настолько очевидным, что **даже их текст адресован** и субъектам прав, и субъектам обязанностей одновременно.

Для описания таких прав и обязанностей используются ключевые слова, **которые одновременно означают** и поведение, деятельность (1), и их результат (2).

При этом некоторые такие права и обязанности описаны посредством одних и тех же ключевых слов, например: право утопающего на **спасение** его жизни <-> обязанность спасателя по **спасению**[177] его жизни.

---

[177] Именно как спас**е**ние должна быть сформулирована основная обязанность спасателя на пляже, но в нормативных документах их авторы-перестраховщики указали её как спас**а**ние, причём, несмотря на то, что наши законы исключают ответственность за неспасение при отсутствии возможности получить искомый результат в виде спасения. Они боятся недобросовестного исполнения обязанностей своими спасателями,

Субъективное право утопающего на **спасение** имеет одновременно два значения, в соответствии с которыми его необходимо рассматривать: и как право «на то, чтобы лицо спасали», то есть как право на чужие действия, предъявляющее требование к поведению, деятельности (1), и как право «на то, чтобы его спасли», то есть как право на результат, предъявляющее требование к результату (2).

Аналогичным образом и правильно сформулированную обязанность спасателя по **спасению** также следует рассматривать двояко: как обязанность «спасать», то есть как требование совершить действия (1), и как обязанность «спасти», то есть как требование к результату этих действий (2).

На что указывает тот факт, что и субъективное «право на спасение», и «обязанность по спасению» предъявляют требования одновременно и к действию, и к его результату?

На содержательное тождество этих моделей должного.

Единственное их отличие состоит в том, что сформулировано такое право с точки зрения субъекта права, а обязанности – с точки зрения субъекта обязанности.

Некоторые другие права и обязанности, даже текстуально предъявляющие требования одновременно и к поведению, деятельности (1), и к их результату (2), описываются при помощи **различных** ключевых слов.

Например: право на **получение** медицинской помощи <-> обязанность **оказать** медицинскую помощь.

Однако и они при желании могут быть описаны при помощи одного и того же ключевого слова.

Например: право на **получение** медицинской помощи <-> обязанность обеспечить её **получение;** обязанность **оказать** эту помощь <-> право на то, чтобы её **оказали**.

за что им приходится сначала платить деньги своего ведомства, а уже потом взыскивать их с нерадивого спасателя (по «пять копеек» в месяц). Вот каким образом в процессе выбора «жизнь или деньги» выиграла формулировка «спасание», которая результат не охватывает (прим. авт.).

Но даже при изложении таких прав и обязанностей различными словами они всё равно представляют собой двойственные модели должного: право на получение медпомощи предъявляет требование и к тому, чтобы её оказывали, – это требование к действиям (1), и к тому, чтобы её оказали, – это требование к результату (2); обязанность оказать эту помощь также требует и совершения действий по её оказанию (1), и результат в виде того, чтобы она была оказана (2).

Данные примеры подтверждают вывод о том, что права и обязанности как условно отдельные категории являются всего лишь текстуально сокращёнными вариантами одной и той же полноформатной регулятивной части нормы права.

Шестой способ рассуждений.

В теории права все указанные при изложении предыдущего способа аналитики субъективные права принято называть **правом на чужие действия**.

Право субъекта – это правило, которое предъявляет требование. Следовательно, **право на чужие действия – это правило, которое предъявляет требование к действиям,** но не самого субъекта права, а кого-то другого. Но кого?

Того, кто должен, то есть обязан обеспечить результат, требуемый субъективным правом на чужие действия, а таким лицом является **субъект обязанности**.

И как же называется правило, предъявляющее требование к действиям субъекта обязанности? Ответ очевиден. Это субъективная обязанность.

Вот почему **право на чужие действия**, как и любое иное право, по сути является **ещё и** обязанностью другого лица, но сформулированной с точки зрения субъекта права и имеющей название не «обязанность», а «право субъекта».

Во-первых, это сделано для того, чтобы подчеркнуть, что эта форма одного и того же общего правила имеет своим **основным** адресатом именно субъекта права, а не субъекта обязанности, для которого предназначена другая адресно акцентированная форма этого правила – обязанность.

Во-вторых, субъективные права и соответствующие им субъективные обязанности при их использовании в качестве условно отдельных правовых категорий позволяют избежать такой филологической проблемы тавтологического характера как ненужное повторение одного и того же смысла, то есть позволяют избежать избыточного указания очевидного (см. выше «четвёртый способ» аналитики).

Седьмой способ.

Понятие прав субъекта, в котором **раскрыто понимание должного**, также охватывает собой ещё и обязанность: «*Субъективное право* – это **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, **которое** как исходный образец, как правило, которым руководствоваться необходимо, **предъявляет требования к тому**, **какие условия существования и развития полагается иметь и необходимо обеспечить** субъекту права для того, чтобы его жизнь была достойной и соответствовала нравственному идеалу благоденствия и процветания всего рода людского» (§ 10.3.).

Предъявляя требование к результату, это понятие указывает на то, что этот результат не только полагается иметь субъекту права, но и **необходимо для него обеспечить,** а это должен делать субъект соответствующей обязанности (см. выше шестой способ аналитики).

Необходимость обеспечения этого результата субъектами обязанности очевидна: субъект права не может иметь обязанность сам себе оплачивать работу, которую он выполняет на договорной возмездной основе для других лиц, или обязанность к самому себе прибыть вместо пожарных для тушения пожара с использованием их оборудования, или обязанность самому себе сделать операцию на сердце и т. д.

Восьмой способ.

Не отстаёт от субъективного права как должного и понятие обязанности **с развёрнутым** понимаем должного. Такое понятие обязанности также является двойственной

моделью должного, которая охватывает собой и требование к поведению либо деятельности, и одновременно с этим тот результат, который требуется от субъекта обязанности.

Требуемый результат упоминается в таком понятии обязанности как цель, как объяснение того, для чего вообще вменяется та либо иная обязанность. И сделано это указание вовсе не для того, чтобы впоследствии об этом можно было сказать в данном месте работы, а потому, что понятие обязанности с развёрнутым пониманием должного было сформулировано на основании общего понятия нравственного, для которого этот момент вообще является основным понятиеобразующим конструктивным элементом, позволяющим обрести понятию нравственного конкретику и смысл своего существования, о чём было сказано в § 8.4.

В понятии субъективной обязанности данное указание на требуемый результат её исполнения буквально выглядит так: «*Обязанность субъекта* – это **представление о должном** (искомом, желаемом, необходимом, требуемом) состоянии действительности, **которое** как исходный образец, как правило, которым руководствоваться необходимо, **предъявляет требования** к тому, каким образом люди должны взаимодействовать между собой в их социальной жизни (каким образом людям необходимо, следует, требуется взаимодействовать между собой) **для того, чтобы условия достойного существования и развития имелись у каждого человека, что необходимо (требуется) для обеспечения благоденствия и развития всех и каждого, процветания всего рода людского»** (§ 10.4.).

Девятый способ.

Сказанное выше о субъективных правах и обязанностях как о двойственных моделях должного подтверждается исследованием вопроса об их происхождении как представлений о должном, которое было проведено в § 10.7.

Для того, чтобы не нарушать общую картину, целостность и непрерывность рассмотрения и восприятия этого

вопроса, необходимый подтверждающий материал мы помещаем прямо здесь, в данном параграфе.

«Массовое сознание, движимое естественным стремлением жить и стремлением к состоянию удовлетворённости жизнью, абсолютно закономерно решило избрать в качестве общего нравственного **идеала** "обеспечение этого состояния для всех и каждого"…

Это обстоятельство привело к возникновению необходимости: определить *конкретные* виды условий существования, которые обеспечивают состояние удовлетворённости жизнью (1), а также придать моделям этих условий статус образцов, **которыми** «**всем людям руководствоваться необходимо**», **ибо только так можно достичь** указанной благой исходной общей цели (2)» (§ 10.7.).

«Всё это говорит о том, что **права** субъекта **изначально** и **были задуманы не просто в качестве желательных, но не являющихся обязательными нравственных образцов, а именно как модели должного, которыми в обязательном порядке необходимо руководствоваться абсолютно каждому человеку**» (§ 10.7.).

Однако здесь требуется небольшое уточнение. Каждому человеку обязательно необходимо руководствовать не всеми правами, а только правами человека и иными неспециализированными видами прав. Обязанность руководствоваться специальными видами прав возлагается только на специальных субъектов. Так, например, право на медпомощь возлагает обязанность по её оказанию только на медицинский персонал, а не на любого человека. Но этот момент не влияет на общее понимание двойственного характера сущности прав и обязанностей, который изначально присущ им даже с точки зрения вопроса об их происхождении и назначении.

Способ Десятый.

Бессмысленность и бесполезность. Использование этих двух слов для оценки субъективных прав и обязанностей как двойственных моделей должного также демонстрирует

необходимость такого решения вопроса, при котором наличие субъективного права должно обязывать к его соблюдению, а наличие субъективной обязанности – предоставлять какое-либо субъективное право.

Если установить требование к результату, но как-то так, чтобы это не предписывало обязанностей по обеспечению этого результата, то вся эта процедура будет бессмысленной и абсолютно бесполезной.

Поэтому для того, чтобы существование субъективного права имело смысл, оно уже само по себе должно устанавливать обязанность соответствующих лиц по обеспечению возможности его реализации, то есть должно быть правилом, которое является обязательным к его соблюдению.

Бесцельные поведение, деятельность никому не нужны, бессмысленны и бесполезны. Поэтому к ним предъявляют требования только в том случае, когда стремятся получить какой-либо необходимый результат. Обязанность, которая не направлена на получение результата, сама по себе также никакого смысла не имеет и ставит в логический тупик, что было высмеяно даже в русской народной сказке: **«Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».**

Одиннадцатый способ.

Огромное количество норм права, предъявляющих требование к искомому результату, рассматриваются одновременно и в качестве права на получение данного результата, и в качестве обязанности по его обеспечению.

Помните указанное в п. 5.16. СНиП (§ 10.6.) требование к расстоянию до лифта? Оно означает не только право заказчика и потребителя на то, чтобы это расстояние не превышало 60 м, но и обязанность архитекторов и строителей обеспечить это, требуемое данным документом, расстояние.

Но почему? Предъявление требования к результату является общей исходной регулятивной сутью и прав, и обязанностей. Просто для благополучателя данное требование является правом, а для благообеспечителя – обязанностью.

Двенадцатый способ.

Не только как право, но одновременно и как обязанность-запрет на определённые действия сформулировано, например, право на жизнь в Декларации прав человека 1948 года и Европейской конвенции по правам человека.

Помните слова «никто не может быть лишён жизни»? Они адресованы не только субъекту права на жизнь, но также всем другим лицам, для которых эта формулировка означает обязанность не лишать жизни.

Имеются такого же рода права, означающие ещё и обязанность-запрет, и в нашей Конституции: «Никто не должен подвергаться…» (см. ст. 21Конституции РФ и др. её статьи).

И эти нормы-правила прекрасно работают!

В них заложено общее исходное представление о должном – требование к результату, которое лежит в основе как прав, так и обязанностей. Вот почему эти нормы выполняют роль одновременно и прав, и обязанностей и имеют своими адресатами две категории лиц: субъектов прав и субъектов обязанностей. Это ещё одно весомое доказательство общей сути и двойственной природы прав и обязанностей, которые в других случаях лишь для удобства представлены в краткой адресно акцентированной текстуальной форме.

Теперь понятно, почему святые заветы Иисуса Христа, дарованные нам в форме обязанностей, так легко было трансформировать в права человека и иные права субъекта: то, что для одного обязанность – для другого право.

Ремарка. Комплексная оценка результатов всех приведённых способов аналитики показывает, что они хорошо взаимосочетаются между собой и взаимно дополняют друг друга, подкрепляя силу и значимость каждого из них.

Общая суть всех этих результатов одна и та же. При полноформатном рассмотрении прав и обязанностей их содержание как моделей должного является тождественным.

Но это не катастрофично, и беспокоиться по данному поводу не следует. Доктрина права от этого не разрушится.

Причины появления понятий прав и обязанностей как условно отдельных правовых категорий.

Одна из них уже была указана выше. Это стремление избежать избыточной очевидности норм-правил. Иные причины также проще всего можно пояснить посредством способа «a contrario» («от обратного, от противоположного»).

Так, если бы элементы регулятивных норм не были распределены по различным статьям различных отраслей права и приводились в их полноформатном варианте без использования терминов «субъективное право», «субъективная обязанность», то, в частности, в Конституции нашей страны вместо «права на жизнь» пришлось бы указывать полностью всю регулятивную норму, обеспечивающую жизнь человека с указанием абсолютно всех, кому предписывается не лишать жизни, обеспечивать, защищать, спасать жизнь, указывать все санкции, порядок и условия их применения, субъектов исполнения этих санкций с их правами и обязанностями, изложенными в развёрнутой литературной форме и мн. др. Но этот путь ведёт к формированию одного общего очень большого по содержанию и объёму закона, пользование которым **крайне неудобно**, **неэффективно и затратно**.

Одного этого **уже** должно быть достаточно для демонстрации того, что разделение системы права на различные отрасли и использование связанной с этим разделением терминологии, основанной на рассмотрении субъективных прав и обязанностей как условно отдельных категорий, неслучайно. **Эта терминология рождена жизнью, является очень удобной, экономичной, и отказываться от её практической эффективности нецелесообразно.**

Понятия субъективных **прав** позволяют очень удобно, экономично и **акцентированно** доводить содержание норм права до их **основных** адресатов, например, для того, чтобы продемонстрировать заботу о населении, сформулировать требования к властям по улучшению качества жизни, для нормативного закрепления различных льгот и привилегий.

Удобно понятие субъективного права и для решения других социальных задач, которые требуют **текстуального адресного акцента** на социально значимом результате.

Аналогичным образом во многих иных случаях целесообразно и удобно делать текстуальный **акцент** не на искомом результате, а на требовании к поведению, деятельности (наложение запретов, регламентация ответственности, профессиональной деятельности, мер безопасности и решение многих других вопросов правового регулирования).

Удобны эти, **различным образом акцентированные**, понятия прав и обязанностей для их совместного использования и при заключении сделок, договоров, содержание которых предполагает наличие различных правовых статусов их участников и соответствующих им нескольких комплексов взаимосвязанных прав и обязанностей, и так далее.

Принимая во внимание данные обстоятельства, **мы не предлагаем отказываться от терминологии, основанной на использовании понятий прав и обязанностей как условно отдельных правовых категорий,** ибо она очень удобна в употреблении и экономически эффективна.

Завершая исследование поднятой в начале параграфа уникальной проблемы параллельного существования различных подходов к решению вопроса о соотношении субъективных прав и обязанностей, следует отметить, что они представляют собой различные текстуальные адресно акцентированные вариации одного и того же общего правила, которые с точки зрения практической целесообразности лучше всего рассматривать и применять в качестве условно отдельных самостоятельных правовых категорий.

Научное состязание между свободными юристами и ортодоксами права, проходившее под Гимн России и под знаком покровителя нашей страны Св. Георгия Победоносца, окончилось вничью. Каждая из команд, игравшая по своим собственным правилам, оказалась абсолютно права, но, разумеется, по-своему, со своей точки зрения.

§ 11.2. Значение установления сущностного тождества полноформатных понятий прав и обязанностей как правил

Первое. В решении вопроса о соотношении субъективных прав и обязанностей довольно часто встречается точка зрения, в рамках которой они рассматриваются в качестве противоположных по смыслу правовых категорий[178] (§ 9.2.).

Проведённое в данной главе установление сущностного (содержательного) тождества полноформатных версий понятий субъективных прав и субъективных обязанностей как правил, как средств правовой регламентации позволяет не согласиться с таким их пониманием.

Но даже если рассматривать права и обязанности в их текстуально сокращённом варианте описания в качестве условно отдельных самостоятельных правовых категорий, то и в этом случае мы никаких оснований для их противопоставления как противоположностей не обнаруживаем.

Все ситуации, в которых права и обязанности до сих пор упоминались в качестве противоположностей, на самом деле подразумевают какие-либо иные аспекты их понимания, которые при надлежащей точности мышления к противопоставлению противоположностей отнести невозможно.

Одним из примеров такого рода неуместного противопоставления субъективных прав и обязанностей является контекст решения задачи установления сущности субъективной обязанности (§ 9.2.).

---

[178] См., например: *Иванов Э.И.* Понятие юридической обязанности //Марийский юридический вестник. 2012. Вып. 9. С.108; *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву //Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 562; *Солодовниченко Т.А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Омск, 2016. С.9; *Грачев Т.С.* Единство прав и обязанностей как принцип права: Общетеоретический аспект. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 10.

Второе. В теории права существует точка зрения о том, что одновременное наличие у одного и того же лица и статуса субъекта права, и статуса субъекта обязанности, установленных в отношении одного и того же действия, – это какой-то особый способ регламентации. Для такой ситуации даже отдельное название придумали – «правообязанность».

На самом же деле наличие такой ситуации следует рассматривать как одну их **грубейших ошибок** регламентации.

Субъективное право на совершение действия разрешает его совершение, делает это действие необязательным, а обязанность, установленная в отношении этого же действия, предписывает уже неукоснительное его совершение. Одно исключает другое, поэтому регламентировать поведение, деятельность людей таким способом недопустимо. Задачи управления поведением и деятельностью должны быть непротиворечивыми. Наличие в них противоречий ставит под угрозу успешное решение этих задач и может привести к совершенно не тем результатам, для достижения которых осуществляется и оплачивается управление.

Однако некоторые авторы на эти обстоятельства должного внимания не обращают и рассматривают «правообязанность» в качестве **допустимого** правового явления.

С учётом этой особенности мышления нельзя исключать попытки использования результатов предыдущего параграфа для подтверждения того, что «правообязанность» является «правильной» (потенциал фантазий безграничен).

Для недопущения такой попытки достаточно привести всего одно отличие «правообязанности» от полноформатных версий прав и обязанностей. «Правообязанность» - это противоречивый правовой статус **одного субъекта**, а полноформатное право и полноформатная обязанность устанавливают различные правовые статусы **двум различным** своим **адресатам** и **каждому** из них только **один** правовой **статус**.

«Правообязанность» – это не особый способ регламентации, а **анамнез** (признаки) юридической болезни.

Третье. Тождественность полноформатного понимания общей сути прав и обязанностей подтверждает позицию Д.М. Чечота, который назвал субъективное право **правилом** и уподобил его **норме права** (§ 3.3.), а также предполагает переоценку высказываний тех наших предшественников, которые утверждали, что никаких прав не существует, а есть лишь обязанности. Содержание данной главы свидетельствует о том, что и в их точке зрения имеются зёрна истины.

Такой же переоценке подлежит и интуитивно сформированная позиция Р. А. Ромашова (§ 3.3.), которая, как оказалось в конечном итоге, **по общей своей сути** заслуживает возражения лишь при рассмотрении прав и обязанностей субъектов как условно отдельных правовых категорий.

Надеемся, что теперь Роман Анатольевич будет разграничивать в своих трудах полноформатные и текстуально сокращённые (адресно акцентированные) варианты понятий субъективного права и субъективной обязанности.

Четвёртое. Одним из вариантов трактовки **правоотношения** в специальной литературе является его понимание как правовой связи между правами и обязанностям.

Если рассматривать субъективные права и обязанности в их развёрнутом полноформатном варианте, который подразумевает их содержательную тождественность, то выделение связи между ними невозможно, ибо одна и та же вещь действительности сама с собой связана быть не может.

Использование термина «правоотношение» для названия связи между правами и обязанностями как условно отдельными категориями возможно, но не очень рационально.

Эта связь **как таковая сама по себе** не настолько часто упоминается в решении различных вопросов, чтобы ей стоило давать отдельное название, а после выхода в свет этой книги она будет упоминаться ещё реже. К тому же применение такого термина предполагает пояснения того, что он имеет смысл при рассмотрении прав и обязанностей только как условно отдельных правовых категорий, что неудобно.

Правоотношением лучше называть **логическую правовую связь между наличием субъектов прав и субъектов обязанностей, которые являются двумя обязательными адресатами регулятивной нормы права и договора**.

Эта связь существует всегда и не зависит от того, как именно понимаются права и обязанности: в качестве полноформатных или же условно отдельных правовых категорий.

Суть такой правовой связи заключается в том, что **наличие** благо**получателя** (субъекта права) **с необходимостью предполагает наличие** благо**обеспечителя** (субъекта обязанности) и, соответственно, наоборот.

Ни регулятивная норма, ни договор не могут предусматривать наличие только одного из этих своих адресатов, ведь именно в обеспечении какого-либо блага благополучателю со стороны благообеспечителя и заключается их предназначение. Вот почему **наличие** благо**получателя** само по себе, то есть **без наличия** благо**обеспечителя**, **никакого смысла не имеет, и, абсолютно также, наоборот**.

Такое правоотношение очень удачно отражает характер действия регулятивной нормы права и договора на своих адресатов, то есть отражает правовую логику механизма правовой регламентации. Одним адресатам такая норма права устанавливает статус субъекта права, а другим – статус субъекта обязанности. Положения договора также имеют два вида своих адресатов с различными правовыми статусами, однако в договоре они, **как правило**, являются субъектами как минимум двух **комплексов** прав и обязанностей.

Именно это значение термина «правоотношение» было использовано в качестве основного при решении «на языке правоотношений» проблемы, имеющейся **в установлении адресатов** регулятивной нормы права, договора **и установлении правового статуса этих адресатов** (**§ 12.5**., в нём – **«Пятое возможное обстоятельство»)**.

Остальные нюансы мы оставляем другим правоведам. Для этой нашей работы иных уточнений не требуется.

ГЛАВА XII. ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНАХ НЕВЕРНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА

Каждая проблема имеет свою причину, и только осознав её, мы сможем найти решение.

Алексей Христинин

§ 12.1. Вменение обязанностей под названием «права»

В некоторых законах фактические обязанности закреплены под названием «права».

Одним из показательных примеров подобного рода правовых актов является Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 N 289-ФЗ.

Выражается это в том, что ст. 259 этого закона «**Права таможенных органов»** вместо прав содержит перечень действий, сформулированных в стилистике, которая используется при описании обязанностей (для описания прав она непригодна – не оставляет свободы воли и выбора).

Это утвердительно-безапелляционная форма, которая предписывает совершение конкретных действий как обязательных. В данной статье эта форма представлена словами «принимают меры», «требуют документы», «используют», «задерживают», «обмениваются», «осуществляют», «разрабатывают» и «предъявляют». Если бы здесь имелись в виду права, то формулировки были бы иными, например, «могут принимать меры», «разрешается использовать» и т. п.

Такое применение эзопова языка обеспечивает видимость наличия статьи, посвящённой правам (для принятого ассортимента), но это понятно любому. Поэтому от этого языка лучше избавиться (он всё равно свою функцию не выполняет), а в статье – изменить название или содержание.

§ 12.2. Права и обязанности одного и того же субъекта в отношении одного и того же действия

Пример этого уникального «неправового» явления нам демонстрирует «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (в последней и не только редакции), в статье 63 которого отмечается, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей» (1); «родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей» (2); «родители имеют **преимущественное право на** обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами» (3).

В данной норме присутствует одновременно две существенных юридических неправильности.

Первая ошибка. В отношении **одного и того же действия** предусматривать субъективные права и обязанности для **одного и того же субъекта нельзя**.

Право дозволяет воспитание, то есть оставляет решение данного вопроса на усмотрение, на свободную волю родителя и делает воспитание совершенно необязательным.

В отличие от этого, обязанность предписывает воспитание как неукоснительное к исполнению, что исключает проявление свободной воли родителя.

Одно с другим совместить невозможно. Вот почему родителям следует оставить только правовой статус обязанности. Для данной ситуации он лучше, чем статус субъекта права, который делает воспитание необязательным.

Вторая неправильность – это второй из приведённых выше тезисов об ответственности за воспитание детей. Закрепляя его в законе, данная статья устанавливает ответственность не только за неисполнение обязанностей по воспитанию, что верно, но также и за неиспользование права на воспитание, что **в корне неверно**. Но **почему** и **для чего** родителям были установлены не только обязанность, но также и право воспитывать, обучать своих детей?

1. **Потому**, что они указаны в ст. 38 Конституции РФ.

2. **Для того**, чтобы можно было привести в ст. 63 СК РФ третий из указанных выше тезисов о том, что «родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей». Без изначального предоставления родителям права на воспитание, обучение закрепить этот тезис в законе было бы невозможно.

Но кто сказал, что этот тезис сам является верным?

Нам, например, его суть представляется иначе: «родители имеют преимущественное право на выполнение обязанностей по обучению и воспитанию своих детей перед всеми другими лицами, которые имеют обязанности по их обучению или воспитанию в силу своей профессии, а также перед теми, кто имеет возможность принимать участие в их воспитании по причине родства или иным причинам».

Использование этой либо иной подобной ей формулировки избавляет от необходимости: предоставлять родителям право на воспитание детей, делающее их воспитание необязательным (1); устанавливать ответственность за неиспользование права на воспитание, что является юридическим моветоном (2); изобретать невообразимое в виде упоминаемой в источниках правообязанности (3).

В предложенной выше формулировке упоминается **преимущественное право на выполнение обязанности**. Надеемся, что такое решение будет воспринято правильно.

Конкуренция субъектов обязанности за право, дающее возможность первыми или лучше исполнить свои обязанности, известна давно и имеет множество своих проявлений.

Так, например, рабочие, участвовавшие в социалистическом соревновании, очень активно боролись за право, дающее основание первыми спускаться в шахту, получать крепёж, вагонетки для отгрузки угля и т. д., что позволяло им первыми исполнять свои обязанности и как победителям получать за это переходящее знамя и достойную премию. Лётчики-испытатели и в наше время конкурируют за право первыми поднять в воздух новый самолёт, и так далее.

§ 12.3. Проблема конкуренции правовых статусов субъекта права и субъекта обязанности

Указанная в названии данного параграфа проблема рассматривается на примере Закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ (в редакции от 28.12.2024).

Для уяснения особенностей и сути этой проблемы необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Согласно Ст. 1 Закона «О полиции», которая называется «Назначение полиции», первостепенной обязанностью полиции является защита жизни людей:

«1. Полиция **предназначена для защиты жизни**, здоровья, прав[179] и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

2. Полиция незамедлительно **приходит на помощь** каждому, кто нуждается в её защите от преступных и иных противоправных посягательств».

Вывод о том, что основной обязанностью полиции является защита жизни подтверждается содержанием и такой же, в целом общей, ст. 12 данного закона, которая устанавливает обязанность работников полиции «устранять угрозы безопасности граждан» и «оказывать помощь лицам, находящимся в состоянии, которое опасно для их **жизни**».

Однако последующие нормы этого закона сконструированы не в такой же степени правильно как рассмотренные его ст. ст. 1 и 12. и не согласуются с ними.

---

[179] Субъективные права из данного перечня объектов полицейской защиты необходимо исключить, ибо они, будучи теоретическими моделями должного, причинению вреда при совершении преступлений или иных правонарушений подвергаться не могут и в защите от них не нуждаются. Данный вопрос детально рассмотрен в § 3.7. (прим. авт.)

Это несоответствие проявляется в тех случаях, когда **обязанность по защите жизни требует** совершения таких **действий**, как проникновение в помещения, на земельные участки и территории (1), вскрытие транспортных средств, проникновение в них (2), применение оружия (3) или физической силы и специальных средств (4), **а Закон** «О полиции» **предусматривает** для этих действий **не обязанность, а право их совершения** (см. ст. ст. 15, 15.1., 20, 21, 23 этого важного закона).

Обратите внимание на выделенные слова: **обязанность требует действий, а закон предусматривает право их совершения.**

Такая регламентация порождает несоответствие между нормами, которые устанавливают **обязанность**, **и** нормами, которые предоставляют **право на действия, необходимые для её исполнения.**

Если вдуматься в суть такого способа регламентации, то он представляется нелогичным и противоречивым.

Объясняется это тем, что право на какие-либо действия делает их необязательными, а это вступает в противоречие с наличием **обязанности совершать** в необходимых для её исполнения ситуациях **эти необязательные действия**, **то есть такие, которые разрешено и не совершать.**

Обязанность совершения действий, которые разрешается не совершать. Вот с чем мы столкнулись.

Для того, чтобы актуализировать эту, предлагаемую для рассмотрения, проблему и проникнуться её сущностью, достаточно представить ситуацию, в которой сотрудник полиции, имеющий **обязанность** по защите жизни, не выполнил эти **необязательные** для него действия, и человек, нуждавшийся в защите его жизни, **погиб**…

В такой ситуации возникают одновременно два важных вопроса о том, можно ли привлечь такого сотрудника к ответственности (1) и можно ли взыскать с него материальную компенсацию в гражданско-правовом порядке (2).

Ответы на эти вопросы зависят от того, как будет разрешён вопрос о конкуренции между теми нормами, которые устанавливают **обязанность** защищать жизнь людей, и теми нормами, которые предоставляют **право** на совершение необходимых **для этого необязательных** действий.

Если в этой конкуренции победят нормы, которые устанавливают обязанность, то сотрудник будет подлежать ответственности, и с него взыщут денежную компенсацию.

Если же верх одержат нормы, предоставляющие субъективное право, то привлечь сотрудника к ответственности будет невозможно и в гражданском иске заинтересованной стороне будет отказано.

По общепринятому правилу, между двумя конкурирующими нормами всегда выбирают ту, которая является специальной, и объясняется это тем, что она специально для этого частного случая и предназначена. Всё просто и логично.

Но какие из этих норм следует признать общими, а какие – специальными?

Торопиться с ответом не будем. Сначала порассуждаем.

Первый способ аналитики.

Ст. ст. 1 и 12 устанавливают **обязанность** защищать жизнь **для всех случаев**, не конкретизируя, требуют они, например, применения оружия или нет, **а** ст. ст. 15, 15.1., 20, 21 и 23, предоставляющие **право**, распространяют своё действие на выполнение большого числа обязанностей, в том числе и по защите жизни, но **для** таких **особенных ситуаций**, в которых возникает необходимость проникновения куда-либо, вскрытие чего-либо или же применения оружия, физической силы и специальных средств.

С этой точки зрения ст. 1 и ст. 12, устанавливающие обязанность, следует признать общими, а ст. ст. 15, 15.1., 20, 21 и 23, предоставляющие право, – специальными.

В такой ситуации сотрудник полиции вообще никакой ответственности подлежать не должен, и взыскать с него материальную компенсацию не получится.

Второй способ аналитики.

Ст. ст. 15, 15.1., 20, 21 и 23 предоставляют **право** проникновения, вскрытия или применения оружия, физической силы и специальных средств **во всех** указанных в законе **случаях** (не только тех, которые связаны с выполнением обязанности по защите жизни), а ст. ст. 1 и 12 устанавливают **одну из специальных обязанностей именно по защите жизни человека**.

С этой точки зрения всё получается наоборот, а именно: ст. ст. 15, 15.1., 20, 21 и 23, предоставляющие право, следует признать общими, а ст. 1 и ст. 12, устанавливающие обязанность, – специальными.

Соответственно этому таким же противоположным будет и вывод: сотрудник полиции ответственности подлежит, и денежная компенсация с него должна быть взыскана в обязательном порядке.

Общий вывод по итогам решения вопроса о том, какие из рассмотренных норм являются общими, а какие – специальными, можно озвучить очень просто – **«это тупик»**.

По этой причине таким же тупиковым оказывается и решение вопроса об ответственности нерадивого сотрудника.

И произошло всё это по следующим причинам.

Классическое правило решения вопроса о конкуренции общей и специальной нормы предназначено для такой ситуации, в которой идёт речь о частном случае, который является разновидностью более общего вида случаев. При этом данные случаи обязательно должны соотноситься между собой как **часть целого и само целое**.

В отличие от этого, специфика рассмотренной выше конкуренции норм заключается в том, что эти нормы распространяют своё действие на такие случаи, которые **не соотносятся между собой как целое и его часть.**

Соотношение случаев, охватываемых исследуемыми нормами подобно двум пересекающимся кругам, для каждого из которых предусмотрены свои правила.

Если лицо находится внутри одного круга и не заходит в общую для этих кругов зону их пересечения, – к нему применяются правила этого круга.

Если оно находится внутри другого круга и также не входит в зону их пересечения, – к нему применяются правила уже этого второго круга.

В нашем же случае идёт речь о такой особой ситуации, в которой лицо находится в зоне пересечения этих кругов, где действуют одновременно два вида правил, которые установлены для каждого из них, – и **правила защиты жизни**, и **правила применения оружия** (далее – **на их примере**).

Проблемный характер данной ситуации определяется тем, что при нахождении лица в зоне пересечения сфер действия этих правил вопрос о том, какие именно из них следует применять, решить практически невозможно.

Эти две группы **различных** правил предназначены для решения вопросов регламентации деятельности полиции для **различных**, выделяемых по **различным** критериям, случаев, которые по этой причине соотносить между собой как **целое и его часть недопустимо.**

Вот почему для ситуации пересечения сфер действия этих правил применение правила, которое было разработано для конкуренции общей и специальной нормы, позитивного результата обеспечить не может.

Первый способ выхода из этой ситуации состоит в том, чтобы раздвинуть имеющиеся круги, устранить зону их пересечения, что исключит ситуацию неразрешимой конкуренции правил, действующих в рамках этих кругов.

Один вариант этого способа предполагает, что **обязанность** защищать жизнь необходимо регламентировать таким образом, чтобы она не распространяла сферу своего действия на ситуации, требующие применения оружия.

Для этого следует либо запретить применение оружия для защиты жизни, либо исключить защиту жизни из перечня случаев, дающих право на применение оружия.

Однако это лишит нас возможности использования наиболее эффективного средства защиты жизни, что является недопустимым.

Таким же неприемлемым является и другой вариант применения этого способа, который заключается в том, чтобы оставить **право** на применение оружия, но только для таких ситуаций, которые с обязанностью защищать жизнь людей не связаны.

Этот вариант разделения сфер действия также лишает возможности использовать наиболее эффективное средство защиты жизни и также является неприемлемым.

Второй и последний способ выхода из имеющейся проблемной ситуации состоит в том, чтобы не трогать круги, оставить в покое зону их пересечения, но изменить сами правила, действующие в этих кругах, сделав их непротиворечащими друг другу и взаимно согласованными.

Для решения этой задачи необходимо устранить причину противоречий между ними, а она заключается в наличии у сотрудника **различных** правовых статусов (субъекта права и субъекта обязанности), установленных в отношении фактически одного и того же случая: защиты жизни с применением оружия – применения оружия для защиты жизни.

Это означает, что данные правила необходимо изложить **или** только в форме прав, **или** только в форме обязанностей.

Решение проблемы конкуренции правовых статусов субъекта права и субъекта обязанности.

Если сотруднику предоставить правовой статус **субъекта права**, то это будет означать, что **действия** по защите жизни, совершаемые без применения оружия (1), действия по применению оружия, но не для защиты жизни (2), применение оружия для защиты жизни и защита жизни с применением оружия (3) **будут** для него необязательными!

Основание их необязательности – наличие права, которое оставляет решение о совершении либо не совершении охватываемых им действий на свободную волю субъекта.

Совершенно очевидно, что такая полиция, действующая по своему настроению, или вообще бездействующая, что тоже возможно, никому не нужна. Что же остаётся?

Установить работнику полиции не право, а **обязанность** применения оружия для предусмотренных законом случаев.

Такое решение возражений вызывать не должно, – для правового обеспечения безопасности населения оно является самым оптимальным, эффективным и целесообразным.

Всё – проблема решена. Но это только общее принципиальное её решение, которое требует уточнения ещё одного **нюанса**, который мы будем рассматривать **на примере** действующей редакции ст. 23 Закона «О полиции» и предоставляемого ею **права** применять оружие для защиты другого лица от посягательства, сопряжённого с опасностью для его жизни. Далее мы будем называть это право более лаконично – **право** на применение оружия для защиты жизни.

Суть этого нюанса заключается в том, что, если **вместо** этого **права** вменить сотруднику **обязанность** применять оружие для защиты жизни и не оговорить при этом условия его применения, то он будет обязан применять его для защиты жизни и в тех ситуациях, которые этого не требуют.

Для того, чтобы такого неоправданного применения не происходило, установление обязанности применять оружие необходимо сопроводить оговоркой о том, что его следует применять только в том случае, **когда иными средствами защитить жизнь невозможно** (когда его применение является единственно возможным способом защиты жизни).

Такое решение будет устанавливать обязанность применять оружие, исключая при этом необходимость его необоснованного, неоправданного применения.

Аналогичным образом, но, разумеется, с учётом соответствующих особенностей формулировок следует решать вопрос и об установлении тех обязанностей сотрудника, которые предусматривают проникновение, вскрытие, а также применение физической силы или специальных средств.

Значение предлагаемой замены прав на обязанности состоит не только в решении выявленной проблемы регламентации, но также и в том, что их установление существенно повысит персональную ответственность работников полиции за выполнение ими своих профессиональных функций.

После установления для сотрудников таких обязанностей проблема, с которой мы начинали рассмотрение исследуемого вопроса, больше никогда не возникнет.

Сотрудник полиции, имевший возможность выполнения обязанности по защите жизни, или иной обязанности, но не выполнивший её, вне всяких сомнений будет подлежать привлечению к ответственности и взысканию с него материальной компенсации.

Существует ещё один способ обоснования того, что профессиональные функции сотрудников полиции по обеспечению безопасности необходимо устанавливать в форме обязанностей, а не прав субъекта.

Это очень простой, очевидный и одновременно более глубокий и универсальный способ, посредством которого можно решить не только проблему конкуренции правовых статусов субъекта, решённую в этом параграфе, но и иные не менее важные проблемы.

Одна из проблем, которую можно решить этим способом, рассматривается в следующем параграфе. С учётом этого здесь мы этот способ не применяем, но просим обратить на данный момент внимание. Материал следующего параграфа ещё раз подтвердит результаты этого параграфа.

***

– Василий! Стреляй по колёсам! Преступник уходит!

– Не буду. У нашей прокуратуры показателей по фактам незаконного применения оружия сотрудниками не хватает. В прошлый раз пришлось целый месяц отписываться. Спать не мог, похудел на 5 килограмм. Да и к тому же стрельба – не обязанность, а наше право. Если хочется, сам и стреляй.

§ 12.4. Установление статуса субъекта права вместо статуса субъекта обязанности

Рассмотрение данной проблемы проводится на примере регламентации профессиональных функций полиции

Специализация деятельности и взаимодействие.

Наиболее эффективным способом создания условий реализации жизненных стремлений членов общества является специализация деятельности и последующий **обмен** услугами, произведёнными товарами и иными её результатами.

Одним из общественно значимых видов услуг является деятельность полиции. Она оплачивается народом посредством уплаты налогов через бюджет и является следствием фактически закреплённого законодательством общественного договора об оказании населению услуг по обеспечению его безопасности.

В рамках данного договора народ выступает в качестве работодателя, а полиция – в качестве наёмного работника.

По этому договору население нанимает полицию для работы по реализации имеющихся у него моральных прав на обеспечение собственной безопасности, на защиту, спасение жизни своих представителей.

Понимание этих моментов указывает на то, что в рамках данного договора общественного найма у сотрудника полиции как наёмного работника имеются не права, а **обязанности** по обеспечению безопасности населения и, в первую очередь, по защите и спасению жизни его представителей.

Вот почему вся профессиональная деятельность полиции по обеспечению безопасности населения должна быть регламентирована в форме **обязанностей**[180], **а не** в форме субъективных **прав**.

---

[180] Этот способ доказательства подтверждает результаты предыдущего параграфа, где использовался другой способ обоснования необходимости регламентации функций полиции по обеспечению безопасности именно в форме обязанностей (прим. авт.)

Правовой статус работника полиции.

В рамках общественного договора по оказанию услуг, обеспечивающих безопасность населения, сотрудник полиции является субъектом (стороной, участником) одновременно **двух** неразрывно связанных между собой комплексов субъективных прав и обязанностей (правовых комплексов).

Эти комплексы устанавливаются (возникают) в момент трудоустройства гражданина на работу в полиции.

Другим субъектом (другой стороной) этих комплексов прав и обязанностей является население.

Второй комплекс прав и обязанностей.

Именно с него мы начинаем рассмотрение правового статуса работника полиции потому, что благодаря этому нам не придётся в дальнейшем прерывать логическую цепь рассуждений, поясняющих содержание первого комплекса прав и обязанностей, субъектом которого является сотрудник полиции, а также потому, что для понимания этот **правовой комплекс** является самым простым и очевидным.

Данный комплекс прав и обязанностей регулирует экономическую составляющую взаимодействия сотрудника полиции и населения, являющегося предметом договора общественного найма полиции.

В его рамках у сотрудника полиции имеется **право** получать оплату за выполнение обязанности по обеспечению безопасности представителей населения, а у населения – **обязанность** оплачивать эту работу, её материально-техническое обеспечение и социальный пакет сотрудника.

Посредником в реализации этих прав и обязанностей являются органы государственного управления в лице законодателя, различных министерств, комитетов и ведомств, чьё участие является необходимым для обеспечения функционирования механизма опосредованного публичного договора общественного найма полиции.

Деятельность этих посредников также регулируется соответствующими договорами их общественного найма.

Первый комплекс прав и обязанностей.

Именно этот комплекс прав и обязанностей является для населения **целевым**, ради которого заключён и применяется договор общественного найма полиции.

Для краткости, а также с учётом содержания составляющих его прав и обязанностей этот **правовой комплекс** можно назвать **охранительным**.

В нём у сотрудника возникает **обязанность** по обеспечению безопасности населения, а у населения (как работодателя) – **право** получить от сотрудника полиции результат исполнения этой обязанности.

Суть этой **обязанности** по обеспечению безопасности населения состоит в том, что она предписывает сотруднику полиции выполнение действий **по реализации права населения на безопасность** его представителей.

Для исполнения именно этой обязанности население нанимает сотрудника полиции на работу.

Исполнение этой обязанности означает, что, решая задачу обеспечения безопасности населения, сотрудник действует не от своего имени как субъекта данной обязанности, а **от имени** населения и **вместо него**, выполняя **за него** те действия, на совершение которых имеют право представители населения.

Особенность общего базового охранительного комплекса субъективных прав и обязанностей, установленного договором общественного найма полиции.

Общая обязанность обеспечивать безопасность населения, возлагаемая на полицию по договору её общественного найма, предполагает, что также именно в форме обязанностей, а не прав, должны быть регламентированы абсолютно все конкретные действия, совершаемые полицией по обеспечению безопасности представителей населения.

Эти конкретные виды обязанностей являются обязанностями-средствами исполнения исходной общей обязанности полиции по обеспечению безопасности.

Если бы работникам полиции было предоставлено **право** на исполнение конкретных действий по обеспечению безопасности, то это сделало бы эти действия **необязательными** и поставило под угрозу исполнение общей обязанности обеспечивать безопасность населения, которое платит деньги полиции в том числе и за то, чтобы его безопасность не зависела от усмотрения конкретных исполнителей.

Вот почему совершение действий полиции по обеспечению безопасности представителей населения должно быть регламентировано именно в форме обязанностей, а не прав, предоставляемых конкретным сотрудникам.

Особенно актуальным является данное требование для тех ситуаций, которые угрожают человеческой **жизни**.

С этой точки зрения предоставление работникам полиции **прав** на совершение действий, **необходимых для защиты и спасения жизни** следует признать неприемлемым, недопустимым (§ 12.3.).

Понимание этих несложных вещей указывает на неправильность имеющего место к настоящему времени предоставления сотрудникам полиции **права** на совершение специальных действий, направленных на защиту, спасение жизни, а также на решение иных задач по обеспечению безопасности населения (§ 12.3.).

К таким неверно предоставленным правам, в частности, относятся **права** на проникновение в помещения, на земельные участки и территории (1), вскрытие транспортных средств, проникновение в них (2), применение оружия (3), физической силы (4) или специальных средств (5), которые закреплены ст. ст. 15, 15.1., 20, 21, 23 Закона «О полиции».

Все **права** полиции на эти и другие действия по обеспечению безопасности **следует заменить на обязанности**.

Поднятая в данном параграфе проблема присутствует не только в Законе «О полиции». Надеемся, что представители отраслевых юридических наук смогут уделить внимание и её надлежащему рассмотрению.

§ 12.5. Причины упоминания в законах субъективных прав вместо обязанностей

Проблема нормативного закрепления субъективных прав вместо обязанностей присутствует не только в Законе «О полиции», и мы уже обратили внимание на это обстоятельство в конце предыдущего параграфа.

С этой точки зрения причины возникновения данной проблемы можно рассматривать на примере любого такого закона, но мы намеренно продолжаем использовать в качестве примера Закон «О полиции».

Данный выбор определяется значимостью этого закона, который относится к числу нормативно-правовых актов, предназначенных для защиты и спасения **жизни**, а это очень весомо **повышает степень значимости и** тех **проблем**, которые существуют в регламентации деятельности по защите, спасению жизни, **и вопросу об их причинах**.

Благодаря выбору именно этого примера **такими же актуальными будут и результаты** данного исследования.

Для ответа на вопрос о причинах неправильной регламентации функций полиции в форме прав, а не обязанностей, необходимо было бы побеседовать с разработчиками Закона «О полиции» и теми, кто **пятнадцать лет назад** принимал участие в его обсуждении и принятии, но это по очень многим причинам нереально. С учётом этого нам проще самим привести наиболее вероятные версии возникновения данной проблемы.

Первое возможное обстоятельство.

Проблема неверного установления сотрудникам правового статуса субъекта права вместо статуса субъекта обязанности досталась Закону «О полиции» в наследство от Закона «О милиции», и никто над ней вообще не задумывался.

Второе возможное обстоятельство.

Неразработанность научных основ регламентации деятельности по реализации публичных прав населения.

Третье возможное обстоятельство.

Стремление подчеркнуть нравственную **обоснованность** действий полиции по причинению в необходимых случаях вреда и **непринятие во внимание** того, что к категориям нравственного сознания относятся не только субъективные права, но и соответствующие им **обязанности**.

Четвёртое возможное обстоятельство.

Это обстоятельство имеет комплексный характер в виде рокового стечения двух различных и вполне самостоятельных, не зависящих друг от друга обстоятельств.

Одно из них – это отсутствие постоянно действующего навыка подходить к решению интеллектуальных задач комплексно и системно.

Другое – это многофункциональность термина «право» в его понимании как права на что-либо и связанное с ним **многовариантное** употребление этого термина.

Так, в частности, понятие субъективного права на совершение действий имеет четыре основных своих функции, которые подчёркивают: **нравственную обоснованность** совершения определяемых этим правом действий (1); их незапрещённость, **дозволенность**, разрешённость для субъекта права (2); **необязательность** совершения этих действий, которая характеризует наличие свободной воли субъекта (3); их **оправданность**, которая исключает возможность упрёка за их совершение (4).

Однако в **повседневной** жизни нам ещё не приходилось сталкиваться с ситуациями, которые требовали бы употребления данного термина одновременно во всех его значениях.

Люди, применяющие этот термин, обычно имеют в виду только какую-либо одну из его функций, но специально её не озвучивают, не поясняют, и это всё равно всем понятно.

Объясняется это тем, что они сразу распознают контекст, в котором используется конкретная функция этого термина, и отличают его от контекста, предполагающего применение какой-либо иной функции прав субъекта.

Происходит это потому, что сознание, наблюдая за употреблением слова «право» его хозяином и другими людьми, обучилось практически мгновенно определять наличие ситуации, требующей употребления данного слова, причём, даже в том случае, когда для конкретной ситуации необходима **одна или несколько из выполняемых им функций, и другие его функции учитывать не требуется**.

Так сформировалась привычка мышления оперировать термином «право субъекта» преимущественно в каком-либо одном из его функциональных значений.

Понимание данной особенности мышления позволяет предложить следующий вариант объяснения того, каким образом могло получиться, что, например, обязанность применять в **необходимых** случаях оружие была указана в законе в форме права на его применение (§ 12.3.).

Когда у разработчиков Закона «О полиции», а, скорее всего, Закона «О милиции», возникла необходимость подчеркнуть обоснованность и оправданность применения оружия сотрудниками, их сознание в соответствии с данным запросом естественно предложило слово «право»: «Что Вы хотели, господа (товарищи)? Обоснованность и оправданность применения оружия? Пожалуйста, вот Вам термин "субъективное право"». И это предложение было принято.

Но сознание невиновато в том, что его не обучили мыслить системно (**учитывать все функции права одновременно**) и не заложили в него понимание того, что понятие обязанности также относится к категориям нравственного сознания и также придаёт указанным в ней моделям действий нравственные обоснованность и оправданность.

Краткий вариант объяснения: надо было подчеркнуть обоснованность, оправданность; вспомнили о праве, которое их обеспечивает, а о том, что оно делает действие необязательным, не подумали. Возможная причина – привычка использовать термин «право субъекта» как правило в какомлибо **одном** из его функциональных значений.

Эта же причина могла привести и к закреплению статуса субъекта права на воспитание, совмещённого со статусом субъекта обязанности по воспитанию (§ 12.2.).

Вряд ли авторы специально стремились устроить конфликт между этими правовыми статусами. Скорее всего, они просто **не учли** того, что наличие права на воспитание делает воспитание необязательным, а это следствие привычки применять термин «субъективное право» без учёта абсолютно всех выполняемых им функций.

Рекомендация будущим законодателям: пожалуйста, запомните, что употребление многофункционального термина «субъективное право» для использования одной или нескольких его функций не отменяет другие его функции.

Банально? Да. Но это позволит не допустить ошибки, аналогичные тем, которые допущены в Законе «О полиции» и Семейном кодексе (§§ 12.2. и 12.3.) и иных проблем.

***Пятое возможное обстоятельство*.**

Это привычка признавать адресатами регулятивной нормы права (договора) **непосредственно** взаимодействующих лиц, которая правильна не для всех ситуаций.

Для случаев взаимодействия работников полиции и правонарушителя, в которых сотрудник действует **не от своего имени**, а выполняет обязанности по реализации прав населения (**чужого права**), эта манера мышления не подходит.

Например, правильно понимаемое и выстроенное правоотношение, стороной которого является правонарушитель, посягающий на жизнь, предполагает, что другой его стороной является лицо, на жизнь которого он посягает.

Именно у этого лица в первую очередь возникает право потребовать от преступника прекращения его посягательства, а при невыполнении этого требования – право на действия по защите своей жизни, которое закреплено ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона».

Данные права обороняющегося порождают у преступника обязанность прекратить посягательство и, если оно не

будет прекращено, – обязанность без последующих претензий претерпеть применяемые к нему меры защиты.

Помимо этого такие же права на защиту потенциальной жертвы возникают и у любого другого обычного человека, что также определяется ст. 37 УК РФ, которая предоставляет право на защиту не только собственной жизни.

Сотрудник полиции – тоже человек, и у него также возникает право на защиту других, но только как у обычного человека, а не как сотрудника полиции.

Воспользоваться этим правом обычного человека работник полиции не может. Это право, как предусмотренное общей нормой о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), блокируется наличием у сотрудника специальной профессиональной **обязанности** защищать жизнь других людей.

Это означает, что при защите жизни других людей сотрудник не является стороной (субъектом) правоотношения с преступником, в котором у другой его стороны имеется право на защитные действия.

В данной ситуации **он** действует как **субъект обязанности** защищать жизнь других, которая возникает у него в рамках **других правоотношений** – тех, которые определяются **общественным договором найма полиции**. Исполнение этой обязанности оплачивается ему народом, и уклониться от её исполнения сотрудник не может.

Непонимание этих особенностей также могло привести к тому, что Закон «О полиции» признал сотрудника субъектом **права** в рамках правоотношения с преступником.

В таком **неправильном правоотношении работник** полиции **имеет право**, например, требовать прекращения посягательства (ст. 13 Закона «О полиции»), **а нарушитель** закона – **обязанность** выполнить это требование.

Внешне данная ситуация выглядит как классическое правоотношение, в котором у одной его стороны (у работника полиции) имеется право, а у другой (у преступника) – обязанность. С этим вопросом всё в порядке.

Однако по своему существу такое правоотношение не соответствует предъявляемым к полиции требованиям «**всегда**, **в любой ситуации** требовать прекращения правонарушений», а не только в том случае, когда сотрудник полиции **соизволит** воспользоваться своим **правом требовать** их прекращения, **которое** закреплено Законом «О полиции».

Вот к каким результатам может привести манера всегда признавать субъектами правоотношений непосредственно взаимодействующих субъектов.

Проблема неверного установления адресатов регулятивной нормы права (договора), их правового статуса присутствует и в теории уголовного права.

Авторы, рассматривающие уголовно-правовое отношение, единодушно признают его сторонами непосредственно взаимодействующих субъектов в лице **преступника** и **правоохранительных органов,** которые более правильно следовало бы называть органами обеспечения безопасности (этот нюанс детально поясняется в § 3.7.).

В этом правоотношении все авторы усматривают у преступника статус обязанности претерпеть уголовное наказание и иные меры уголовно-правового реагирования, и это правильно. Однако относительно правового статуса правоохранительных органов их мнения разделились.

Одни авторы, опираясь на требования уголовного закона, усматривают у органов обеспечения безопасности **обязанность** привлечь преступника к ответственности.

Такой подход является абсолютно верным в том смысле, что полностью соответствует реалиям действительности, однако возникающее при этом правоотношение классическому его пониманию **не соответствует**.

В классическом понимании правоотношения у его сторон должны быть различные правовые статусы в виде обладателей прав и обязанностей, а если органам безопасности установить правовой статус обладателя обязанности, то это требование нарушается.

В этом случае у органов безопасности и преступника будут одинаковые правовые статусы субъектов обязанности, что с точки зрения правильного понимания сущности правоотношений является неприемлемым.

Другие авторы обратили внимание на это обстоятельство и для того, чтобы правоотношение между органами безопасности и преступником соответствовало его классическому пониманию, предложили считать, что у органов безопасности должно быть «**право**», а не «обязанность привлечь». Но такой подход обеспечивает лишь правильный **внешний вид** правоотношения, ибо **на самом деле** у работников этих органов имеется **обязанность**, **а не право** привлекать виновных к ответственности.

В результате этого возникла неразрешимая ситуация, которую принято называть дилеммой: если органам безопасности вменить «обязанность привлекать», то это будет соответствовать действительности, но не будет соответствовать правильному пониманию сущности правоотношений; если же предоставить «право на привлечение», то это будет внешне выглядеть как правильное правоотношение, но будет вступать в противоречие с реалиями действительности.

Данная дилемма, как и любая иная дилемма, без «потерь» разрешена быть не может. В первом варианте её решения приходится жертвовать одним, во втором – другим, но без жертв в любом случае обойтись невозможно.

Невозможность разрешения этой дилеммы и пока ещё «общепринятая необходимость» (§ 13.2.) рассмотрения уголовно-правового отношения как предмета правового регулирования привели к тому, что некоторые авторы, не имея аргументов возразить ни первым, ни вторым, согласились и с теми, и с другими, после чего, проявляя чудеса компромисса, сделали вывод о том, что различие между этими точками зрения какого-то особо принципиального значения не имеет, поскольку главное в них изложено абсолютно верно: у преступника, как это и должно быть по смыслу уголовного

закона, в любом случае имеется «обязанность претерпеть», чего с практической точки зрения вполне достаточно.

Однако и данной дилеммы, и приведённого компромиссного варианта её решения можно было бы избежать при помощи постановки всего одного исследовательского вопроса о том, у кого возникает так называемое «право привлечь».

Это обеспечительное право возникает только у потерпевшего, а также у тех, чьи права на безопасность нарушаются самим фактом существования среди них преступника как лица, проявившего способность совершать преступления. Но кто это? Представители населения, у которых и возникает моральное право на применение к преступнику мер уголовно-правового реагирования, направленных на обеспечение **их** безопасности.

А далее само собой приходит понимание того, что **органы безопасности**, **их работники**, **действуют в рамках договора общественного найма и** принимают решения не сами, а **имеют определяемые населением обязанности привлекать** преступников к ответственности **от его имени**.

Эти обязанности вменяются работникам в момент их трудоустройства на основании соответствующего законодательно закреплённого договора общественного найма.

При этом в некоторых случаях решение вопроса об ответственности носит **не публичный характер**, **а оставлено на усмотрение конкретных представителей населения**.

В уголовно-процессуальном праве такие ситуации принято называть частным и частно-публичным обвинением.

В этих случаях уголовное преследование инициируется только по заявлению (жалобе) потерпевшего, что также подтверждает наличие у органов безопасности функции инструмента обеспечения безопасности в руках населения. Того инструмента, которым при частном и частно-публичном обвинении население управляет непосредственно: при наличии заявления (жалобы) о совершении преступления работникам органов безопасности предписано привлекать

виновных к ответственности, а при их отсутствии, несмотря на факт совершения преступления, они привлечь виновного к ответственности уже не могут.

Таким образом получается, что, если бы упомянутый выше вопрос о том, у кого именно появляется обеспечительное «право привлечь», был поставлен, то **второй стороной правоотношения с преступником было бы признано население,** и рассматриваемая дилемма не возникла.

При этом органы безопасности и их работники, как это и должно быть в соответствии с требованиями УК и УПК РФ, имели бы «обязанность привлечь виновного» не только в реальной жизни, но и в понимании данного вопроса уже абсолютно всеми представителями науки уголовного права.

Существует проблема неверного установления адресатов нормы права (договора), а также их правового статуса и в общей теории права.

Основная её причина является такой же. Это отсутствие должного понимания целей нормативной регламентации, её правовой логики и механизма действия на своих адресатов.

Одним из примеров наличия данной проблемы в теории права является фрагмент творчества Т. А. Солодовниченко: «в публичных правоотношениях юридической **обязанности может корреспондировать** …юридическая **обязанность** другого лица»[181].

В изысканной, но, как нам представляется, неуместной стилистике, присущей теории права, слово «корреспондировать» принято использовать либо для характеристики правовой связи, которая существует в **одном** правоотношении между субъективным правом и обязанностью субъектов (1), либо для того, чтобы показать, что в правоотношении субъективному праву должна соответствовать обязанность (2).

---

[181] *Солодовниченко Т. А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Омск. 2016. С.23.

С учётом этого получается, что в данном высказывании речь идёт об одном общем для субъектов публичном правоотношении, но таком, в котором у его сторон имеются одинаковые правовые статусы обязанности.

Однако правоотношение, у субъектов которого имеются одинаковые правовые статусы, правильному пониманию правоотношения не соответствует (§ 11.2.).

Одинаковые, но **не корреспондирующие** статусы обязанности непосредственно взаимодействующих субъектов могут иметь место только в **различных комплексах публичных правоотношений**, которые устанавливаются **различными публичными договорами**, но в этом случае обязанности по одному договору обязанность по другому договору «корреспондировать» не может.

Надеемся, что эти пояснения будут правильно восприняты Татьяной Анатольевной, которая, также, как и мы полагает **неприемлемым** закрепление в законах правового статуса субъекта права вместо статуса профессиональной обязанности по реализации публичных прав населения.

Опираясь на правильное понимание действительности, она **абсолютно верно** критикует предоставление прав тем лицам, которые призваны обеспечивать реализацию прав населения (она называет эти права интересами), и также **абсолютно верно** предлагает устанавливать им обязанности: «Удовлетворение общественных интересов нельзя ставить в зависимость от характерного для субъективного права произвольного усмотрения управомоченных лиц, поэтому в основе публично-правового регулирования должны лежать юридические обязанности»[182].

Проблему неверного установления статуса адресатов регулятивной нормы и договора можно было решить и без слова «правоотношения», но здесь оно было использовано намеренно, для её рассмотрения на языке её возникновения.

---

[182] *Солодовниченко Т. А.* Та же раб. С. 23.

§ 12.6. Предложения по устранению проблемы неверного упоминания в законодательстве субъективных прав вместо обязанностей

Оплачиваемые посредством уплаты налогов профессиональные функции по реализации публичных и иных прав населения должны быть регламентированы в виде обязанностей. Причём не только в Законе «О полиции», но и во всех иных нормативно-правовых актах, в которых данная профессиональная деятельность работников бюджетных организаций оказалась регламентированной в форме субъективных прав, а не субъективных обязанностей.

Работа по внесению в законодательство соответствующих изменений должна носить творческий характер.

Это необходимо для того, чтобы не совершить обратной по смыслу ошибки, то есть для того, чтобы не назвать обязанностями те субъективные права работников и юридических лиц, которые предоставлены им обоснованно, в силу жизненной необходимости, что может иметь место, например, при **делегировании** народом своих **прав** управленцам в тех особых случаях, когда им целесообразно предоставить возможность самим оперативно решать от нашего имени различные вопросы нашей жизни[183] без проведения всенародных референдумов или референдумов местного уровня, без проведения собраний учредителей, акционеров, членов различного вида обществ, товариществ, ассоциаций.

Предоставление субъективных прав отдельным исполнителям (работникам) и юридическим лицам может быть оправданным и в некоторых иных ситуациях.

---

[183] 1). Термин «государство» здесь не употребляется намеренно (ни одного приемлемого понятия государства нам, извините, обнаружить не удалось). 2) Делегированные права – вот что имеет смысл называть правомочиями. Соответственно этому, управомоченные – это лица, которые обладают делегированными им правами (прим. авт.).

Внесение в законы предлагаемых изменений: позволит повысить персональную ответственность конкретных работников (1); обеспечит снижение числа коррупционных преступлений и иных злоупотреблений, совершению которых способствует предоставление права решать либо не решать значимые для населения вопросы (2); существенно расширит перечень правовых гарантий, обеспечивающих реализацию прав населения, что позволит в ещё большем числе случаев взыскивать с виновных в неисполнении соответствующих профессиональных обязанностей компенсацию вреда, упущенную выгоду и т. п. (3).

В ходе внесения в нормативные акты предложенных изменений необходимо иметь в виду, что механизм реализации базовых, исходных прав населения предопределяет наличие довольно большого числа прав обеспечительного характера (прав-средств).

Соответственно этому и базовые обязанности также порождают довольно большое число обязанностей-средств, которые соответствуют правам-средствам.

Так, в частности, праву населения на обеспечение безопасности соответствует общая исходная обязанность органов безопасности по обеспечению безопасности населения, которая влечёт возникновение целого ряда обязанностей-средств в виде обязанностей, **например**: требовать прекращения посягательства; проникать в жилище; применять физическую силу, спецсредства, оружие; задерживать тех, кто совершил преступление; проводить допросы, обыски, иные следственные действия; выносить приговоры и применять меры уголовно-правового реагирования.

Все эти обязанности-средства конкретных работников полностью соответствуют правам-средствам населения, которые, как правило, нормативно не закреплены, но это не означает, что их не существует.

Именно права-средства незримо стоят за всеми обязанностями по обеспечению безопасности населения, именно

они являются причиной, порождающей статус субъектов обязанностей-средств у органов безопасности и их работников в рамках договора их общественного найма.

Понимание этих моментов позволяет избежать упоминающейся в литературе проблемы существования статуса субъекта обязанности при **отсутствии** у другого лица соответствующего ему встречного статуса субъекта права.

Избежать проблемы существования статуса обязанности-одиночки позволяет ещё одна логика: полноформатная регулятивная норма, даже распределённая по различным статьям различных отраслей права, а также договор всегда имеют своими адресатами две категории лиц, существование которых друг без друга смысла не имеет, и для которых устанавливаются различные правовые статусы – субъектов прав и субъектов обязанностей (§§ 11.1. и 11.2.).

Для того, чтобы составить полный перечень обязанностей-средств, вначале необходимо представить, что население, его отдельные группы сами занимаются реализацией какого-либо своего базового (исходного) права.

После этого станет очевидным и перечень всех имеющихся у населения прав-средств, и соответствующий ему перечень обязанностей-средств, которые должны возлагаться на тех, кто выполняет профессиональные функции по реализации публичных прав населения.

Но эта заключительная рекомендация в большей степени пригодится для разработчиков новых законов.

Для приведения в порядок уже принятых законов мы её упомянули на всякий случай, ибо эти законы уже охватывают собой весь необходимый для регламентации круг самых различных вопросов, и законодателю остаётся лишь изменить статус субъекта права на статус субъекта обязанности для тех проблемных ситуаций, которые рассмотрены в этой главе. Но эта рекомендация может оказаться полезной при внесении в существующие законы новых, требуемых жизнью, изменений и дополнений.

§ 12.7. Проблемы, возникающие при замене прав и обязанностей взаимодействующих сторон только на субъективные обязанности

После того, как профессиональные функции по реализации прав населения будут регламентированы в форме обязанностей, а не субъективных прав, теория права столкнётся с новыми аспектами правовой регламентации этого вида профессиональной деятельности.

Один из таких новых аспектов – наличие **одинакового** правового статуса субъекта обязанности у обеих непосредственно взаимодействующих сторон.

Пример возникновения данной ситуации.

Действующая редакция ст. 13 Закона «О полиции» предоставляет полиции **право** запрашивать у бюджетных организаций и их должностных лиц информацию, необходимую её работникам для расследования преступлений.

Это **право** порождает **обязанность** указанных организаций и их работников предоставлять полиции запрашиваемую ею информацию.

Внешне данная ситуация выглядит юридически безупречно, то есть как классический комплекс прав и обязанностей, у адресатов которого имеются различные правовые статусы сторон (субъектов). Полиция имеет правовой статус обладателя субъективного права, а исполнители запроса – статус субъекта обязанности.

Однако **на самом деле,** как это предполагается договором общественного найма полиции, у неё должна быть обязанность, а не право делать такого рода запросы.

Объясняется это тем, что субъективное право превращает этот вид деятельности в **необязательный**, в то время как в соответствии с данным договором эти запросы являются **необходимым (обязательным)** условием выполнения имеющейся у полиции общей обязанности по обеспечению безопасности населения.

Совершенно очевидно, что оставлять решение данного вопроса на усмотрение конкретных работников, как это предполагается субъективным правом, недопустимо.

Принимая во внимание эти обстоятельства, в данную статью следует внести изменение и предусмотреть для полиции не право, а **обязанность** делать запросы на предоставление необходимой информации.

Но в этом случае получится, что у непосредственно взаимодействующих сторон будут присутствовать **одинаковые** правовые статусы субъектов обязанности: полиция будет иметь **обязанность** запрашивать необходимую для неё информацию, а упомянутые организации, как это и должно быть в действительности, – **обязанность** её предоставлять.

Анализ и пояснение данной ситуации.

Для доктрины права **именно эта ситуация** наличия **одинакового** правового статуса **обязанности** у обеих взаимодействующих сторон может показаться необычной, и это не случайно. Тому имеются одновременно две причины, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

1. Вообще говоря, **в самом по себе** как таковом факте наличия у непосредственно взаимодействующих субъектов встречных обязанностей ничего необычного нет.

Эта ситуация возникает при заключении любого двустороннего договора, который устанавливает как минимум два комплекса встречных прав и обязанностей.

В таком договоре один из его субъектов имеет какую-то одну, а второй – какую-либо другую обязанность.

Однако в рассматриваемом случае ни о каком двустороннем договоре и определяемых **им** двух встречных обязанностях и речи быть не может.

Объясняется это тем, что до замены ранее имевшегося у полиции статуса субъекта права на статус субъекта «обязанности запрашивать информацию» решение данного вопроса было регламентировано в рамках **не двух, а только одного** комплекса права и обязанности. Того комплекса,

наличие которого определялось ранее имевшимся правом запрашивать информацию и порождаемой этим правом обязанностью по её предоставлению.

В рамках этого, определяемого ранее имевшимся правом запрашивать информацию, комплекса права и обязанности, правовая регламентация проводилась с абсолютно полным соблюдением всех её базовых правил, которые требуют, чтобы регламентация деятельности осуществлялась посредством установления различных правовых статусов субъектов. Именно в этом подходе «установления различных правовых статусов сторон (субъектов)» выражается классика правовой регламентации, сама её суть и предназначение (Глава XI).

Теперь же, после изменения правового статуса полиции, эти каноны нарушаются. В регулятивном комплексе правовых статусов эти статусы должны быть различными, а в рассматриваемой ситуации у взаимодействующих сторон **при отсутствии** между ними двустороннего соглашения эти статусы будут одинаковыми: у полиции будет иметься **обязанность** запрашивать, а у второго субъекта в лице бюджетной организации – **обязанность** представлять информацию.

С точки зрения классической правовой логики при отсутствии двустороннего договора такого быть не должно (см. Главу XI и особенно последнюю часть § 11.2.).

Здесь мы эту логику правовой регламентации ещё раз повторять не будем. Но не только потому, что ранее уже пояснили её. От этого нас избавляет вторая причина, по которой рассматриваемая ситуация изменения правового статуса полиции является необычной.

2. Основанием возникновения (установления) и существования обязанности бюджетных организаций предоставлять полиции информацию было закреплённое ст. 13 Закона «О полиции» право полиции запрашивать её у этих организаций. Именно это право полиции с необходимостью порождало данную обязанность.

Теперь же, после изменения правового статуса полиции, ранее имевшееся у неё **право** запрашивать информацию **исчезает**, а вслед за этим исчезают и **основание** возникновения **обязанности** предоставлять информацию, и **сама** эта **обязанность**, и **весь** ранее существовавший **комплекс правовых статусов**, который был призван обеспечивать получение полицией информации, необходимой для выполнения обязанностей по расследованию преступлений.

Это означает, что требуемое изменение правового статуса полиции **освобождает** бюджетные организации **от обязанности** предоставлять ей информацию, а это создаёт для полиции препятствие и делает невозможным выполнение своих обязанностей по расследованию преступлений.

Каким же образом полиция будет исполнять свою обязанность по истребованию информации, если обязанность этих организаций по её предоставлению исчезнет?

Решение проблемы, возникающей при изменении правового статуса полиции (и не только полиции).

Указанную выше проблему снятия с бюджетных организаций обязанности по предоставлению полиции информации следует решать также, как и всегда, то есть также, как это предполагается классикой правовой регламентации. Никакого изобретательства для этого не требуется.

Для решения этой задачи достаточно сделать эти организации субъектом **другого**, но уже правильного регулятивного **комплекса правовых статусов**, в котором у данных организаций будет статус субъекта обязанности предоставлять полиции информацию по её запросу.

Основанием для установления такого рода комплекса правовых статусов будет являться право населения на собственную безопасность и определяемое этим правом его же право-средство на информацию, которая необходима для обеспечения этой безопасности.

Субъектами такого комплекса прав и обязанностей будут население и бюджетные организации. У населения в нём

будет **право**-средство на получение указанной информации, а у организаций – **обязанность** предоставлять её по запросу полиции, которая обеспечивает реализацию этого права.

В этом случае у непосредственно взаимодействующих сторон в лице полиции и бюджетных организаций (мы начинали своё пояснение именно с этого момента) также будут **одинаковые** статусы субъектов обязанности. Полиция будет иметь обязанность запрашивать, а бюджетные организации – обязанность предоставлять полиции необходимую для обеспечения безопасности населения информацию.

Однако эти обязанности будут существовать в рамках не одного, а двух различных комплексов прав и обязанностей.

Благодаря этому все каноны классики правовой регламентации, которая подразумевает правовое регулирование посредством установления различных правовых статусов субъектов, при этом будут полностью соблюдены, а регламентировать какой-либо вид деятельности посредством не одного, а двух комплексов прав и обязанностей никто не запрещает и запретить не может хотя бы уже по той причине, что именно этот способ используется во всём мире при заключении двусторонних договоров, которые устанавливают несколько комплексов прав и обязанностей их участников. Так почему бы не применить этот способ в данном случае?

Более широкий подход к решению данного вопроса подсказывает, что для реализации имеющегося у населения права-средства на информацию, которая необходима для обеспечения его безопасности, **обязанность** предоставлять запрашиваемую полицией информацию следует возложить не только на бюджетные организации, а **на всех** юридических и физических лиц (1), и охватывать такая обязанность юридических и физических лиц должна предоставление информации не только полиции, но **и другим** министерствам, службам, комитетам, советам и ведомствам, которые выполняют обязанности по обеспечению безопасности населения в рамках договора их общественного найма (2).

Где и каким образом следует закрепить эту обязанность по предоставлению информации, принципиального значения не имеет. Её в общем-то можно закрепить где угодно.

Главное, чтобы нормативный акт, закрепляющий эту обязанность, имел статус федерального закона, ибо только так можно вменить такую обязанность юридическим лицам, имеющим статус органов государственного (федерального) управления.

Например, её можно закрепить в каждом из законов, которые будут предписывать обязанность запрашивать информацию, необходимую для осуществления функций того или иного государственного органа.

Более широкие перспективы регламентации.

Только что указанному выше способу регламентации мы отдаём предпочтение не случайно, а потому, что на него указывает ещё более широкий и перспективный подход.

Дело в том, что обязанность полиции запрашивать необходимую информацию является не единственной, которая предполагает установление встречных обязанностей юридических и физических лиц.

В такой ситуации указывать каждую такую встречную обязанность отдельно нерационально, и решение данного вопроса лучше реализовать в форме какой-либо общей нормы, которая будет устанавливать для всех юридических и физических лиц все обязанности по выполнению всех законных требований работников полиции, определяемых выполнением ими своих профессиональных обязанностей.

Для того, чтобы не думать о том, куда следует поместить такую общую норму, данный вопрос можно решить посредством его регламентации в отдельной главе под названием **«Обязанности физических и юридических лиц по выполнению законных требований работников полиции».**

Но делать главу закона, состоящую из одной статьи, не принято. Поэтому в этой главе имеет смысл поместить две статьи, например, следующего содержания.

«Статья №. Понятие законного требования работника полиции.

Законным является требование работника полиции, определяемое выполнением им своих профессиональных обязанностей, которые регламентированы настоящим законом и иными нормативно-правовыми актами»[184].

«Статья №. Обязанности физических и юридических лиц по выполнению законных требований работника полиции.

Физические лица и должностные лица, работники юридических лиц обязаны выполнять все предъявляемые к ним законные требования работников полиции.

Лица, не выполнившие законное требование работника полиции, подлежат предусмотренной законодательством уголовной либо административной ответственности».

Расположение этой главы после главы, определяющей обязанности полиции, будет логичным и гармоничным.

Такого же рода главы рекомендуется выделить в законах, регламентирующих статус и обязанности работников других силовых служб, министерств и ведомств, которые выполняют функции по обеспечению безопасности в рамках договоров общественного найма.

Аналогичным образом следует подходить к рассмотрению и всех иных новых вопросов, которые могут возникнуть при устранении ошибок, допущенных в регламентации оплачиваемой населением деятельности по реализации публичных прав его представителей.

Отдельным направлением работы, исключающей возможность в том числе и коррупционных злоупотреблений, является переосмысление целей предоставления прав уголовным, уголовно-процессуальным и другими **кодексами**.

---

[184] Упоминание иных нормативно-правовых актов обусловлено самим фактом их наличия для регламентации деятельности, например, работников госавтоинспекции (прим. авт.).

§ 12.8. Неверное применение правового статуса при описании правонарушений

1. В действующем УК РФ имеется ст. 156, предусматривающая ответственность за **«Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»**.

Она предусматривает ответственность за такое преступление как «**Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию** несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним, **если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним**».

Из всего спектра проблем, присущих данной статье, мы рассмотрим только те, которые соответствуют общей тематике этой книги и непосредственно касаются вопросов правильного либо неправильного понимания правовых статусов субъектов и определяемого им правильного либо неправильного их закрепления в законодательстве.

Проблема первая.

Это невозможность привлечения к уголовной ответственности таких лиц как, например, санитарки и медицинские сёстры, которые указаны в данной статье в качестве работников медицинской организации, которые обязаны осуществлять надзор за несовершеннолетними.

В подтверждение невозможности привлечь их к ответственности достаточно привести следующие пояснения.

Рассматриваемая ст. 156 УК РФ устанавливает ответственность за два вида альтернативных преступных деяний: **неисполнение обязанностей по воспитанию** несовершеннолетнего (1) и **ненадлежащее исполнение обязанностей по его воспитанию** (2).

Совершить эти преступления могут только те, у кого имеются обязанности по воспитанию. Если лицо этих обязанностей не имеет, то вопрос о неисполнении либо ненадлежащем их исполнении ставить неуместно.

У санитарки, медсестры **обязанностей по воспитанию нет и не будет** (без педагогического образования и надбавки к зарплате их вменить не получится, но даже при наличии этих условий обеспечить всю страну таким разносторонне образованным медперсоналом всё равно нереально).

Это обстоятельство исключает возможность совершения ими рассматриваемых преступлений и, как следствие, даже гипотетическую возможность их привлечения к ответственности за эти преступления.

То, что эта статья упоминает наличие у данных лиц статуса субъекта обязанности **по надзору**, сути дела не меняет. Этот статус нетождественен статусу субъекта обязанности по воспитанию и обязанность по воспитанию собой не охватывает и не заменяет. Он даже называется по-другому.

Всё это свидетельствует о том, что данная категория лиц указана в ст. 156 УК РФ совершенно **бесполезно**.

Вторая проблема.

Если вдуматься в предназначение этой нормы, то она имеет своей целью защиту несовершеннолетних от жестокого обращения с ними со стороны лиц, имеющих обязанности по их воспитанию и надзору за ними.

Но почему со стороны только этих лиц?

В реальной жизни несовершеннолетние нередко подвергаются жестокому обращению со стороны и тех взрослых, которые указанными в ст. 256 УК РФ обязанностями не обладают. Такими лицами могут быть, например, дворник, владелец дачного участка, с которого дети таскают ягоды, водитель трамвая, прогоняющий малолетних с трамвайной сцепки, сторож, коридорный охранник-выводной и мн. др.

Постановка данного вопроса указывает на наличие существенного пробела, имеющегося в данной статье, которая

по своему общему замыслу должна защищать несовершеннолетних от жестокого обращения со стороны **абсолютно любого взрослого человека**.

В особенно невыгодном свете выглядит данный пробел на фоне ст. 245 УК РФ, которая предусматривает ответственность за жестокое обращение с животными со стороны любого человека вне зависимости от того, имеет он обязанности по кормлению, уходу, надзору и дрессуре или же нет. Неужели наши дети менее значимы, чем свинья или барсук?

Жестокость порождает жестокость, поэтому для того, чтобы наши дети, став взрослыми, не воспроизводили модели допущенного в отношении них жестокого обращения и в целом не стали жестокими, мы просто обязаны сделать ст. 156 не менее эффективной, чем ст. 245 УК РФ.

Третья проблема. Рассматриваемая ст. 156 УК РФ не соответствует ст. 21 Конституции РФ, которая устанавливает запрет на жестокое обращение, не ограничивая сферу действия этого запрета посредством указания того, что в отношении детей жестокое обращение запрещено только для каких-то конкретных категорий лиц. По смыслу Конституции этот запрет возлагается на любого взрослого человека.

Решение выявленных проблем.

Необходимо изменить конструкцию статьи, её название, отдельные детали, и, сохранив при этом прежние приоритеты, расширить круг субъектов этого преступления:

«Ст. 156. Жестокое обращение с несовершеннолетним.

1. Жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, –

наказывается… (указать вид и пределы наказания).

2. Жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны лица, имеющего обязанность по его воспитанию либо надзору за ним, –

наказывается… (указать более весомое наказание).

Примечание: жестоким обращением с несовершеннолетним признаётся… (указать исчерпывающий перечень)».

Часть 1 этой усовершенствованной нормы предусматривает ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетними со стороны тех лиц, которые обязанностями по воспитанию детей и надзору за ними не обладают, а следующая часть этой нормы, полностью сохраняя прежние приоритеты, устанавливает ответственность для тех, у кого эти обязанности имеются.

Такая редакция статьи устроит всех: судейский корпус, прокуроров, сотрудников полиции. Пока же практика её применения является проблемной. Причём не только в части круга лиц, которые **могут и должны** подлежать ответственности. Серьёзные проблемы имеются и в понимании жестокого обращения, но это очень большая и отдельная тема, которая имеет одновременно несколько её аспектов.

Если в решении данной проблемы возникнут какие-либо затруднения, взаимные несогласия или противоречия, мы готовы и можем помочь. Подходы, необходимые для решения этой непростой задачи, имеются (разработаны).

2. Ещё один пример неверного применения правового статуса для описания правонарушений нам являет «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026).

Часть 2 ст. 5.35. этого закона устанавливает ответственность за **«нарушение** родителями или иными законными представителями несовершеннолетних **прав** и интересов несовершеннолетних, **выразившееся в лишении** их **права на общение** с родителями или близкими родственниками, если такое обращение…».

В этой норме упоминается такое особое действие, как **лишение права** несовершеннолетнего со стороны родителей или иных законных его представителей.

Однако на самом деле ни родители, ни иные представители несовершеннолетнего **никаких прав на лишение права не имеют и иметь не могут**.

Право на лишение или ограничение права имеет только суд. Здесь **лишение права** указано ошибочно, и на самом деле вместо него должно быть указано **лишение возможности реализации права** ребёнка на общение с родителями или иными близкими родственниками.

С учётом этого в данной норме должна быть установлена ответственность за нарушение (несоблюдение) права на общение. Формулировки могут быть и другими, например, лишение возможности пользоваться этим правом или лишение возможности его реализации, лишение возможности общения с конкретным близким родственником, и так далее, но только не «лишение самого этого права».

Пока же данная норма в её нынешней редакции и при условии неукоснительного соблюдения принципа законности применяться не должна.

Именно так, поскольку действие в виде лишения права при отсутствии права на лишение права совершить невозможно, а полномочиями суда по лишению права указанные в этой норме лица не обладают.

3. Ещё одной существенной ошибкой ст. 5.35. КоАП РФ является упоминаемое в ней **нарушение права, которое выражается в лишении права.**

Нарушение права – это его несоблюдение, то есть невыполнение требований этой теоретической модели должного как правила. Несоблюдение и как деяние, и как процесс предполагает наличие несоблюдаемого, поскольку, если какой-либо модели должного не существует, то и совершить несоблюдение этой модели невозможно, – отсутствующее правило нарушить, не выполнить, не соблюсти нельзя.

В отличие от этого, лишение права подразумевает совершенно иную ситуацию, в которой право как модель должного, как правило прекращает своё действие в отношении своего прежнего субъекта, то есть полностью прекращает для него своё существование (исчезает).

Эти две ситуации весьма различны и не совместимы.

Вот почему нарушение (несоблюдение) права, предполагающее существование нарушаемого права, не может выражаться в его лишении, влекущем исчезновение этого права. Ликвидация права – это не его нарушение. Ликвидированное право нарушить и нарушать невозможно[185].

Вообще говоря, это эксклюзивный в своём роде пример того, как авторы сами самих себя перемудрили. Если бы они сразу использовали самую обычную и простую формулировку «нарушение права на общение с родителями и иными близкими родственниками», нам в этом случае об этой статье помимо того, что она – образец, писать было бы нечего.

Под нарушением права при этом следовало бы понимать несоблюдение данного права, которое может выражаться либо в полном лишении, либо в ограничении возможности свободного общения ребёнка с родителями либо иными его близкими родственниками. Всем всё было бы понятно, и статья была бы безупречной и рабочей (применимой). Стремиться необходимо к лаконичности и ясности законов (возьмите те же заповеди за образец).

---

[185] Ошибки, выявленные в деле защиты детей, обеспечения должных условий их воспитания, обучения и развития, обнаруженные в ст. 38 Конституции России, ст. 63 СК РФ, ст. 156 УК РФ и ст. 5.35. КоАП РФ (всего их **восемь**, различных видов – **семь**, и **все очень существенные**), во-первых, указывают на наличие большого числа ошибок регламентации защиты именно несовершеннолетних, – в иных сферах такой тенденции не прослеживается. Во-вторых, все они оказались допущенными в законодательных актах именно федерального значения. Данные обстоятельства указывают на следующий весьма деликатный недостаток деятельности законодательного собрания нашей страны: разработку тех законопроектов, которые касаются наших детей, нельзя доверять только тем, кто более всего проявляет в этом заинтересованность, ибо повышенная заинтересованность – враг логики и точности мышления. Прекрасные ряды этих, наиболее заинтересованных, любимых всеми нами разработчиков, следует «разбавить» «холодной юридической головой», которая будет уже спокойно вычитывать предлагаемые ими законопроекты. Но очень большое им СпасиБо за их инициативы и заботу о детях! «Мы очень Вас любим и ценим! Вы нам очень нужны!» (Прим. авт.).

ГЛАВА XIII. СУЩНОСТЬ ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О Божьих Тварях и законах

Любая Божья Тварь, которая живой сотворена, стремится жить не абы как, а так, чтоб у неё от жизни этой имелось удовлетворение. Такими создал Бог и Нас.

И даже тот, кто суицид намерился осуществить, грешит пред Богом и людьми не просто так, а потому, что слишком уж большим и очень нестерпимым разрыв тот оказался, возник который между тем, к чему душа его стремится, и жизнью той, в которой он, Творенье Божье, пребывает.

И тот, кто подвиг совершает, всё это также подтверждает. Отличие героя и самоубийцы лишь в смысле жизни состоит. Мотив у суицидника эгоистичен, в то время как герой, напротив, жизнь свою готов отдать, чтобы низвергнуть зло, неправду, других спасти в несчастье. В служении другим творениям предназначение своё он видит, и жизнь без этого ему не в радость, бессмысленна, постыла и пуста.

Любой из нас стремится жить, но так, чтобы имелась удовлетворённость жизнью. Но это трудная задача, решение которой множества условий наличие предполагает. Бóльшую часть этих условий нам даровал Господь. Это дары природы, наше тело, разум. Но где же взять недостающие условия? А взять их негде, кроме как создать самим.

Но как же их создать? Кто управлять процессом этим будет? И как плоды этой работы следует делить, чтобы по совести всё было?

Вопросов этих перечень огромен. Обдумать всё это необходимо, обобщить и для удобства в форме правил изложить, а ещё лучше – записать и дать название «законы».

И.П. Семченков

§ 13.1. Понятие, цели, средства и предмет правового регулирования

Понятие правового регулирования.

«Правово́е регули́рование – осуществляемое при помощи системы специальных средств и методов институциональное результативное **воздействие на общественные отношения** в целях их упорядочения и развития»[186].

Именно так или почти так, с небольшими стилистическими девиациями, пока ещё принято понимать сущность правового регулирования в современной доктрине права.

Но мы не сторонники наукообразных понятий. Поэтому предлагаем **иное**, очень простое и доступное для понимания любого человека понятие правового регулирования.

Правовое регулирование – это нормативное закрепление (правовая регламентация) *правил поведения и деятельности людей* в обществе и последующее их применение.

Или, если выразить эту и без того понятную мысль совсем просто, то *правовое регулирование – это установление и применение правил совместной жизни людей*.

Цели, предмет и средства правового регулирования.

Изначальной и конечной целью правового регулирования является обеспечение состояния удовлетворённости жизнью тех людей, в интересах которых (во благо которым) законодательно закрепляются и применяются правила совместной жизни в обществе.

В несправедливо устроенном обществе такими людьми является власть имущая элита, её ближайшее окружение, наиболее ценные для них работники. Об этом мы говорим здесь потому, что именно этот принцип лежал в основе правового регулирования многие века и до сих пор является определяющим в некоторых государствах.

---

[186] Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/pravovoe-regulirovanie-6c6802 (дата обращения: 09. 05. 25).

В этих случаях обеспечение качества жизни других членов общества осуществляется по остаточному принципу, то есть в такой мере, «…чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»[187].

В отличие от этого в действительно цивилизованном обществе ***конечной целью*** правового регулирования является обеспечение состояния ***удовлетворённости жизнью*** **всех** его членов.

Промежуточная цель правового регулирования – это ***обеспечение возможности*** пребывания в состоянии удовлетворённости жизнью членов общества.

Данная цель является целью-средством обеспечения состояния удовлетворённости жизнью (конечной цели).

Наличие этой промежуточной цели-средства обусловлено тем, что для удовлетворённости жизнью необходимы соответствующие возможности (условия).

Вместе с тем напрямую посредством закона управлять созданием и использованием данных условий нереально, невозможно. Законодательные средства для этого непригодны, неприменимы. Сколько ни предписывай горе, чтобы она переместилась в иное место, ничего из этого не получится. Способностью изменять природу без труда одной лишь силой мысли обладают лишь те из нас, кто уподобился Марку Афинскому. Но это можно сделать путём управления людьми, которые могут создать и паровоз, и другую технику, и мост над рекою построить, и гору вскопать и транспортировать её куда им укажут. Поэтому **адресатом** закона всегда были, являются и будут являться люди, которые своим трудом создавали, создают и будут создавать возможности, необходимые для обеспечения качества их жизни.

---

[187] Всеобщая декларация прав человека и иные конвенции и материалы – URL: https: //www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations /declhr.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

Вот почему ***предметом правового регулирования*** всегда фактически признавались, ***признаются*** и будут признаваться только ***поведение и деятельность*** человека (людей).

Понимание этого существовало всегда, и именно оно привело к тому, что ***средствами правового регулирования*** всегда признавались, ***признаются*** и будут признаваться ***субъективные права и обязанности***, которые **имеют своими адресатами только людей** и **специально предназначены для регулирования их поведения и деятельности**.

Поэтому ***непосредственной целью*** правового регулирования является регулирование именно поведения и деятельности человека (людей).

Однако при этом необходимо понимать, что, регулируя поведение, деятельность людей, мы регулируем процессы создания, предоставления, использования, охраны, восстановления возможностей и тем самым обеспечиваем наличие у людей состояния удовлетворённости качеством их жизни.

Разделение системы права (совокупности всех юридических норм) на различные отрасли права в настоящее время проводится ***по предмету правового регулирования***. Но такое решение вопроса является неприемлемым.

В основе распределения на группы любых вещей действительности должна лежать их классификация **по признакам, присущим** только **самим** этим группируемым **вещам**, а не по признакам других вещей. Именно поэтому, например, **отвёртки** (инструмент воздействия) классифицируют не по шурупам (предмету воздействия), а по форме **их** собственного, в частности, плоского наконечника.

Поэтому ***правильное разделение системы права*** (инструмента правового регулирования) **на** различные **отрасли** права также ***следует проводить*** не по предмету правового регулирования (предмету воздействия), а ***в зависимости от содержания самих правовых норм***, то есть, например, в зависимости от того, какие именно модели должного, описывающие какие сферы жизни и деятельности, в них указаны.

§ 13.2. Невостребованность термина «правоотношения» для контекста правового регулирования

Термин «правоотношения» в пока ещё существующей доктрине права используется очень активно.

Особенно часто он упоминается при описании механизма правового регулирования, и выражается это в том, что **предметом правового регулирования пока ещё признаются именно правоотношения как урегулированные правом общественные отношения.**

Однако **при рассмотрении** в предыдущем параграфе **понятия, предмета, целей и средств правового регулирования необходимость в использовании термина «правоотношения» ни разу не возникла.**

Описание всех основных аспектов, характеризующих механизм правового регулирования, было нами представлено очень просто, понятно и даже более содержательно, чем это имело место в существовавшей до настоящего момента науке, проводившей это описание с применением терминов «правоотношения», «общественные отношения».

При этом данное описание было проведено на абсолютно реальной и **проверяемой** философской основе, опровергнуть которую попросту невозможно. Так зачем уводить рассмотрение этих важных вопросов в сферу понятий, которые с реальной жизнью не связаны и ничего в ней по существу не объясняют? Только для того, чтобы упомянуть общественные отношения, как это было принято делать ранее в соответствии с марксистским учением об общественно-экономической формации (ОЭФ), которое давно уже исключено даже из образовательных программ? Только потому, что так писали в советских диссертациях их авторы, а впоследствии и их ученики, невольно оказавшиеся заложниками позиции своих научных руководителей? Это несерьёзно. Истинной науке такие аргументы неизвестны.

§ 13.3. Ненадлежащие истоки происхождения понятий общественных отношений и правоотношений

Обоснование тезиса, указанного в заголовке параграфа, – задача непростая. Поэтому её решение будет достаточно глубоким и разносторонним.

Одним из факторов, свидетельствующих о значимости рассмотрения данного вопроса, является то, что его результаты способны изменить доминирующие в доктрине права представления не только о факте признании предметом правового регулирования именно правоотношений, но и о понятии самих правоотношений как урегулированных правом общественных отношений, их структуре и значении, а также обо всём доставшемся нам теоретическом наследии, построенном на употреблении терминов «общественные отношения» и «правоотношения». Вот почему рассмотрение этого вопроса вынесено в отдельный параграф, – нам нужен этот заголовок в оглавлении работы. А теперь по существу.

Развитие научной философской и в том числе правовой мысли во времена так называемой «прекрасной эпохи просвещения» проходило настолько высокими темпами, что это не могло не сказаться на качестве результатов проводившихся научных исследований далеко не в лучшую сторону. Но этому способствовали объективные обстоятельства.

Одно из них – постановка большого числа исследовательских задач и вопросов, которые касались ранее не разрабатывавшихся надлежащим образом аспектов социальной действительности.

Второе обстоятельство вытекает из первого и заключается в том, что представители научной мысли этого периода оказались вынужденными работать в условиях отсутствия не только опыта исследования этих новых аспектов, но и отсутствия разработанной терминологии, соответствующего понятийного аппарата.

Столкнувшись с этими затруднениями, многие авторы вместо того, чтобы уделить время и внимание подбору необходимых по смыслу слов, точности используемых формулировок, поступили иначе, а именно, стали использовать те слова, которые уже имелись в их распоряжении.

Это закономерно привело не только к увеличению количества значений этих слов, превращая их в многозначные, но и к тому, что некоторые из них постепенно превратились в слова с неопределённым значением. Эта неопределённость впоследствии оказалась очень востребованной (удобной) для ситуаций, в которых сформулированная мысль требуемой степенью точности смысла ещё не обладала.

Характерным примером доставшихся нам в наследство испорченных своей многозначностью и неопределённостью слов является слово «интерес», которое очень «удачно» избавляет от необходимости передачи конкретного смысла.

Во-первых, этим словом называют очень много вещей (блага, права, свободы, возможности, перспективы, цели, задачи и т. д.) Во-вторых, интересом принято называть нечто неопределённое, но важное, имеющее значение для кого-либо, для какой-либо сферы жизни, деятельности (личные или общественные интересы, законные интересы, интересы экономики, обороноспособности и т. д.).

В такой же мере испорченным неопределённостью своего смысла является и слово «отношение», рассматриваемое как само по себе, так и в производных от него словосочетаниях и составных словах «общественные отношения», «правоотношения». При этом неопределённость значения – это только один из недостатков слова «отношение» и к тому же ещё не самый существенный.

Намного более существенным недостатком данного слова являются настолько неправильные варианты его «значения», в сравнении с которыми слово «интерес» можно признать только что родившимся невинным ягнёнком, неуверенно делающим первые шаги в познании нашего мира.

В очевидно неправильных значениях использовали слово «отношение» не только многие представители общей и социальной философии, теории и философии права, теории уголовного, гражданского права, других правовых наук, но также и основоположники марксизма.

Да, не удивляйтесь, но наивысшим пиком неуместности и неправильности в употреблении слова «отношение» является творчество Ф. Энгельса, оказавшегося **единственным** представителем марксистской теории, который специально привёл его развёрнутое понимание для учения об общественно-экономической формации (ОЭФ), которое они **пытались** разработать совместно с К. Марксом.

Сделал он это всего один раз, в своём письме господину В. Боргиусу от 25 января 1894 года, и более никогда к данному вопросу не возвращался.

«**Под экономическими отношениями**, которые мы считаем определяющим **базисом** истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определённого общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, **сюда входит вся техника производства и транспорта**. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и, тем самым, после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д.

В понятие экономических **отношений включается** далее и **географическая основа**, на которой эти отношения развиваются, а также фактически перешедшие от прошлого **остатки прежних ступеней экономического развития**, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря vis inertiae, и, конечно же, **внешняя среда**, **окружающая** эту общественную форму»[188].

---

[188] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. 2-е изд. М., 1955. С. 174.

Обратите внимание на выделенные в приведённом выше письме слова, которые указывают на следующее понимание Ф. Энгельсом общественных отношений:

- **техника** (оборудование, заводы, паровозы, пароходы, швейные и печатные машинки, телеграф, водяные насосы, унитазы со сливными бачками и прочие устройства, – **это общественные отношения;**

– **остатки прежних ступеней экономического развития** (один из аспектов действительности в виде текущего уровня развития экономики, и это при том, что понятие действительности по своему объёму является более широким, чем понятие отношений) – **это общественные отношения**;

- **географические условия** (наличие гор и равнин, пустынь, лесов и полей, рек и морей, иных водоёмов, высота над уровнем моря, атмосферное давление, климат: влажность, температура, роза ветров, сезонность) – **это общественные отношения**;

- **внешняя окружающая среда** (почва, воздух, вода, их состав, растительный мир, животные, вирусы как неклеточная форма жизни, которая к животным не относится, грибы, в том числе плесень, которые образуют отдельное царство природы, отходы и уже упомянутые выше географические условия) – **это** также **общественные отношения**.

Ваши глаза вас не обманывают.

Один из «великих» основоположников теории марксизма-энгельсизма употребил термин «общественные отношения» в том числе и в приведённых выше совершенно неприемлемых для него значениях, которые превращают отношения в то, чем они на самом деле быть не могут.

«Данное понятие общественных отношений в силу присущей ему эклектичности демонстрирует тот факт, что Ф. Энгельс сам достаточно ясного понимания сути базиса общественно-экономической формации не имел, с этим вопросом должным образом не разобрался, ввиду чего и оказался вынужденным использовать для его характеристики

изначально весьма неопределенный и очень неправильный вариант термина "общественные отношения"»[189].

Привычка (манера) такого нереального понимания общественных отношений либо неуместного употребления термина «общественные отношения», а, может быть, и того, и другого одновременно (выбирайте сами), сформировалась и у него, и у К. Маркса в процессе работы над «Немецкой идеологией» – главным их философским произведением, которое было написано ими совместно.

В этой работе термин «общественные отношения» они использовали очень активно, но предварительно своё понимание сущности общественных отношений ни разу не привели, то есть так и не сказали, что же именно представляют собой общественные отношения по своему существу.

Но почему? Потому, что, либо сами ясного их понимания не имели, либо потому, что так было просто удобно, ведь в этом случае можно было не утруждать свой разум точностью мышления, и свободно, безо всяких ограничений называть «общественными отношениями» всё, что угодно. Например: «… земельная *рента*, *прибыль* и т. д., эти формы действительного существования частной собственности, *представляют собой общественные отношения*, соответствующие определенной ступени производства»[190].

Зачем, спрашивается, называть прибыль (деньги) общественными отношениями, если такое их понимание вообще никак не согласуется даже с употреблением ими самими термина «общественные отношения» в других значениях?

Однако Ф. Энгельс, будучи умным человеком, хотя бы интуитивно, но всё равно **должен был понимать**, что его

---

[189] *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Объект преступления: общественные отношения или возможность? //Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 297.

[190] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. С. 160. – URL: http://www.kprf-sverdlovsk.ru/books/K_Marx_i_F_Engels_Neetskaya_ideologia. pdf. (дата обращения: 13.09.2026).

понятие общественных отношений и употребление термина «общественные отношения» являются **ненормальными**.

Так оно и получилось. На это указывает написанное им «на всякий случай» окончание цитируемого здесь письма г-ну В. Боргиусу: «**Прошу Вас не относиться придирчиво к каждому слову… у меня, к сожалению, не было времени изложить Вам все так ясно и чётко, как следовало бы, если бы это предназначалось для печати**»[191].

Не было времени… У кого? У того, кто всю жизнь писал и печатал труды по ОЭФ не было времени научиться излагать суть этого учения? И Вы в это верите? Единственное логическое объяснение этого постскриптума – это нереальность «учения об ОЭФ», отсутствие у него реальной сути.

Кого же пытался обмануть Ф. Энгельс окончанием этого письма? Прежде всего, себя. Это была «таблетка» от конфликта между этим «учением» и мнением о нём внутреннего голоса истины (невольное самооправдание по Фрейду).

Обратите внимание на то, что он понимал неготовность **своих мыслей** для демонстрации, однако оставил их в первоначальном виде. И знаете почему? ~~А других-то и не было~~

Употребить термин «общественные отношения» в этих **ненормальных** для него значениях он был просто «обязан», ведь именно общественными отношениями они с его соратником К. Марксом назвали базис общества. В такой ситуации отказаться от этого термина он уже «не мог».

Надеемся на то, что приведённых выше высказываний Ф. Энгельса и К. Маркса было достаточно для демонстрации и подтверждения всего, что было сказано в начале данного параграфа о причинах широкой распространённости вольного (кому как ~~в голову взбредёт~~ «заблагорассудится») употребления термина «общественные отношения».

Также в изначально неопределённом и зачастую неверном значении употреблялось в то время слово «отношение»

---

[191] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. 2-е изд. М., 1955. С. 176.

и представителями различных школ философии и теории права, а также отраслевых юридических наук. Изучите хотя бы те их труды, которые размещены в интернете, и вам самим всё станет понятно.

Далее, и это очень важно. «В качестве идейного философско-теоретического обоснования Октябрьской социалистической революции 1917 года было использовано учение К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономической формации (ОЭФ), которое, по мнению большевиков, якобы обосновывало историческую неизбежность крушения капитализма, закономерность перехода к социализму и, в дальнейшем, к коммунизму. В рамках этого учения особая роль отводилась **общественным отношениям**, которые, по мнению авторов и сторонников данного учения, составляют так называемый **базис** существования любого общества»[192] (см. приведённый выше отрывок из письма В. Боргиусу).

Принимая во внимание указанное выше сверхзначение, которое **приписывалось** учению об общественно-экономической формации для обоснования и оправдания революции, а также учитывая мощный идеологический диктат, который существовал в советском государстве, теория и философия права, отраслевые юридические науки были «просто обязаны» начать «петь» «Песнь песней», но, разумеется, не прекрасной Суламите, а общественным отношениям.

Выразилось это в том, что вся юридическая наука, включая теорию и философию права, начала очень активно и усердно делать всё, что только возможно для законодательных закрепления, регулирования и охраны именно их – «бесценных» для коммунистов общественных отношений.

Одним из результатов такого «идеологически верного» подхода стало и понятие правоотношений как урегулированных правом общественных отношений, а сами правоотношения единодушно (как при голосовании на образцовом

[192] *Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В.* Там же. С. 294.

партийном собрании) стали рассматриваться в качестве предмета правового регулирования.

«Законченной теории общественно-экономической формации у ее основоположников не получилось»[193].

Доказательством этого является сама история, которая продемонстрировала неестественность и неэффективность, нежизнеспособность социалистического строя.

По этой причине учение об ОЭФ давно уже **исключено из образовательных программ и забыто**. Современная молодёжь о нём ничего не знает. Но терминология, построенная на основе идеологического требования воспевать общественные отношения, от этого никуда не исчезла. Она прочно вошла в научный обиход и по-прежнему продолжает формировать у обучаемых и обучающихся неправильную картину мира и неправильное мышление.

И это при том, что **основывается** вся эта терминология *всего лишь* **на неверно сформулированном названии** экономического базиса общества, то есть на вопиющей ошибке, которая очень удачно вписалась в существовавшую к тому времени манеру произвольного употребления слова «отношение», **и на сконструированных на основе этого неправильного названия** словосочетаниях, понятиях, терминах.

С учётом сказанного выше мы «идеологически верное» марксизму-энгельсизму понимание предмета правового регулирования как правоотношений (урегулированных правом общественных отношений) принять не можем.

Для понимания **ещё одного обстоятельства**, дающего веские основания не принимать во внимание сложившуюся терминологию, следует ещё раз вернуться к понятию экономического базиса общества, которое дал Ф. Энгельс в своём письме В. Боргиусу, и посмотреть на этот базис, полностью исключив из него упоминание общественных отношений.

---

[193] *Миненков Г.Я.* Общественно-экономическая формация //Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 482.

Этот приём даёт нам очень важный результат-сюрприз.

Если вычеркнуть из описания данного базиса его название «общественные отношения», то всё остальное в этом базисе в общем и целом оказывается указанным достаточно верно. Всё, что в нём перечислено, действительно можно назвать природно-технико-экономическим базисом общества, то есть различного рода **условиями существования, развития людей,** которые предоставляют им определённые возможности реализации имеющихся у них стремлений.

Из этого, в свою очередь, следует, что, если бы К. Маркс и Ф. Энгельс не использовали в качестве названия данного базиса общества термин «общественные отношения», то этим базисом были бы признаны указанные в письме условия существования и развития человека, и рассматривать общественные отношения в качестве предмета правового регулирования **даже по идеологическим соображениям никто бы не начал** (необходимости в этом не было бы).

Предметом правового регулирования эти, составляющие базис общества, условия существования и развития человека, конечно, не стали бы, но и правильному решению вопроса о том, что предметом правового регулирования являются поведение, деятельность, помехой бы не были.

Не менее удивительным является **ещё одно интересное обстоятельство, указывающее на ненадлежащее происхождение существующих понятий общественных отношений и правоотношений как их разновидности.**

В письме В. Боргиусу Ф. Энгельс назвал общественными отношениями способ производства, технику, транспорт, остатки прежних ступеней экономического развития, географические условия и внешнюю окружающую среду.

С этой точки зрения тот, кто принял данное понимание общественных отношений, должен был понимать под ними и всё, что понимал под ними Ф. Энгельс, то есть составные части выделяемого им базиса общества. Именно к такому решению данного вопроса нас обязывает логика.

Однако этого не произошло. Советская правовая наука проигнорировала эти, составляющие данный базис, условия и, предлагая нам своё понимание общественных отношений (правоотношений), стала трактовать их совершенно иначе.

Из этого следует, что из марксистско-энгельсовского учения об общественно-экономической формации **советская правовая доктрина позаимствовала одно лишь неправильное название** природно-технико-экономического базиса общества – **«общественные отношения»**, которые «после урегулирования нормами права» стали именоваться правоотношениями.

Что же касается содержания (состава) правоотношений, то к нему представители советской правовой науки стали относить совсем не то, что понимали под общественными отношениями (базисом общества) сами основоположники марксизма-энгельсизма, а, например, субъектов правоотношений, их субъективные права и обязанности, а также поведение и деятельность субъектов правоотношения.

Но почему основоположники советской правовой науки проигнорировали марксистское понимание общественных отношений и из всего учения об общественно-экономической формации позаимствовали только неверное название базиса общества – «общественные отношения»?

Потому, что марксистское понимание общественных отношений ненормально, и если бы советские правоведы обнародовали позицию К. Маркса и Ф. Энгельса, называвших общественными отношениями природу, технику и прибыль, это могло бы поставить под сомнение способность основоположников марксизма к адекватному восприятию и описанию действительности, а этого допустить было нельзя, ведь *именно их учение об ОЭФ якобы «обосновывало» социалистическую революцию и дальнейший «неизбежный» переход к коммунизму*, о чём настолько **авторитетно** было сказано «сверху» советским правоведам, что публично ослушаться такого указания в то время было невозможно.

§ 13.4. Неприемлемость подавляющего большинства понятий правоотношений

Предназначение любого понятия заключается в том, чтобы дать развёрнутую характеристику сущности определяемой им вещи.

Проводимая с этой точки зрения оценка существующих понятий правоотношений как разновидности общественных отношений показывает, что подавляющее их большинство данному требованию не соответствует.

Эти понятия правоотношений построены на подмене тезиса, по причине чего вместо ответа на вопрос о сущности правоотношений дают ответы на какие-либо иные вопросы, например, на вопросы о том, разновидностью либо элементом чего они являются, кто является их участниками и т. д.

Подмена тезиса, используемая в этих понятиях, называется открытой, то есть такой, при которой заглавное ключевое слово понятия (слово «**отношение»)**, лежащее в основе термина «общественные правовые **отношения**», вновь поясняется посредством этого же са́мого слова, то есть слова «**отношение**».

Данная особенность конструирования понятия правоотношения является характерной чертой подавляющего большинства всех известных нам его вариантов. Например: «Право**отношения** – это общественные **отношения**, урегулированные нормами права»[194]; «Право**отношение** – это урегулированное нормами права общественное **отношение**, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей»[195]; «Право**отношения**

[194] *Жинкин С.А.* Теория государства и права. Краткий курс: учебное пособие / С.А. Жинкин. Москва: Эксмо, 2024. С. 197.

[195] *Кленкина О.В., Шиханова Е.Г.* Правоведение: учебное пособие / О.В. Кленкина, Е.Г. Шиханова. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. С. 28.

как элемент правовой действительности – это особая **разновидность** общественных **отношений**, участники которых обладают субъективными правами и обязанностями»[196].

Таким же образом сконструировали свои понятия правоотношений, например, В.К. Бабаев[197], М.Н. Марченко[198], Н.И. Матузов и А.В. Малько[199], А.Ф. Черданцев[200] и др.

«Вишенкой на торте» в рассмотрении этого недостатка является понятие правоотношения, которое основывается на двойной открытой подмене тезиса (двойной тавтологии): «Правовые **отношения – это** общественные **отношения**, **то есть отношения**, участники которых выступают как носители определённой социальной роли»[201].

Для понимания сущности общественных отношений (правоотношений) такие понятия бесполезны.

Однако, несмотря на это, внести некоторую определённость в решение вопроса о сущности правоотношений **в их принятом в теории права понимании позволяет сам факт того**, **что правоотношения рассматриваются** представителями теории и философии права **как разновидность общественных отношений**.

Для этого достаточно принять во внимание, что в социальной философии под общественными отношениями принято понимать социальные связи, существующие между людьми в обществе, из чего, соответственно, следует, что

---

[196] *Бутакова Н.А.* Правоотношения в структуре правовой действительности. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. С.8.

[197] Теория государства и права: Учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. – 8-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2021. С. 508.

[198] *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020.

[199] *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства права: Учебник, 6-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

[200] *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2015.

[201] *Жинкин С.А.* Теория государства и права. Краткий курс лекций: учебное пособие /С.А. Жинкин. Москва: Эксмо. 2024. С. 197.

правоотношения (урегулированная правом разновидность общественных отношений) также представляют собой социальные связи между людьми в обществе.

Об этом же прямо говорят и некоторые учёные-правоведы. Например: «**Связь** между правом и обязанностью, а точнее, их обладателями **и есть правоотношение**»[202].

Всё это позволяет сделать вывод о том, что **в действующей правовой доктрине под правоотношениями фактически понимаются связи между людьми.**

Но почему в таком случае трактовка правоотношений как связей между людьми существует отдельно сама по себе и не вошла в подавляющее большинство **специально** сформулированных понятий правоотношений, которые по этой причине оказались построенными на подмене тезиса?

Потому, что понимание правоотношений как связей между людьми не соответствует **пока ещё** общепринятому представлению о структуре правоотношения (общественного отношения) и вступает с ним в противоречие.

§ 13.5. Общая характеристика неприемлемости представлений о структуре правоотношений

До момента опубликования этой книги к числу структурных элементов правоотношений как урегулированных правом общественных отношений было принято относить:

1) субъектов правоотношения;

2) совокупность субъективных прав и обязанностей;

3) объект правоотношения.

Однако на самом деле ни в каких правоотношениях как урегулированных правом общественных отношениях эти, так называемые, структурные элементы (составные части) выделять недопустимо, неверно.

---

[202] *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 246.

Научное обоснование этого утверждения для каждого из трёх указанных выше якобы «структурных элементов правоотношения» имеет свои особенности и заслуживает отдельного рассмотрения.

С учётом этого для удобства восприятия этого теоретического материала он разделён на три соответствующих параграфа, которые и приводятся ниже.

§ 13.6. Неприемлемость отнесения субъектов правоотношения к элементам правоотношения

В этом и последующих параграфах правоотношения рассматриваются так, как это **фактически** принято в существующей доктрине права, то есть как связи между людьми (§ 13.4.). Это необходимо для демонстрации необоснованности выделения структурных элементов и в общественных отношениях, и в правоотношениях как их разновидности.

Первый способ доказательства того, что субъекты правоотношений элементами правоотношений (урегулированных правом общественных отношений) не являются.

Для этого достаточно представить себе общество как социальную систему.

В рамках общества как социальной системы субъекты правоотношений – физические лица (члены общества) – являются элементами именно **общества** как системы, а не связей (общественных отношений и правоотношений), которые существуют внутри общества между людьми. Именно общество включает в себя людей в качестве элементов, а не общественные отношения между людьми.

Это означает, что системное мировоззрение исключает возможность признания людей (членов общества) элементами существующих между ними связей (общественных отношений и правоотношений как их разновидности, то есть как «урегулированных правом общественных отношений»).

Субъекты прав и обязанностей – юридические лица – представляют собой социальные групповые образования (социальные микро- и мини-системы), которые также являются элементами (подсистемами) общества, но не составными частями связей (общественных отношений и их разновидности – правоотношений), существующих между различными элементами общества как социальной системы.

Для опровержения этого доказательства необходимо опровергнуть системное мировоззрение, что, по нашему мнению, невозможно.

Второй способ доказательства того, что субъекты правоотношений (общественных отношений) элементами правоотношений не являются.

Общественные отношения существуют в обществе **между** людьми. Ключевое слово в этом контексте – слово **«между»**, а оно отражает весьма любопытный факт.

То, что существует «между», охватывать собой в качестве элементов то, между чего оно существует, не может: мяч, зажатый между ног, эти ноги собой не охватывает, в себя не включает; июль, расположенный в календаре между июнем и августом, июнь и август собой не охватывает; расстояние между домами их самих в себя не включает; связь между положением педали акселератора (если проще – педали газа) и скоростью движения автомобиля их самих в себя не включает; связи между атомами вещества сами эти атомы в себя не включают, – атомы являются элементами молекулы; поединок между бойцами в октагоне, соитие между мужчиной и женщиной их самих в себя не включают; **радиосвязь между людьми** (процесс передачи, распространения в эфире и приёма радиоволн) этих людей в себя не включает… и так далее, до тех пор, пока не придёт понимание того, что и связи, существующие в обществе **между** людьми (общественные отношения и их разновидность – правоотношения) самих людей собой не охватывают и в качестве структурных элементов в себя не включают.

Но почему так? Потому, что такой является действительность, а также потому, что наши предки в данном конкретном случае вложили в слово «между» абсолютно правильное понимание данного вопроса.

Это слово этимологически проистекает от старославянского «межда», имеющего такое же значение, как и современное нам слово межа[203], которой называют линию, разделяющую земельные участки, линию, которая ни один участок собой не охватывает, в себя не включает, но при этом находится в соприкосновении с ними обоими, **соединяя, связывая** их пространственные границы.

Народное сознание при формировании слова «между» как раз и имело в виду, что оно должно означать **обстоятельство**, при котором нечто **соединяет**, **связывает** собой вещи действительности, **но** при этом сами эти вещи в качестве элементов в себя **не включает**.

Вот почему общественные отношения (правоотношения), существующие **между** людьми, самих людей включать в себя в качестве элементов не могут. Народная мудрость, как оказалось, давно уже начала руководствоваться системным миропониманием и закреплять в языке системное мышление задолго до появления научной теории систем.

Третий способ доказательства того, что субъекты правоотношений (общественных отношений) элементами правоотношений не являются.

Правоотношения, как урегулированные правом общественные отношения, рассматриваются с логической точки зрения абсолютно невозможным образом.

С одной стороны, считается общепризнанным, что общественные отношения существуют **между** людьми, и это исключает возможность отнесения людей к структурным

[203] Между | Этимологический онлайн-словарь Шанского Н. М. | ΛΓΩ. – URL: https://lexicography.online/etymology/shansky/м/между?ysclid=mcef91l7a833481049 (дата обращения: 27.06.2025).

элементам общественных отношений и их разновидности – правоотношений (см. предыдущий способ доказательства).

С другой стороны, правовые отношения рассматриваются как нечто такое, что уже охватывает собой людей, то есть уже **включает** их в себя качестве своих элементов (составных частей) (§ 13.5.).

Сопоставление этих двух тезисов демонстрирует невозможное: правоотношения есть то, что людей в себя в качестве элементов **не включает**, **но** при этом одновременно то, что **включает** в себя людей в качестве своих элементов.

Однако с точки зрения здравой логики такого быть не может в принципе. Ни одна вещь действительности не может одновременно и являться, и не являться составной частью, существующей между ней и другими вещами связи.

Вот какую нереальную картину и правовой, и социальной, и вообще любой иной действительности навязывают нам идеологически верная **неправильному пониманию неправильностей марксизма-энгельсизма** советская правовая наука и её наследие.

Четвёртый способ доказательства того, что субъекты правоотношений (общественных отношений) элементами правоотношений не являются.

Он также основывается на системном мировоззрении, согласно которому **связи между элементами социальной системы вообще никаких элементов иметь не могут**.

Объясняется это тем, что с точки зрения системной социальной картины мира **элементы могут существовать только в** какой-либо социальной системе **как совокупности взаимосвязанных между собой элементов**, но **не внутри связей** между элементами этой системы.

Это означает, что ни в общественном отношении, ни в правоотношении при их рассмотрении как социальной связи вообще никаких элементов выделять нельзя.

Вот почему ещё субъектов правоотношений в качестве элементов правоотношения рассматривать недопустимо.

§ 13.7. Неприемлемость признания прав и обязанностей элементами правоотношения

Во-первых, ни права, ни обязанности элементами общественных правоотношений как связей быть не могут потому, что при системном подходе **внутри социальной связи никаких элементов выделять нельзя** (§ 3.16.).

Право и обязанность являются **элементами** комплекса (**системы**) взаимосвязанных прав и обязанностей, а не правовой связи (правоотношения) **между** ними самими или их субъектами (**§ 3.16.**). Поэтому даже говорить о том, что права и обязанности возникают внутри правоотношения, неверно. В Главе XII (§ 12.5.) мы говорили об этом вынужденно – для рассмотрения решаемой проблемы в стилистике её возникновения, то есть на «языке правоотношений».

Во-вторых, права и обязанности элементами общественных правоотношений быть не могут потому, что они как **теоретические модели** относятся к **субъективной действительности, которая существует в сознании**, а **объективно существующие общественные правоотношения** как связи **между людьми** относятся к **объективной действительности**, которая существует **вовне** субъектов.

В-третьих, права и обязанности элементами правоотношений (общественных отношений) быть не могут в силу того, что являются неотъемлемыми частями регулятивной нормы права, которая общественными отношениями не является и никем, даже **самими** К. Марксом и Ф. Энгельсом, никогда общественными отношениями не признавалась.

В-четвёртых, права и обязанности нельзя признавать элементами правоотношений потому, что они представляют собой **средства** правового регулирования, а правоотношения в рамках **пока ещё** существующей правовой парадигмы принято называть **предметом правового регулирования**.

С учётом этого отнесение прав и обязанностей как **средств** правового регулирования к элементам правового

отношения (**предмету** регулирования) означает, что в **пока ещё** существующей правовой доктрине и права, и обязанности фактически рассматриваются как средства **регулирования самих себя.** Что это? …**Аутотренинг?**

§ 13.8. Неприемлемость отнесения объекта правоотношения к элементам правоотношения

Ещё одним структурным элементом (частью) правоотношения как общественного отношения **пока ещё** принято признавать объект правоотношения.

Единого представления о сущности объекта правоотношения к настоящему времени не сформировано. Но если собрать воедино и обобщить все варианты его понимания, то получается, что объектом правового отношения как общественного отношения признаются: различные блага в виде материальных и нематериальных ценностей, по поводу которых устанавливаются правоотношения, а также поведение, деятельность людей, связанные с этими благами.

Однако ни эти ценности, ни поведение и деятельность людей элементом (частью) правоотношения быть не могут.

Первый аргумент. Ранее (§ 3.16., четвёртый способ доказательства) было продемонстрировано, что правоотношение как социальная связь между людьми вообще никаких элементов (составных частей) иметь не может.

Поэтому ни ценности, ни поведение, ни деятельность людей рассматривать в качестве элементов правоотношения как связи недопустимо. **В правоотношении как социальной связи** вообще **никаких элементов выделять нельзя**.

Второй аргумент. В источниках по общей теории права можно встретить **только одну** так называемую **«причину»**, на основании которой «объект правоотношения» (ценности, поведение, деятельность) пока ещё принято относить к элементу правоотношения как общественного отношения.

Это «логика» рассуждений по схеме: если что-либо без чего-то существовать не может, то это что-то является элементом (составной частью) этого чего-либо. Например: «**Объект** правоотношения **является** важным **элементом** любого **правоотношения**. **Обусловлено это тем, что без объекта не существует и правоотношения**»[204].

Однако такая «логика» на самом деле является неправильной и даже на название логики претендовать не может. Очень хорошо это можно продемонстрировать с использованием следующих примеров.

Если предположить, что такая «логика» верна, это означало бы, что **элементом** новорождённого **ребёнка является забота** о нём его матери или иных людей, без которой он существовать не может, а **элементом** любого **человека являются** жизненно важные показатели окружающей его среды, сама планета, **солнце** и т. д., без которых его бытие невозможно. Но так ли это? Разумеется, нет.

Вопрос об отнесении чего-либо к чему-то следует решать иначе. Одного только признания чего-либо условием существования чего-то ещё **недостаточно** для его отнесения к элементам этого чего-то. **Отнесение** любой вещи к элементам чего-то необходимо проводить прежде всего с учётом её собственных свойств и сущности, а также с учётом занимаемого этой вещью положения в нашем мире.

Изложенное выше позволяет признать понятие **объекта правоотношения** не только неприемлемым, но и ненужным. Однако в его ненужности ничего нового на самом деле нет. Значение данного понятия и без этого вывода сформулировать приемлемым образом никому ещё не удавалось, что, впрочем, теперь вполне объяснимо.

---

[204] *Иванова С.В.* Объекты правоотношений: отраслевой подход. Правовой порядок и правовые ценности. 2023. 1 (3). С. 15. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-pravootnosheniy-otraslevoy-podhod/view (дата обращения: 11. 05. 2025).

§ 13.9. Итоги рассмотрения представлений о сущности и структуре правоотношения

1. Представления о сущности и структуре правоотношения, основанные на неправильном понимании неправильностей марксизма и «воспевании» общественных отношений, действительности не соответствуют.

Для объединения рассмотренных выше, как их пока ещё называют, «элементов» в одно целое под общим названием «правоотношение» ни один из реальных альтернативных вариантов понимания отношений (внутренняя позиция; соотношение; связь – контакт, взаимосвязанность, зависимость, взаимообусловленность и т. д.) не подходит.

Объединить в одно целое эти «элементы» можно только на основе нереальных представлений о действительности.

Данное обстоятельство объясняет причину, по которой подавляющее большинство понятий правоотношений, предлагаемых высококлассными специалистами, эту нереальность отразить так и не смогли и построены на подмене тезиса (§ 13.4.), – нереальное отразить невозможно.

Вот к чему привёл правовую науку идеологический диктат, вынудивший её «исповедовать» изначально неверные тезисы марксизма об общественных отношениях.

2. Реальное осмысление правовой действительности упоминания правоотношений не требует (§§ 13.1., 13.2), что указывает на ненужность существовавшей до настоящего времени правовой парадигмы, основанной на «регулировании правоотношений», а также на отсутствие у этой парадигмы требуемого уровня объяснительной способности.

Вернитесь к § 13.1. и убедитесь сами. Сравнение будет явно не в пользу признания предметом правового регулирования урегулированных правом общественных отношений.

3. Сама эта парадигма изначально возникла и существовала лишь для того, чтобы идеологически «воспевать» некритически позаимствованный из «философии» марксизма

термин «общественные отношения», а также определяемое им понятие «урегулированных правом общественных отношений» (§ 13.3.). А впоследствии был запущен маховик «общепризнанности» этой парадигмы, влияния авторитетных точек зрения и прочего, благодаря чему она и получила возможность дальнейшего существования даже без учёта её идеологически конъюнктурных истоков (§ 13.2.).

Однако присущее этой парадигме сведéние всего и вся к общественным отношениям ни к чему хорошему не привело. Подтверждением этого является нереальное представление о структуре и составе правоотношения, построенное на «логике», которая предполагает, что люди являются элементами радиосвязи (§§ 13.5., 13.6.), права и обязанности занимаются аутотренингом – регулируют сами себя (§ 13.7.), а солнце является элементом человека (§ 13.8.).

Помимо этого убедиться в нереальности правовой парадигмы, основанной на понятии общественных отношений (правоотношений), можно с использованием очень простого приёма многоуровневой комплексной детализации понятий.

Суть его как метода **многоуровневой** детализации понятий заключается в том, что для уяснения значения заглавного ключевого слова понятия оно поясняется посредством какого-либо иного слова, после чего уже это слово, в свою очередь, поясняется посредством следующего слова и т. д.

Суть данного способа как **комплексной** детализации понятий состоит в том, что многоуровневая детализация проводится не только для заглавного ключевого, но и для всех иных слов и понятия, и **контекста** его употребления.

Если бы авторы, оперирующие тезисами, основанными на использовании терминов «общественные отношения», «правоотношения» **изначально** определили значение **слова «отношение», а также всех иных слов** из контекста упоминания общественных отношений и правоотношений, то им сразу бы стало понятно, что эти тезисы действительности не соответствуют.

4. Дальнейшее признание предметом правового регулирования урегулированных правом общественных отношений, называемых правоотношениями, никакого реального смысла не имеет. Оно не только бесполезно (ничего по существу в механизме правового регулирования не объясняет), но и очень вредно (описывает невозможную картину мира и формирует неправильную манеру мышления, «позволяющую» рассматривать всё, что угодно, как угодно).

5. Предметом правового регулирования следует признавать поведение, деятельность людей (§ 13.1.). По этой причине термин «правоотношение» остаётся незанятым и его можно оставить истории. Если называть вещи своими именами, то необходимость в его использовании не возникает.

Но можно поступить иначе и использовать термин «правоотношение» для названия, например, логической правовой связи **между наличием** субъекта права **и наличием** субъекта обязанности (§ 11.2.). Хотя, с другой стороны, пояснение этой связи всё равно потребует разъяснения назначения и логики механизма правовой регламентации (§ 11.2.). Так зачем повторять одно и тоже? Для объёма учебников?

Ранее мы использовали **этот термин** для решения проблемы нормативной регламентации обязанностей по реализации публичных прав населения (§ 12.5.). Но это была вынужденная мера, позволившая рассмотреть данную проблему в стилистике её возникновения («на языке правоотношений»). Теперь же, после её решения, востребованность данного термина нам представляется весьма сомнительной. Для тех, кто понимает, что регулятивная норма права и договор всегда должны иметь своими субъектами лиц с различными правовыми статусами, и **он** будет излишним.

Вместо правоотношений, их сторон, сферы правоотношений лучше сразу (без излишеств) говорить об адресатах (субъектах) нормы права, о комплексе прав и обязанностей, их субъектах, о сторонах договора, о сфере действия гражданского, трудового либо иного законодательства и т. д.

ГЛАВА XIV. ЛИНГВИСТИКО-КОГНИТИВНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ НЕПРИЕМЛЕМЫХ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Завершая основную часть проводимого нами исследования, представляется целесообразным уделить внимание вопросу о причинах возникновения неприемлемых понятий субъективного права.

Частично (на некоторых примерах) этот вопрос уже был рассмотрен ранее, но мы полагаем, что этого недостаточно, и предлагаем его целостное обобщённое рассмотрение, которое поможет установить причины не только тех неправильных понятий прав субъекта, которые были исследованы в данной работе, но и тех, которые не были удостоены чести быть представленными уважаемому читателю.

Помимо этого пояснение данных причин будет выполнять и профилактическую функцию, не допуская возникновения новых неприемлемых понятий субъективного права.

Комплексная основа для пояснения этих причин уже была рассмотрена нами в § 12.5. (см. «Четвёртое возможное обстоятельство»). Поэтому здесь она представлена в виде совокупности последовательных тезисов.

Вот они: многофункциональность понятия субъективного права (1); отсутствие необходимости использования этого понятия в повседневной жизни одновременно во всех его функциональных значениях (2); необходимость его применения в обычной жизни, как правило, в каком-либо одном его функциональном значении (3); обусловленная последними двумя из перечисленных обстоятельств **привычка** употреблять слово «право» в его понимании как пра́ва субъекта в каком-либо одном из его функциональных значений (4); обусловленный данной привычкой **навык** сознания многих людей предлагать своему хозяину слово, термин «право» для определённой цели **без учёта абсолютно всех** вариантов выполняемых ими функций (5).

Теперь следует рассмотреть особенности **механизма возникновения навыка** сознания предлагать своему хозяину термин «право» для его использования в каком-либо одном из присущих ему значений, не учитывая при этом иные его значения-функции (1), и последствия этого **навыка** (2).

Сталкиваясь с различными ситуациями употребления слова «право» своим хозяином и другими людьми, сознание постепенно начало запоминать характерные черты, присущие этим ситуациям, и на основе этих характерных черт стало запоминать то функциональное значение, в котором употреблялось это слово в каждой из таких ситуаций.

Например, на основе анализа некоторых случаев сознание пришло к выводу, что одним из функциональных значений слова «право» является указание на то, что субъект права должен иметь требуемую правом возможность.

Это привело к тому, что при аналогичных обстоятельствах сознание абсолютно правильно стало предлагать своему хозяину именно это слово. И это абсолютно нормально.

У отдельных лиц, специально уделяющих внимание точности смысла и вообще точности мышления, данный навык сознания повлёк формирование такого представления о субъективном праве, в соответствии с которым оно стало восприниматься как понятие, которое обозначает **нечто неопределённое**, но при этом такое, что указывает на то, что субъект права должен иметь охватываемую понятием этого права возможность.

Однако, таких людей, к сожалению, очень немного.

У большинства других людей процесс формирования рассматриваемого навыка мышления происходил иначе.

Отсутствие чёткого и конкретного понятия субъективного права привело к тому, что слово «право» сначала стало **лишь ассоциироваться** в сознании с требованием наличия возможности, однако впоследствии эта ассоциативная связь постепенно стала трансформироваться и трансформировалась в синонимию слов «право» и «возможность».

Для неискушённого сознания синонимия данных слов была способом заполнения того смыслового вакуума, который присутствовал в понимании прав субъекта по причине отсутствия их приемлемого понятия. Объясняется это тем, что природа не терпит пустоты, и когнитивный вакуум – не исключение. Он также требует его заполнения, и далеко не все готовы терпеть его ради семантической точности мысли.

Проще прибегнуть сначала к ассоциативной имитации синонимии, а потом и к самой синонимии.

И происходил этот процесс на фоне «нелюбви» к многословным выражениям в виде манеры сокращать длинные формулировки, оставляя в них только основные смысловые моменты (1.4.6. и 5.2.4.).

Оба этих фактора привели к тому, что, например, вместо фразы «право в одном из своих функциональных значений представляет собой нечто такое, что указывает на то, что субъект права должен иметь какую-либо возможность» или «у меня есть право как нечто такое, что указывает на то, что у меня как правообладателя должна быть такая-то возможность» многие стали говорить упрощённо, напрямую рассматривая право как возможность, а другие, не понимая сути этой упрощённой стилистики, стали воспринимать данный вариант употребления слова «право» уже как норму.

Если бы большинство представителей человечества уделяло внимание точности мысли (1) и не ленилось общаться в полной литературно развёрнутой форме (2), если бы человечество предварительно сформулировало правильное понятие субъективного права (3) и только после этого включило его в свой лексикон (4), **то** слово «право» никогда не стало бы рассматриваться в качестве синонима таких слов, как, в частности, «возможность».

Однако точность мышления и желание общаться в филологически развёрнутой форме присущи далеко не всем, правильное понятие прав субъекта никто предварительно не сформулировал, зато употребляться этот термин стал очень

активно. Да, сначала ассоциативно, потом в режиме эмуляции синонимии и, наконец, синонимии, но свои функции он прекрасно выполнял и в таком его понимании, чего в практическом плане было вполне достаточно.

Вот так и получилось, что **в массовом сознании** слово «право» постепенно стало трансформироваться и трансформировалось в синонимы тех слов, которые на самом деле его синонимами быть не должны.

Произошло это очень давно, и результаты этого когнитивно-лингвистического феномена достались нам от предыдущих поколений уже в готовом виде.

Впитав в себя с детства эти варианты употребления слова «право», большинство считает их абсолютно нормальными и об их этимологии вообще не задумывается.

Аналогичным образом возникли и другие неправильные варианты понимания субъективного права, в частности, такие, в которых под правом субъекта понимается притязание, вид и мера поведения и прочее.

Теперь о том, почему наиболее распространённым оказалось понимание прав субъекта как **возможности**, причём настолько, что даже было включено в словари.

Эта распространённость определяется двойным значением слова «возможность», которое, во-первых, означает наличие дозволенности, разрешённости определённых действий и, во-вторых, указывает на условия, необходимые для совершения этих действий (1.4.3.).

Сталкиваясь с употреблением слова «право», сознание обратило внимание на то, что оно используется в ситуации, когда необходимо подчеркнуть дозволенность действий (1) или то, что наличие права предполагает предоставление (2), обеспечение (3), ненарушение (4), восстановление (**5**) **условий** (**возможностей**), необходимых для их совершения.

Это повлекло фиксацию сознанием того, что слово «возможность» ассоциируется со словом «право» в значительно большем количестве случаев, чем иные ключевые слова.

Вот почему, когда это ассоциирование стало трансформироваться в синонимию, именно этот вариант понимания права был избран сознанием в качестве доминирующего, превалирующего над другими, и был включен в словари.

Доставшееся нам в наследство от предшественников понимание субъективного права как **притязания** является следствием того, что вопрос о необходимости использования слова «право» возникает в ситуации, когда у лица имеется **стремление, то есть притязание** получить результат, охватываемый понятием субъективного права.

Специфику дальнейшего хода событий вы уже знаете. Ассоциативная связь между правами субъекта и притязанием по их реализации в последствии трансформировалась в синонимию слов «право» и «притязание».

По такой же схеме произошло формирование и понятия права **как вида и меры** дозволяемого им поведения. Этому способствовала фиксация сознанием того факта, что наличие права дозволяет поведение не любого вида, а только того, который определяется видом права, и только в таких пределах, которые не затрагивают сферы действия субъективных прав других лиц.

К указанным выше причинам появления неправильных понятий субъективного права следует добавить и причины использования подмены тезиса, которые детально и деликатно были рассмотрены в начале этой работы (1.1.1.).

Поэтому здесь лишь кратко и по сути: подмена тезиса используется в ситуации, когда необходимо сформулировать понятие, а понимания вопроса нет. Вот и приходится давать в понятии не то, что требуется, а то, что известно.

Этот небольшой этимологический этюд ещё раз, но уже с другой точки зрения подтверждает выводы о том, что рассмотренные в первой главе этой работы понятия субъективного права для юриспруденции неприемлемы. Вот почему ещё на их применение в юридической науке следует наложить табу – "священный" запрет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не истины трудны, а расчистка человеческого сознания от всего осевшего ила, от принимания неестественного за естественное, непонятного за понятное.

А.И. Герцен

Проблема неоднозначного определения сущности прав субъекта имеет комплексный междисциплинарный характер и требует для своего решения согласованного понимания трёх разделов философии: права, морали и мотивации.

Длительное существование данной проблемы было обусловлено неразработанностью указанных сфер философии, а также отсутствием результативных попыток рассмотрения методологических аспектов её решения.

Ничего действительно принципиально нового в нашем исследовании сказано не было. Абсолютно все «золотые» идеи, на которых оно основывается, ранее уже были известны человечеству, но не были восприняты им как истинные и долгое время оставались незаслуженно забытыми.

Главное, чего нам удалось достичь в этой работе, отражает приведённый выше эпиграф, с которого мы начинали своё исследование, и которым его завершаем. Эта расчистка потребовалась многим из рассмотренных нами вопросов.

Всё остальное переосмысление вполне могли бы провести и узкопрофильные специалисты. Но сколько времени пришлось бы ожидать, пока это случится? Вот в чём вопрос. Поэтому мы сами инициировали этот процесс и определили несколько его основных и сопутствующих направлений.

В своей работе мы исходили из того, что истинной науке претят оглядки на авторитеты. Иначе в ней движения вперёд не будет, а, значит, и никакого смысла. Приоритет мы только фактам отдаём, их осмыслению, методологии.

Но каждому предшественнику – наш пиетет! На **Их** трудах, ошибках, достижениях стоит вся современная наука!

К написанию этой книги, начиная с первого её издания в 2024 году, мы шли два с лишним года, постепенно, шаг за шагом проводя исследование достаточно непростой проблемы весьма неоднозначного, противоречивого и во многом неверного понимания сущности субъективного права.

Содержание всех полученных к настоящему времени результатов можно было бы изложить и как-то иначе, например, в готовом систематизированном виде, как это обычно делается в учебниках либо в монографиях, где приводятся не все исследовательские аспекты проведённых научных изысканий, а только минимально необходимая их часть.

Но мы намеренно оставили всё как есть, весь ход исследования в его реальном виде со всеми вопросами, рассуждениями и пояснениями, чтобы показать тот путь, который должны были пройти в своей эволюции теория (1) и философия (2) права, отраслевые юридические науки (3), этика (4), основы психологии (5), обществоведение (6), нормы международного (7) и отечественного (8) законодательства.

Полезной следует признать и приведённую в книге критику понятий, построенных на открытой и завуалированной подменах тезиса, которые достаточно часто используются гуманитарными науками (9). Надеемся, что теперь их число станет намного меньше (во всяком случае, в сфере юриспруденции). Не лишними являются и рекомендации по правильной классификации норм права и вообще каких бы то ни было иных вещей действительности (10).

Логическую завершённость исследования обеспечило установление сущности должного, субъективной обязанности и её соотношения с субъективным правом (11).

К самим К. Марксу и Ф. Энгельсу с учётом высокой нравственной цели их работ – освобождения людей от эксплуатации – мы относимся **с большим уважением (12)**, но их **неправильное название** базиса ОЭФ – «отношения», повлекшее **нереальное** понимание сущности предмета правового регулирования **(13)**, принять невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Научное слово – достойное обращение
к разуму, сердцу и в целом к душе.
Литературное слово также искусно.
Пусть каждый найдёт в нём,
избегая клише, лишь только то,
что ему одному и созвучно, и нужно.
И.П. Семченков

ЛЮДИ И БОГИ
фантастический рассказ

***

– Всё готово! Весь экипаж у экранов!

– Сделайте звук эффективней! Включайте!

На экране появилась фигура ведущего:

– Уважаемые зрители, добрый вечер! В эфире новости местного телевидения! В нашем районе настал сезон сбора клюквы, и мы обсуждаем вопрос об НЛО на болотах! В студии очевидцы – Митюшкин Владимир Ильич и Гордеева Нина Петровна. Владимир Ильич, это правда, что Вы видели взлёт НЛО? Какие, по-Вашему, имеются риски?

– Своими глазами всё видел! Большой такой диск, серебристого цвета! Насчёт угрозы… не знаю… разве корову какую возьмут на разборку… а так, чтоб людей похищали, то вряд ли.

– Нашли кому верить! – вмешалась Нина Петровна, – ведь он балабол! Сам вместе с Витькой Смирновым датчик Глонасса с соседской коровы к вертолёту приладил, да он потом отвалился и в болоте утоп! И шутка не вышла, и корову теперь не найти! Хозяйка в инфаркте! Вот он и хочет всё на блондинов спихнуть! На самом-то деле не диск это был, а кирпич округлённый, размером с бочонок, обычный

разведчик! Такой и овцу не утянет! Мы с Манькой его тоже видали! Ей Богу, не вру! На дроне артели даже видео есть!

Экран визиона погас. Адмирал космофлота Василий Бодров – командир звездолёта – был в гневе:

– Ну и кто виноват в этом шоу?! Как вы могли «засветиться»?! Кому надоели погоны звёздной элиты?! Кого в пустоту без скафандра три раза?! Трибунал разберётся!

– Но мы же говорили о русских. Они перспективны…

– Забыли о запрете сената?! Когда вы научитесь мыслить в масштабах планеты?! По морсу соскучились?! Кваску захотелось?! Всему экипажу неделю «Тревоги»!!! …И морс никому не давать!!! – затем, обращаясь к помощнику, – Не думал, что всё настолько критично… Его что, действительно мало осталось? Жду интенданта с докладом!

Мысли адмирала вернулись в привычное русло. Исследование планеты было завершено полгода назад. Но оставалась ещё одна причина пребывания звездолёта в этой системе. Именно она была главной. Это секретная миссия. На борту о ней знали только два человека – он сам и старший офицер по контактам. Оба к ней были готовы, но без команды приступать к её выполнению было нельзя.

Неделя «Тревоги» пройдёт очень быстро. Необходимо чем-то ещё занять экипаж…

Почему не выходит на связь Боголюбский? Почему не даёт условный сигнал о запуске миссии?

***

Глава объединённого правительства Звёздной Федерации Белозар Боголюбский подошёл к окну своего кабинета. Столичный космополис завораживал высокотехнологичной и в то же время искусной архитектурой, вобравшей в себя наилучшие образцы градостроительства всех известных галактик. В небе сновали юркие флаеры, яхты, над ними степенно шли тяжёлые корабли. Повсюду искрились мириады разноцветных огней. Во всём чувствовались красота и мощь

главного города тысячи звёздных миров. Но сегодня его этот вид не радовал. Возникла угроза бюджету.

Сначала всё складывалось очень удачно. Новая звёздная система, имеющая редкие компоненты для топлива космофлота, согласилась войти в состав федерации и была готова начать их поставки. Однако её удалённость потребовала установки гиперворот недалеко от планеты Земля, жители которой по уровню своей цивилизованности оказались не готовы быть принятыми в звёздный альянс. Для этого им не хватало истинного понимания сущности субъективного права, на котором построено взаимодействие между всеми членами федерации.

Это понимание можно было бы внедрить в их культуру и тайно, но вездесущие шпионы сенатской комиссии строго следили за соблюдением закона о невмешательстве в развитие цивилизаций молодых планет.

В прошлый раз после такого маневра он с превеликим трудом сохранил свою должность.

Снова оказаться на грани? Нет уж, увольте! И что прикажете делать? Неужели тупик?

Сознание, повинуясь едва уловимому зову души, установило канал мыслесвязи с настоятелем Храма Троичного Бога. Священник, как всегда, был почтителен:

– Здравствуйте, господин Премьер-министр! Рад снова слышать Вас, Ваше Сиятельство!

– Помолитесь, пожалуйста, Создателю за землян, чтобы дал им понятие субъективного права. Надо помочь … мм … этим людям!

Боголюбский облегчённо вздохнул, тяжесть в груди начала отступать. Рука привычно осенила владельца троекратным крестом, а взгляд Святого Николауса Чудотворца, образ которого висел на стене кабинета, как будто бы стал немного теплее… Или так показалось?

За окном полыхнул многоцветный салют. Ну надо же, как прекрасен наш мир!

– Передайте Бодрову, пусть везёт сюда клюкву! Больше на этой планете ничего делать не надо!

***

Ратимир Третьяков, шеф бюро прослушивания мыслесвязи, входившего в состав сенатской комиссии по соблюдению законодательства, отрешённо смотрел поверх визиона. Слишком много всего навалилось на него за последние дни.

Больше всего его беспокоила дочь, а особенно здоровье ребёнка. Болезнь пришла неизвестно откуда. Как ни старались лучшие эскулапы галактики, причины её появления, диагноз, лечение так и остались загадкой, а ребёнок, любимый долгожданный ребёнок, продолжал угасать…

Жена ухватилась за последнюю нить надежды и отвезла её в монастырь Звёздных Сестёр.

Но Ратимир не очень-то верил в чудесное исцеление. Триста лет службы на кораблях космофлота приучили его надеяться лишь на себя и свой экипаж, и, как показал опыт звёздных баталий, смелость, расчёт и везение были лучше молитвы.

Лечение дочери оказалось сверхдорогим. Только поэтому он согласился шпионить за Боголюбским по просьбе Звёздной системы Мунда́ки, которая готовила обходно́й путь поставок из новой системы мимо Земли, но не торопилась тратить деньги на продвижение этой идеи в сенате. Вначале они хотели убедиться в том, что Белозар не сможет включить Землю в состав федерации.

Звонок Боголюбского в Храм Троичного Бога и приказ о возвращении звездолёта указывали на то, что никаких иных действий по включению Земли в состав федерации он предпринимать не намерен.

Что же, аванс мундако́в отработан…

Внезапно включился канал мыслесвязи: «Папочка! Дорогой!», – прервал ход его мыслей жизнерадостный голос, – «У меня всё в порядке! Как ты?»

Пол под ногами ветерана качнулся…

В тот же миг на связи появился «заказчик»:

– Каковы, господин Третьяков, перспективы по нашему делу? – спросили мунда́ки.

– Если быть честным, … не очень.

– Уверены?

– Точней не бывает. Земляне будут в альянсе!

***

Ратимир Третьяков с Боголюбским, негромко беседуя, спускались по лестнице древнего храма.

Праздничная служба по случаю стотысячной годовщины со Дня Рождения Святого Преподобного Верослава, собравшая властный бомонд всех главных галактик, окончилась. Так что, поговорить им было о чём.

Внизу их ожидала дочь Ратимира:

– Ну что, «заговорщики», как там Земля? Очень хочу туда на экскурсию! Начальных миров не так много осталось! Говорят, что там есть брюнеты!

Отец, немного помедлив:

– Понятие субъективного права Свыше им дали. Но ключевые фигуры не вняли ему. По-прежнему всюду войны и смерть. Власть не в каждой стране, что нужна. Народ не плодится. Объявлено «право» на грех Содогамо!!! Сенат отложил рассмотрение этой планеты, теперь они сами должны постараться.

Боголюбский также не стал скрывать недовольства:

– Поставки транзитом через систему Мунда́ки на счастье одним мундака́м!

– И сколько им времени нужно, чтобы самим разобраться? – никак не могла успокоиться дочь.

– Кто знает, – отец обернулся на храм, – Тот не скажет.

– Но как же так, папа? Ведь, если они не успеют, придёт Величайший и очистит планету! Такое не раз уж бывало! Они что, об этом не знают?

– Главари не боятся, им ад слаще рая… пока что. Они лукавому служат, не вкусив тех страданий, что им уготованы вместо награды хозяином ада.

– Печально… Земляне! Любите друг друга и Бога!

Мы больше ничем вам не сможем помочь…

***

Валерий заказывал пятый стакан зелёного чая. Ничего не поделаешь, зато в этом кафе самый быстрый бесплатный интернет для клиентов.

На входе появились Милана с Сергеем:

– Пишешь диплом? Читаешь работу полковника о сути субъективного права? – вопросом приветствовал Валеру Сергей, – Тебе что, нормальных источников не хватает?

– Ну и как тебе книга? – придвинувшись ближе к компьютеру и легонько коснувшись Валеры, обратилась к нему с вопросом Милана, – я тоже её изучаю…

– Профессор Панов уже вышел из комы, – ревниво заметил Сергей, – он ортодокс и к защите такой диплом никогда не допустит!

Валерий открыл электронную почту с письмом от профессора: «Рекомендую ознакомиться с весьма любопытной работой…». И, отвечая, добавил: «Панов изменился».

Милана не стала дочитывать письмо до конца, ей и так всё стало понятно. Вместо этого она игриво взъерошила прическу Валеры: «Какие у Вас, сударь, планы на вечер? Не хотите обсудить смысл жизни? …Со мной?»

Блистательный ум, притягательность естественной красоты, очаровательный голос… Всё пленило в Милане.

«У нас получатся хорошие дети!» - удивившись самой мысли об этом, невольно подумал Валера. Тренировку отменять он не стал, но другие планы, и не только на вечер…

P.S. Ханаэль улыбнулась и, вновь расправив свои прекрасные крылья, одарила сияющим взором очередную планету. Есть на свете по Милости Божьей и Такая Работа!

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ

Автобиографическая проза

Секреты успеха

Однажды была у меня ученица. И умница, и красавица, и нравом добра, но первое с третьим, конечно, важнее.

Через какое-то время она обратилась с вопросом о том, как мне удаётся «в суть вещей проникать». Я ей, разумеется, всё объяснил.

О многом у нас разговор состоялся. О том, как следует мыслить (о методах верных мышления), о том, как анализировать нужно, на группы и классы деление надлежит проводить, и в том числе обо всём, что понятий касается.

Об их неконкретности, несоответствии жизни, о хитрых подменах в них смысла, а также о том, каким образом выявлять это можно.

Ушла от меня окрылённой она.

Через месяц примерно, смотрю, стоит плачет, – с пятёрок на тройки и двойки скатилась. Когда разобрались, понятною стала причина.

Обретение знаний ей разум вскружило, и стала она крушить ими всё, что под руку попало, как мóлодец в пыль хрусталь обращает (в гуманитарных науках подходящей для этого «хрустальной» фактуры хватает).

Но среди жертв оказались не только понятия. Досталось и тем, кто на занятиях их диктовал. К тому же критиканство пустое у нас не в чести, – решение принято взамен предлагать. Вот и впала она в двойную немилость.

Лекарство от этих проблем было найдено быстро.

В науку всю мощь обретённую нужно направить!

С золотою медалью окончила дева своё обучение. Недавно мы наскоро виделись, – успешна она! И на прощанье, скажу по секрету, сердечно меня обняла!

Лавро́вый гербарий

Одну из своих монографий случилось во ВНИИ мне направить, чтобы отзыв на неё получить. По этому поводу разговор телефонный у меня состоялся с научным светилом.

Но суть разговора была не о том, что написано. Не имея возможности опровергнуть работу, светило сие иным озаботилось – самим фактом того, что осмелился я «особую» тему «затронуть». Да так, что некая часть его творчества актуальною быть перестала.

Догадались, как оно поступило? Три замечательных отзыва мне написали другие учёные.

У каждого есть право на выбор. Кто-то, почивая на лаврах, гордыню свою кормит нещадно, а кто-то стремится апгрейдом своих трудов заниматься, ведь лавровый гербарий не вечен. С течением времени он всяко в труху превратится. В нашем мире нетленной лишь мысль остаётся.

Но какою будет она? Приводить её будут как пример негативный (в назиданье потомкам) или как образец?

Эпизод занимательный, добрый

Недавно мне повстречались ребята, которые у нас обучались. Когда они поздоровались, я им ответил и спросил их о том, что они помнят после наших занятий.

Они озорно улыбнулись и ответили так, как будто заранее были готовы: «"Коронную" фразу: **"Кто понял, того поздравляю!"**».

Они, видимо, раньше, чем я их заметил, меня опознали, да вспомнили быстренько всё, что смогли. Основным среди этого был не предмет, что из ответа их стало понятно. Но это не страшно, чего уже тут возмущаться, – не на экзамене же всё это было. Зато мне теперь есть, что вспомнить. Может, и Вас у меня повод поздравить найдётся?

II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Метод восхождения познания

Предназначением науки является познание **действительности** и последующее применение полученных знаний на благо людей, всего человечества.

Это означает, что в основе любого научного исследования изначально должны лежать результаты анализа конкретных фактов действительности, поскольку, в противном случае, получить истинную картину нашего мира, истинное понимание мироустройства невозможно.

Реализация данного требования нашла своё выражение в методе «восхождения познания», который по праву, то есть с полным для этого основанием, получил статус универсального общенаучного методологического подхода.

В более развёрнутом виде он называется методом «восхождения познания от конкретного к абстрактному и далее, от полученного абстрактного к новому конкретному».

Данный метод познания объединяет в себе два методологических приёма (способа).

Первый из них – метод восхождения познания от конкретного к абстрактному – предполагает, что при изучении отдельных явлений мы отвлекаемся от всего единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное, которое и представляет собой определённого вида научную абстракцию.

Примерами результатов применения первого способа (восхождения познания от конкретного к абстрактному) являются законы математики, физики, химии и многих других естественных наук, которые представлены различного рода формулами, понятиями и иными проверенными практикой научными положениями (абстракциями).

Второй способ состоит в следовании (восхождении) познания от абстрактного к новому конкретному, при котором

основой понимания нового конкретного являются не только само новое конкретное, но и абстракции, полученные посредством первого способа восхождения познания.

Примером применения второго способа – восхождения познания от абстрактного к новому конкретному – является использование полученных законов, понятий и иных научных абстракций для исследования новых явлений.

Применение этого второго способа является очень эффективным. Оно позволяет не «изобретать каждый раз колесо заново», чем очень существенно экономит ресурсы, время и душевные силы. Причём не только в научных исследованиях, но и повседневной жизни.

Важнейшим условием применения этого второго способа познания, то есть метода восхождения познания от абстрактного к новому конкретному, является достоверность используемых научных абстракций.

Но какая абстракция является достоверной?

Только та, которая получена посредством метода восхождения познания от конкретного к абстрактному, то есть та, которая имеет своим основанием результаты правильного научного анализа и осмысления конкретных фактов действительности.

На это обстоятельство мы обращаем внимание не случайно, а потому, что многие абстракции, используемые в гуманитарных науках, никакими пояснениями того, каким образом они получены, не сопровождаются. Многие авторы либо сразу предлагают своё понимание вопроса, либо используют для его обоснования такие абстракции, достоверность которых сама является неподтверждённой.

Это налагает обязанность самим проводить проверку теоретических положений, достоверность которых вызывает сомнение и внутреннее несогласие. И проводиться эта проверка должна только по методу восхождения познания от конкретного к абстрактному, то есть только посредством анализа и осмысления конкретных исходных фактов.

Примером того, как следует проводить подобного рода проверку, является настоящая книга. Но здесь, в методологическом приложении, детальное пояснение этой проверки привести невозможно, – оно было бы непомерно большим.

Вместо этого мы предлагаем обратить внимание на три основных признака, которые, наряду с иными обстоятельствами, указывают на необходимость проведения проверки достоверности теоретических наработок.

Признак первый – отсутствие конкретики научного положения, его отрыв от реалий действительности.

Научная абстракция представляет собой обобщённое представление о конкретном.

Обобщённое – это повторяющееся в одном, другом, третьем и т. д. конкретном, – это общее для каждого из них. Вот почему **абстрактное** без конкретного не существует и само **является** хотя и абстрактно обобщённым, но **представлением именно о конкретном**.

Поэтому правильная научная абстракция всегда должна отражать конкретные аспекты действительности. Это означает, что процесс восприятия правильных научных абстракций должен вызывать в сознании соответствующие образы действительности. Если же конкретный образ не возникает, это является показателем того, что эта «абстракция» к правильным научным абстракциям не относится.

Признак второй – отсутствие практической значимости или объяснительной способности.

Если какое-либо теоретическое положение на практике не применимо либо чего-то из реалий действительности не объясняет, то оно с большой долей вероятности действительности не соответствует и требует проверки.

Признак третий – несоответствие хотя бы одному факту действительности, какой-либо научной абстракции, наличие нескольких точек зрения и иных противоречий.

Относительно кратким примером применения метода восхождения познания от конкретного к абстрактному

для проверки сомнительных абстракций является опровержение пока ещё общепризнанного законодательного тезиса о том, что любое преступное деяние обладает признаком общественной опасности (ст. 14 УК РФ).

Вообще-то данному вопросу посвящена научная статья[205], но она написана в академическом стиле, то есть довольно невыразительно, сухо и скучно. Поэтому в качестве бонуса читателю, потратившему своё время на изучение данной книги, мы предлагаем тот же материал, но в форме свободного от условностей стилистики эссе.

В нём показано, что, приготовление к убийству и покушение на убийство угрожают конкретным лицам, но не обществу как социальной системе (1), а совершённое убийство вообще никому и ничему не угрожает, и угрожать не может в принципе (2).

В качестве постскриптума к этому первому эссе написано ещё одно, в котором продемонстрировано, что преступное бездействие также общественно опасным не является.

Сказ об общественной опасности убийства, что многим лицам и закону мнится

/Это ни проза, ни стихи в обычном понимании,
а просто складное эссе, об истине напоминание/

На причинение вреда кому или чему
направлено приготовление к убийству?
На смерти причинение тем лицам,
кого намереваются убить.
Утраты вред грозит всем тем, кто с ними связан.
А, может, и не вред, а облегчение их ожидает.

---

[205] *Семченков И.П.* Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.

И покушение всё тем же лицам угрожает.
А что убийство? Тоже угрожает?
Конечно, нет.
Как факт убийства, которое уже совершено,
кому-то иль чему-то может угрожать?
Всего лишь миг реализованной угрозы,
– вот что такое смерть.
Она сама угрозой быть не может.
Вред сразу причинён, и близким, и в работе,
везде, где прежде жизнь была в круговороте.
Вреда причинная волна уже иссякла.
Нигде её вы больше не найдёте.

Но говорят же, что общественно опасным
является убийство как явление.
Да, существует и такая точка зрения.
Но что она для нас,
коль с фактами имеет расхождение?

Угроза безопасности – лицо,
способное к свершению того,
что называют преступлением.
Само же преступление,
уж коль оно совершено,
будь то убийство или вреда иное причинение,
ни нам, ни обществу ничем не угрожает.
Истории принадлежит оно.

Ну, а лицо – опасно без сомнения
тем, что способно к преступлению.
Меж тем лицо и преступление –
они как сущность и явление.
Различие меж ними нам дано.
Не требует усилий многих интеллекта
и размышления особого оно.

Деяния преступного любого
сущность такова, что есть оно явление.
В нём сущность проявляется того,
кто к преступлению способен,
и кто безнравственность свою
при этом проявляет.

Поэтому на самом деле, если глубже,
то не деяние, а деятель
преступный вред кому-то причиняет.
Деяние всего лишь средство,
способ причинения.
Вот почему законом предусмотрено
не действие к ответу привлекать,
а то лицо, что проявило
способность к совершению убийства
и стало людям горе причинять.

К тому же, что такое общество?
Философы по-разному его определяют.
Марксисты – как совокупность отношений,
теория систем – как социальную систему.
Однако, как его ни трактовать,
для каждого из нас оно есть благо.
Для жизни и развития необходимая среда,
которая условия для этого предоставляет.
**И если вдруг найдётся преступление,
которое на это благо посягает**,
то в этом смысле можем мы сказать,
что **для Людей, а не для общества, в итоге
его зловредным следует признать**.

Поэтому, и с этой точки зрения,
причём весьма гипотетической,
закономерно вытекает,

что то, что обществу опасно –
угроза благу есть, но благу **Человека**.

Вот почему и в этом случае гипотетическом
слов сочетание «общественно опасно»
признать глубоким невозможно, к сожалению.
Всего лишь частный, промежуточный аспект
способно выразить оно при осмыслении того,
что именуют преступлением.
А суть при этом остаётся без внимания,
что **для людей в итоге** это плохое, вредное,
а не для общества, деяние.

Не всякому подвластно рассуждение,
лишь только тем, кто методом владеет.
Познание стремится к восхождению,
но только от конкретного к абстрактному
необходимо начинать его движение.
Всё то, что сразу сделалось абстрактным,
нежизненно, если не дружит с мнением,
суть раскрывающим конкретного явления.

Это не только уголовно-правовое,
но истинному методу воспетое эссе,
что размышлением зовётся.
Весьма полезным данный метод
всеобщею наукой признаётся.
За всеми вслед и мы его приемлем.

С почтением большим и уважением,
с любовью, но не к обществу,
в его трактовке философской,
а к Человеку, то есть к Людям.

Калининград, 2017, Семченков И.П.

Преступное бездействие общественно опасным также быть не может

Не менее, если не более абсурдным,
следует признать
попытку привязать опасность,
что общественной зовётся,
к преступному бездействию,
которое вреда вообще не причиняет.

Лицо в нём не творит добра
и не приносит пользу,
которые могло бы принести,
тот вред, беду предотвращая,
что можно было отвести.

Так, врач, не оказав больному помощь,
вреда ему не причиняет.
Причинную он связь не прерывает,
которая к вреду ведёт.
Ту связь, которая возникла без него
и до того ещё, как он с больным столкнулся.

Своё начало эта связь ведёт из травмы,
из болезни, из случая несчастного,
из действий третьих лиц.
Поэтому врачебное бездействие
назвать причиной невозможно.

Ну, а поскольку врач в таком деянии
вреда не причиняет,
то и опасности, то есть вреда угрозы,
оно, это деяние, собой не представляет.
Является оно безнравственным,
безнравственность врача вскрывая.

Вот суть его в чём, а не в том,
что оно якобы общественно опасно.
К таким врачам закон мы применяем для того,
чтобы понудить их всё делать так, как надо,
то есть творить добро, оказывая помощь тем, кому
ещё возможно избежать кладбищенской ограды,
коляски инвалидной и всего того,
что и врагу, по совести, желать не надо.

Причём же здесь какая-то опасность,
которой нет в бездействии врача?
Безнравственность здесь налицо.
Угрозы же вреда нет и в помине.

В две тысячи и восемнадцатом году
постскриптум сей написан,
опять вскрывая тот нарыв,
в душе созрел который от того,
что, зная верное решенье,
учить приходится
неистинному, ложному, пустому,
что очень больно, сложно,
а изменить пока всё это невозможно …

Поэтому на Вас надежда, молодёжь,
чтоб Вы в трудах своих не повторяли то,
что изначально верным не являлось,
но в то же время, что и теория марксизма,
от одного француза к нам закралось.
Причём не на основе метода и фактов,
а только потому, что для «науки» революционной
оно таким же «революционным» **показалось**.
Но суть деяния преступного,
его безнравственность, греховность,
от этого не изменилась, – такой же и осталась.

III. ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая истинная цель настоящего исследования.

Одной из многих интереснейших тем, которые находятся в разработке у автора как специалиста по уголовному праву, является многовековая проблема установления сущности объекта уголовно-правовой охраны (объекта преступного деяния).

В рассмотрении этой проблемы до настоящего времени **оставался** лишь один незавершённый момент в виде решения вопроса о том, можно ли относить к числу объектов преступления права человека и иные субъективные права.

Цель завершения данного исследования и послужила одной из причин написания настоящей работы, в которой мы ставили задачу установления сущности **прав субъекта** в качестве средства (тактической задачи) решения вопроса о возможности **их** отнесения к объекту преступления.

Результаты решения этой задачи оказались следующими. Установление сущности субъективного права как теоретической модели должного показало, что преступление никакого вреда правам человека и иным субъективным правам причинить не может. Данный вывод позволил исключить субъективные права из перечня объектов уголовно-правовой охраны и поставить точку в принципиальном решении **этой проблемы**: объект преступления – это всегда только возможности человека, людей.

Вторая истинная цель настоящей работы.

Ещё одна интереснейшая тема уголовного права, которая наряду с другими находится у нас в разработке, касается того, что действующее уголовное законодательство фактически построено на принципах возмездия, а это создаёт немало проблем в его применении и существенно снижает его эффективность.

Даже частичное рассмотрение этих проблем потребовало написания отдельной монографии.

Однако и этого оказалось недостаточно. Для принципиального решения этих вопросов необходимо точное и конкретное понимание нравственного и нравственности, но этика его предоставить не может. Что же делать?

Более глубоко, чем это требуется для уровня обыденного сознания, исследовать сущность субъективного права как нравственного правила. И этот путь обеспечил искомое. Данное исследование позволило решить проблему установления не только сущности морального права субъекта, но также выбора наилучшего понимания нравственного, нравственности. Всё это стало возможным благодаря тому, что истинное субъективное право как нравственное правило является одним из проявлений нравственного, и мы, исследуя нравственные аспекты субъективного права, получили понимание самого́ нравственного как такового, рассматриваемого в его самости.

Таким образом, вторая истинная цель данной работы состояла в том, чтобы решить вопрос о содержании нравственного, нравственности и тем самым создать прочную основу для дальнейшего проведения исследования, которое посвящено обоснованию практической целесообразности отказа от возмездия в уголовном праве, что даже по предварительным предположениям должно существенно повысить эффективность применения уголовного закона.

Говоря о перспективах отказа от возмездия, представляется необходимым предвосхитить и сразу же остудить гипотетический пыл некоторых либералов, которые могут воспринять такого рода отказ как гуманизацию уголовного права в смысле послабления применяемых его норм. Смеем заверить и вас, и либералов, что конструирование норм уголовного закона на основе принципа любви к ближнему повлечёт более гибкие, но, как это ни может показаться парадоксальным, одновременно и более строгие меры уголовно-правового реагирования, нежели те, которые применяются к преступникам в настоящее время.

Третья истинная цель исследования.

В последние годы всё большее распространение приобретают процессы негативного, деструктивного идеологического воздействия, которые подрывают мировоззренческие основы существования, выживания человечества. Наиболее опасными из них являются подмена общепринятой системы нравственных ценностей и провозглашение, нормативное закрепление так называемого «права на грех», которое даже именоваться правом никакого права (основания) не имеет.

Наличие данного обстоятельства обусловило постановку третьей истинной цели исследования, которая имеет комплексный характер: самим разобраться с тем, что представляют собой права человека, иные права субъекта, нравственное и нравственность; поделиться полученным их пониманием с народами нашей страны, всем человечеством и, тем самым, внести посильный вклад в противодействие безнравственному и безнравственности (это разные вещи).

Эта третья истинная цель является более значимой, нежели цель устранения неоднозначного понимания сущности субъективного права, которая представлена во введении к данной работе в качестве основной и носит только гносеологический философско-правовой характер.

Истинное значение результатов исследования.

Если свести воедино все цели данной работы, то станет очевидным, что фактическое значение её результатов является более широким, чем это могло показаться вначале.

P.S. Непостижимой для обычного человека философии не существует. Вся истинная философия в такой же мере, как и наш прекрасный мир, который отражать она предназначение имеет, всегда понятна и логична, системна, гармонична. Всё остальное – черновики и заблуждения, которые за неимением истинного нам в качестве теорий предлагают.

Но как их отличить? Прислушаться необходимо к Духу Истины. При восприятии неистинного Он не подведёт и будет не согласен. Но это лишь начало…

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семченков Игорь Павлович, кандидат юридических наук, полковник полиции в отставке. Калининград.

Родился 8. 01. 1966 года в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области, СССР.

1983–1987 гг. – обучение в высшем военном командном училище связи Министерства обороны СССР.

1987–1991 гг. – командир взвода-преподаватель в учебной бригаде Противовоздушной обороны Министерства обороны СССР – уволен по сокращению штатов.

1991–1996 гг. – работа в практических подразделениях органов внутренних дел МВД России, последние три года – в должности старшего оперуполномоченного БЭП.

1996–2024 гг. – научно-педагогическая деятельность в Калининградском юридическом институте МВД РФ, который в 2011 году был реорганизован в филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ, с 2009 по 2024 гг. – доцент кафедры.

2025–2026 гг. – Калининградский областной филиал ФГУП «Охрана» Федеральной Службы войск национальной гвардии России, начальник группы, а с марта по декабрь – стрелок ВОХР.

С 2026 г. – в поиске работы, оставляющей время на науку.

Юридическое образование получил заочно в 1997 году. Кандидатскую диссертацию защитил в 2003 году, педстаж – 29, 5 лет.

Творческие результаты: монографий – 7; курс лекций –1; научных статей – 50; учебных пособий – 4.

Благодарим Вас за время, уделённое прочтению этой работы. Надеемся, что оно было потрачено не напрасно.

Примите разрешение на размещение данной книги в любых электронных библиотеках без письменного согласования с нами.

С уважением, Семченков И.П. Россия, Калининград.
semchenkovmail@yandex.ru ; +7-911-484-79-89

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
Игорь Павлович СЕМЧЕНКОВ

СУЩНОСТЬ
СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА
Авторское исследование

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗДАНИЕ
(с дополнениями и изменениями)

Редакция и дизайн обложки автора,
рисунки взяты из открытых источников интернета

Подписано в печать 12.03.2026 г. Формат 60x84 1/16
Гарнитура PT Astra Serif. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22
Тираж 50 экз. Заказ № 1291-26

Издательство ООО «РА Полиграфычъ»,
г. Калининград, ул. Новинская, 4-1.
Тел. 8-911-450-70-51. E-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел. 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-Mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

ISBN 978-5-6055283-8-8